

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ КАРМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
IV том

КАРМА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧЕМ ДОЛЖНО БЫТЬ АНТРОПОСОФСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ

10 лекций в Дорнахе с 5 по 23 сентября 1924 года и последнее
обращение 28 сентября 1924 года

Библиотечный номер № 238

<http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=27>

С издания в Дорнахе 1965 года

Эти лекции, читавшиеся только для членов Антропософского общества, предназначаются лишь для тех читателей, которые уже достаточно знакомы с произведениями Рудольфа Штайнера, как с написанными и изданными им в виде книг, так и с его многочисленными лекциями. Эти лекции издаются как материал для собственной работы читателей, и их текст следует в максимально возможной мере стенографической записи. Было решено отказаться от каких бы то ни было примечаний к тексту, чтобы не нарушать интимный характер этих сообщений, предназначавшихся сперва только для устной передачи, а не для печати. В отношении же возможности их воспроизведения Рудольф Штайнер в лекции от 22 июня 1924 года заметил, что это может иметь место не иначе как при дословной их передаче.

Управление наследием Рудольфа Штайнера

Издавая эти лекции для антропософов из СНГ, нам пришлось добавить некоторые примечания, по поводу отдельных персонажей упоминаемых в лекциях, мало знакомых постсоветским читателям. Примечания взяты из «Советского Энциклопедического Словаря» 1990 г. издания и из энциклопедии «Кирилл и Мефодия» 1998 г.

Издатель Ш. С. Еремян

ЕРЕВАН
2000

Второе издание

Первая лекция

5 сентября 1924 г., Дорнах

Сегодня здесь присутствуют многие из наших друзей, которые после Рождественского собрания находятся здесь впервые, поэтому мне следует хотя бы вкратце, в порядке вступления, указать на значение Рождественского собрания. Через это Рождественское собрание Антропософское Общество должно было получить новый импульс, именно такой импульс, который ему как раз и надлежит иметь, если через него действительно сможет достойным образом проистекать та жизнь, которую антропософия должна внести в жизнь цивилизованного человечества. Надо сказать совершенно определенно, что со дня Рождественского собрания в Антропософское Общество вступил эзотерический импульс. До этого времени Антропософское Общество было, так сказать, лишь местом для ведения антропософии. Антропософия была с самого начала тем проводником, через который притекает к людям спиритуальная жизнь, ставшая теперь, начиная с последней трети девятнадцатого столетия, доступной людям. Но это антропософское движение следует рассматривать так, что то, что проистекает из него здесь, на Земле, есть, собственно, лишь внешнее выражение некоего процесса, совершающегося в духовном мире на благо развития человечества. И кто хочет достойным образом присоединиться к антропософскому движению, тот должен учесть, что спиритуальные импульсы распространяются и на область самого Антропософского Общества, значимы для него.

Какое это имеет значение, мои дорогие друзья, если человек так вообще, теоретически верит в существование духовного мира? Верить теоретически в духовный мир, значит воспринимать этот духовный мир в свои мысли. Но мысли современных людей, хотя они по своей исконной природе и представляют собой для нынешних людей их самое духовное, — эти мысли такими, как они образовались в течение последних четырех или пяти столетий как внутренний духовный мир человека, пригодны лишь к восприятию истины о материальном. И вот, современное человечество имеет спиритуальную жизнь в мыслях, но все цивилизованное человечество наполняет эту спиритуальную жизнь только материальным содержанием. Материальным содержанием остается и то, что теоретически знают об антропософии, — остается до тех пор, пока к этому не присоединится действительная, внутренняя, исполненная сознания сила убеждения в том, что духовное есть некая конкретная действительность, что везде во всем том, где для внешних чувств человека живет материя, во всем этом дух не только пронизывает материю, но что в конце концов все материальное исчезает перед истинным взором человека, когда он достигает возможности пробиться через материальное к духовному, к спиритуальному.

Но тогда такое воззрение должно быть распространено и на все то, что

касается нас самих. А нас самих касается и наша принадлежность к Антропософскому Обществу. Для этого существующего во внешнем мире факта, для нашей принадлежности к Антропософскому Обществу мы должны быть в состоянии признать существование соответственной спиритуальности, спиритуального движения, развившегося в духовном мире в новейшее время; оно будет продолжать существовать в земной жизни, если люди останутся верными ему. В противном случае оно будет существовать помимо земной жизни. Оно будет существовать в связи с земной жизнью, если люди найдут силу в своих сердцах, оставаться верными ему.

Но, чтобы не оставалось только теоретическим убеждением то, что за всем минеральным, растительным, животным и за человеком витает нечто духовное, — и за Антропософским Обществом, которое во внешнем мире принадлежит к области майи, иллюзии, парит спиритуальный прообраз Антропософского Движения, — вот это и есть то, что должно вступить как глубокая сила убеждения в сердце каждого, примыкающего к антропософии. И это должно стать реальным в деле и работе Антропософского Общества.

До Рождественского собрания я часто говорил, мои дорогие друзья, что надо различать между **Антропософским Движением** (о котором надо и теперь говорить то же самое, что и прежде) и между **Антропософским Обществом**, которое было тогда только внешним экзотерическим местом управления антропософским эзотеризмом. После же Рождественского собрания все это обернулось совсем по-другому. Во время рождественских дней пришлось принять тяжкое решение о том, чтобы мне самому стать председателем Антропософского Общества. За все предыдущие годы существования Антропософского Общества я смотрел на себя лишь как на учителя в области антропософии, отнюдь не связанного с делами управления Обществом, и я строго проводил это в жизнь. Антропософское Общество как таковое управлялось другими людьми. Моей обязанностью было лишь, поскольку этого хотели отдельные лица или группы их внутри Антропософского Общества, осуществлять дело антропософии.

Наши друзья получают возможность в течение этих лекций, или еще как-нибудь иначе, уяснить себе, что это значит — активно выработать на земном плане то, что хочет ныне активно явить себя в спиритуальном мире. И должны быть понятны трудности, которые связаны с тем, когда к этой связи с духовным миром должно присоединиться еще и внешнее управление. И во время рождественских дней как раз стояла альтернатива: или те духовные Власти, которые ниспосылают нам антропософию, воспримут как препятствие то, что внешнее управление будет сближено с эзотерикой, или же произойдет нечто иное. Поэтому то решение, которое приходилось тогда принимать, было необычайно трудным. Ибо вполне могло случиться так, что те потоки духовной жизни, которые притекали к нам, могли бы вследствие такого решения подвергнуться опасности.

Все же надо было принять это решение, ибо положение было таково, что теперь ради того, чтобы антропософское дело осталось бы и далее

связанным с Антропософским Обществом, должно было наступить противоположное тому, что я только что охарактеризовал. Антропософское Общество должно было стать на будущие времена само тем средоточием, через которое непосредственно притекала бы эзотерическая жизнь, — которое само являло бы эзотерическую деятельность и сознавало бы эту свою эзотерическую деятельность.

Для этого должен был быть создан эзотерический президиум при Гетеануме. И для этого должно было быть признано, что такому президиуму в его целом надлежит иметь эзотерическую задачу, и что в будущем все то, что протекает через Антропософское Общество, должно быть не только антропософской субстанцией, которую надо воспринимать, но что в будущем антропософия, кроме того, чтобы быть учением, антропософия должна осуществлять себя, то есть антропософия должна действовать во всех внешних мероприятиях.

Для этого необходимо признание тех реальных сил, которые должны связывать друг с другом отдельных лиц, объединенных в Обществе. Эти силы не могут быть такими силами, которые учитывались бы какими-либо программами или параграфами, — которые постигались бы в абстрактных параграфах. Лишь только то может в эзотерическом смысле служить основанием Антропософского Общества и поддерживать его, что основывается на реальных человеческих отношениях. Так в будущем все должно основываться на реальных человеческих отношениях в широком смысле, — на конкретной, а не абстрактной духовной жизни.

Нужно только быть в состоянии воспринять эту конкретную духовную жизнь как таковую и смочь увидеть ее во всех мельчайших частностях жизни. Я хочу привести маленький пример. Мы решили, после того, как был воспринят новый импульс, выдать каждому из наших членов новое удостоверение. Так как к этому времени число членов Общества достигло двенадцати тысяч, надо было изготовить эти двенадцать тысяч карточек, и я должен был, несмотря на многочисленные возражения, принять решение — это, конечно, небольшая деталь — все членские удостоверения подписать собственноручно. Это, конечно, работа на несколько недель. Это сделано не по какой-либо причуде или упрямству, и это не какое-либо внешнее правило статуса управления, но это означает, что мои глаза покоились некоторое время на имени того, кто получал эту карточку. Это — пример человеческих взаимоотношений, правда, крохотных взаимоотношений, но в этом сказываются человеческие взаимоотношения.

Так отличаются человеческие взаимоотношения, которые должны существовать фактически, от чисто формальных управленческих правил, установленных в соответствующих параграфах и программах. Ничего из того, что должно реально струиться через антропософию, не должно быть заключено в уставах и параграфах, но все это должно быть действительной жизнью. Лишь настоящая жизнь может воспринять в себя эзотерическое.

Так что теперь должно быть сказано, что со времени Рождественского собрания дело Антропософии и Антропософского Общества более не отделены друг от друга, — они стали едины. И нужно, чтобы это прочно

вошло в сознание каждого члена Общества.

Вам может показаться, мои дорогие друзья, что все это само собою разумеется. Поразмыслите над этим, и вы найдете, что осуществление этого с полной сердечностью не есть нечто само собою разумеющееся, но что достаточно трудно осуществлять это в каждое мгновение своей жизни.

И вот возникла забота: будет ли при этих условиях спиритуальная жизнь продолжать изливаться через Антропософское Общество так же, как она изливалась через Антропософское Движение?

Но теперь мы можем сказать: после того, как мы находимся уже несколько месяцев под воздействием Рождественского Собрания и силится добросовестно выполнять то, что было задумано при спиритуальной закладке краеугольного камня Антропософского Общества, то теперь мы можем сказать: то, что изливалось уже в продолжение ряда лет, изливается теперь еще обильнее. И мы можем также сказать, что сердца еще более открылись везде там, где протекает тот, более эзотерический, чем прежде, поток, который со дня Рождественского Собрания проникает во всю антропософскую работу.

Воспримите в свои сердца, мои дорогие друзья, все глубокое значение этих слов, которые я теперь могу сказать, исходя из опыта последних месяцев. Такое восприятие в сердца будет в дальнейшем сильно способствовать образованию крепкого основания для того спиритуального краеугольного камня, который мы заложили для Антропософского Общества во время Рождественского Собрания.

А теперь я могу перейти к тому, на что будет ориентировочно указано в этой сегодняшней вводной лекции, перейти к тому, о чем я буду говорить в ближайшие дни, — о том, как Антропософское Движение в этот серьезный момент как бы возвращается в основном к своему началу, к своему зачатку, когда в начале этого столетия в Берлине, исходя из лона Теософского Общества, было основано Антропософское Общество: тогда произошло нечто очень примечательное. Во время основания Антропософского Общества, то есть Немецкой секции Теософского Общества, я прочитал в Берлине ряд лекций об «Антропософии». Этим был уже тогда напечатлен моей деятельности тот импульс, который позднее выявил себя в Антропософском Движении.

Но при этом я хотел бы сегодня напомнить еще об одном. Первое, о чем я выступил перед совсем небольшим кругом лиц, это было предложение прочесть несколько лекций на тему: «Практические упражнения по карме». И я ощутил тогда живейшее противодействие этому начинанию. Может быть, об этом вспомнит наш старейший член Антропософского Общества, господин Гюнтер Вагнер, который, к нашей большой радости, сегодня опять присутствует здесь и которого мне хочется самым сердечным образом приветствовать здесь как некоего старейшину (*Senior*) Антропософского Общества; может быть, он вспомнит, как сильно было тогда с самого начала противодействие всему тому, что предполагалось мною включить в антропософское движение. Эти лекции не состоялись. Еще не довелось тогда приступить к возвращению этой эзотерики в противовес тем течениям, которые тогда исходили из теософского движения, — эзотерики, которая открыто и непредвзято

возвещает истину о том, что, собственно, всегда было лишь теоретическим знанием.

Теперь со времени Рождественского Собрания в этом зале¹ *) и в различных других местах, где мне будет дана возможность говорить, будет открыто сказано о конкретном действии людской кармы в исторических событиях и у отдельных людей. Сегодня некоторое количество наших антропософов уже знают, как по-разному протекала земная жизнь ряда значительных личностей и как образовывалась карма самого Антропософского Общества и отдельных личностей, связанных с ним. Со времени Рождественского Собрания об этих вещах сообщается совершенно экзотерически. Со времени Рождественского Собрания наши циклы лекций стали открытыми, доступными каждому, у кого есть к тому интерес. Так что мы стали эзотерическим и в то же время открытым Обществом.

И вот теперь мы возвращаемся в известном смысле к исходному пункту. Теперь должно сделаться действительно то, что тогда предполагалось. Так как многие из наших друзей находятся здесь впервые после Рождественского Собрания, то я в ближайшие дни буду говорить перед вами как раз о вопросах кармы. А сегодня я позволю себе сделать только своего рода введение, коснувшись того, на что указано, хотя лишь в общих чертах, в номере «Сообщений» за эту неделю².

Для достижения тех познаний, которые дают возможность восприятия в духовном мире фактов и существ этого духовного мира, для исследования этих фактов необходимо, как мы знаем это из нашей антропософской литературы, определенное развитие нашего сознания. Мы уже слышали о том, как сможет стать понятным для здорового непредвзятого человеческого рассудка этот духовный мир, открытый и исследованный с помощью прошедшего определенное развитие человеческого сознания. Нужно всегда иметь в виду следующее: для исследования духовного мира необходимо развить иные состояния сознания; для понимания же того, что дается духоиспытателем как результат его исследований, — для этого достаточно иметь здоровую человеческую способность мышления, здоровый рассудок, действительно желающий совершенствоваться вопреки всем препятствиям.

Но когда говоришь так, то сразу же встречаешься с резким противодействием со стороны современного привычного мышления. Когда я сказал однажды в Берлине эти самые слова, которые я сейчас произнес, то в газете появилась статья, написанная в благожелательном тоне о моей публичной лекции, прочитанной перед многолюдной аудиторией; в ней говорилось: господин Штайнер сказал, что здоровый человеческий рассудок может понять то, что исследовано в спиритуальном мире. Но все развитие новейшего времени научило, мол, нас тому, что тот рассудок, который здоров, ничего не понимает в сверхчувственном, а тот рассудок,

---

¹ Во временном лекционном зале деревообделочной мастерской Гетеанума. Примечание издателя.

² **) «Что происходит в Антропософском Обществе», Известия для его членов. Первый год издания, № 34 от 31 августа 1924 года.

который что-нибудь понимает в сверхчувственном, — он определенно нездоров. Можно сказать, что в известном отношении таково общее мнение современных образованных людей. В переводе на трезвый немецкий язык это будет звучать так: если человек еще не сошел с ума, то он ничего не понимает в сверхчувственных мирах, если же он что-нибудь понимает в сверхчувственных мирах, то он, конечно, сумасшедший. Этим сказано то же самое, только несколько яснее.

Поэтому придется уж заняться тем, чтобы выяснить, как здоровый человеческий рассудок может понять результаты духовных исследований, полученных с помощью развития иных состояний сознания. Мы вот уже несколько сот лет оснащаем наши внешние чувства различными лабораторными инструментами, телескопами и микроскопами. Духоиспытатель тоже вооружает свои внутренние чувства тем, что он развивает сам в своей душе. Естествознание избрало путь вовне, и оно пользуется внешними инструментами; духовное же исследование избрало путь во внутрь и пользуется внутренними орудиями, которые душа образует себе при неукоснительно здоровой душевной жизни.

Сегодня я хотел бы дать вам предварительное понятие об иных состояниях сознания, исходя из сопоставления обычных теперь состояний сознания современного человечества с теми состояниями сознания, которые существовали некогда при прежних, еще доисторических, примитивных состояниях развития человечества.

Ныне человек живет в трех состояниях сознания, из которых только одно признается им за достоверный источник познания: человек живет в состоянии обычного бодрствования, он живет в состоянии сновидческом и в состоянии сна без сновидений.

В обычном бодрственном состоянии сознания мы обращаемся к внешнему миру так, что все, что мы можем воспринять внешними чувствами, мы принимаем за действительность и даем этому на себя воздействовать; мы постигаем эти чувственные внешние восприятия своим рассудком, связанным с мозгом, и образуем представления, понятия, а также и чувствования и т.д. о том, что воспринято внешними чувствами. И в этом бодрственном сознании мы воспринимаем в известных границах нашу собственную внутреннюю жизнь. И мы приходим, с помощью различных соображений и мыслей, к признанию сверхчувственного, стоящего над этим чувственным. Мне незачем описывать далее это состояние сознания; оно достаточно известно каждому, как применяемое им в земной жизни в процессе познания и волевой жизни.

Сновидческое же состояние сознания человека современности неясное, сумеречное. Человек видит при сновидениях то, что находится во внешнем мире, символически преображенным, что он не всегда сознает. Мы лежим утром в постели еще не совсем проснувшись, так что мы еще не смотрим полностью открытыми глазами на восходящее солнце, но нашему еще затуманенному взору открывается солнечный свет, светящий в окно. Человек еще как бы отделен легким покровом от всего того, что он обычно воспринимает в резко оконтуренных формах, в четких внешних чувственных восприятиях; и вот внутри душа наполняется

представлением о свете от сильнейшего пожара. Этот сильный пожар, который видит во сне человек, есть символ того, что светит при восходе солнца еще не вполне открывшимся глазам.

Или же человек видит во сне, что он идет по аллее, обрамленной белыми камнями; он приближается к одному из камней и видит, что он сверху поврежден чем-то, — не то каким-то природным процессом, не то человеком, — человек просыпается; у него заболел зуб; от этой зубной боли до его сознания дошла весть о поврежденном зубе. Два ряда здоровых зубов символизировались в том, что человек увидел во сне, а поврежденный зуб — в поврежденном камне.

Или нам снится, что мы находимся в душевной комнате и нам тяжело. Мы просыпаемся: у нас сильное сердцебиение, пульс частый. Жар сердцебиения и пульса символизируется для нас как слишком жаркая душевная комната. Во сне символизируются как внутренние, так и внешние состояния; человека наполняют реминисценции дневной жизни, преобразованные самым различным образом, сплетающиеся иногда в целые драмы. Он не всегда знает, как происходит это преобразование в удивительном содержании его душевной жизни. И часто человек, находясь под впечатлением этой жизни сновидений, которая может влиять и на бодрственную жизнь, если сознание почему-либо затуманено, может оказаться в состоянии легкого одурманивания.

Ученый-естествоиспытатель идет по улице мимо книжного магазина. Он видит книгу о низших животных, книгу, которая его всегда очень интересовала, ибо он естественник. Теперь же, несмотря на то, что из заглавия видно, что в книге есть нечто необычайно интересное для этого ученого, он этим совершенно не интересуется, а внезапно в тот момент, когда он взглянул на книгу, которая его необычайно заинтересовала бы, внезапно услышал вдали звуки шарманки, которая играла совсем забытую было им мелодию. Он весь внимание. Подумайте только: естествоиспытатель видит название книги по естествознанию и не обращает на нее внимания, а поглощен доносящимися до него издали звуками шарманки, которых он в другой раз может быть и не заметил бы. В чем же здесь дело? — Сорок лет тому назад, когда он был еще совсем молод, он танцевал первый раз в своей жизни со своей первой партнершей под звуки как раз этой мелодии, которую сейчас играет шарманка. Мелодия, которую играет сейчас шарманка, и которой он не слышал сорок лет, напомнила ему сейчас об этом. Ученый оказался человеком трезвого ума, и он вспомнил все довольно точно.

Мистик часто встречается с тем, что подобные происшествия выступают настолько внутренне преобразованным, что в переживании принимают совсем другой вид. Тот, кто приступает с сознанием всей внутренней ответственности и добросовестности к исследованию духовной жизни, должен обратить пристальное внимание на недопустимость всего того, что может вызвать в душевной жизни человека заблуждения и иллюзии. Может очень легко показаться, когда углубляешься в душевную жизнь, что нашел внутренний путь к тому или иному духовному, а на деле ... имеешь лишь преобразованное воспоминание о мелодии шарманки.

Сновидческое сознание — это нечто удивительное, нечто грандиозное,

но правильно понять его человек может лишь тогда, если он сможет стоять действительно духовно образованным (*geistdurchbildet*) перед явлением человеческой жизни.

А если мы теперь обратимся к рассмотрению глубокого сна без сновидений, то человек в его современном обычном сознании разве только имеет воспоминание о том, что протекло некоторое время от его засыпания до его пробуждения. Все остальное он переживает с помощью своего бодрствующего сознания. Лишь некоторое смутное чувство, что сам он существовал между засыпанием и пробуждением, — это все, что остается у человека от сна без сновидений.

Итак, мы имеем теперь эти три состояния сознания: бодрствующее сознание, сновидческое сознание и сознание сна без сновидений. Но если мы обратимся назад к прадревним временам человеческого развития, как уже сказано, не к историческим временам, а к доисторическим, которые могут быть познаны только с помощью тех средств, о которых мы будем говорить в ближайшие дни, то мы находим там у человека также три состояния сознания, но совсем другого рода. То, что мы переживаем теперь в бодрственном состоянии, тогда не переживалось, но в прадревние времена человеческого развития, вместо резко оконтуренных, четко ограниченных материальных предметов и существ, переживались расплывчатые физические границы.

В те времена человек, если бы он смог увидеть всех вас, как вы здесь сидите, увидел бы вас не в резких контурах, которые обрисовывают ваше человеческое существо ограниченными линиями, как мы видим это сегодня, но ваши фигуры были бы для его обычного бодрственного сознания расплывчатыми; все, что мы сегодня видим, и что тогда было неясно видимо, было для него везде пронизано некой ауричностью, духовным сиянием и блистанием, и мерцанием, и переливами, которые далеко распространялись бы за пределы того, что мы теперь видим. Все вы, сидящие здесь, показали бы такому восприимчивому наблюдателю свои ауры, и он видел бы эти мерцающие, сияющие, тающие, переливающиеся ауры душевного мира тех, кто находился бы перед ним. Тогда было еще возможно проникать взором в душевное, ибо человек жил еще в атмосфере душевно-духовного.

Позвольте мне сделать следующее сравнение: если мы идем теперь после жаркого сухого дня вечером по улице, то мы видим после такого дня уличные фонари так, что их светильники выступают в отчетливых контурах. Если же мы пойдем по улице в туманный день, то эти же самые уличные фонари окажутся окруженными различными цветными ореолами, которые, кстати сказать, современные физики истолковывают совершенно неправильно, считая это явлениями субъективного порядка, а которые на самом деле суть то, что переживается от существа этих огней в связи с тем, что человек находится в водном элементе тумана. Древние люди находились в элементе духовно-душевном; они видели ауры, которые были чем-то субъективным, но объективно принадлежали к существу людей. Таково было одно из тех состояний сознания.

Затем они имели еще другое состояние сознания, примыкавшее к первому, подобное тому, как у нас к бодрственному состоянию примыкает

состояние сна, одушевленного сновидениями; но это не было нашим теперешним сновидческим состоянием сознания; при нем исчезало все внешнее, все воспринимавшееся внешними чувствами. У нас теперь впечатления от внешнего мира становятся во сне символическими образами: солнечный свет превращается в зарево пожара, ряд наших зубов — в ряд придорожных белых камней и т.д.; или бывают сновидения-воспоминания, относящиеся к земным или даже одухотворенным драмам, — к сновидческим драмам. Мир внешних чувств существует для нас постоянно; мир воспоминаний также пребывает тут. У тех же, кто в прадревние времена обладали *своими* состояниями сознания, дело обстояло иначе (мы увидим в дальнейшем, что все мы имели такое сознание, ибо все, сидящие здесь, имели его в предыдущих воплощениях). Тогда человек видел, когда дневной солнечный свет слабел, не символы физических вещей, но эти физические вещи вообще исчезали для него. Дерево, стоящее перед ним, исчезало; оно превращалось в нечто душевное; сказания о духах деревьев — это не выдумки народной фантазии (лишь нынешняя интерпретация их — это измышление фантазии ученых, блуждающих во тьме заблуждения). На место дерева выступал дух этого дерева. И эти духи — духи деревьев, духи гор, духи скал, — эти духи были теми, кто направлял далее душевный взор людей в тот мир, в котором человек находится между смертью и новым рождением, где он находится среди духовных фактов так же, как здесь, на Земле, находится среди земных фактов; где он находится среди духовных существ так же, как здесь, на Земле, среди физических существ. Это было тогда второе состояние сознания. Мы увидим в дальнейшем, как наше обычное сновидческое сознание может для современного человека, стремящегося к духовным познаниям, также преобразиться в такое состояние сознания.

Было тогда и третье состояние сознания. Люди тогда, конечно, тоже погружались в глубокий сон, но когда они пробуждались, то у них было не только смутное воспоминание о том, что они прожили некоторое время или смутного ощущения своей жизни, но когда они пробуждались, у них было отчетливое воспоминание о том, что именно они переживали во сне. И как раз из этого состояния глубокого сна приходили впечатления о предыдущих земных жизнях и судьбах, связывающих их с другими людьми, что давало познание и прозрение кармы.

Сегодняшний человек имеет бодрственное сознание, сновидческое сознание и сознание сна без сновидений. А прадревнее человечество имело следующие три состояния сознания: сознание, воспринимающее пронизанную духом действительность, сознание, дающее возможность прозрения в духовный мир, и сознание, прозревающее карму. В основном, у прадревнего человека было своего рода сумеречное, вечернее сознание.

Это брезжащее, вечернее сознание исчезло в ходе развития человечества, угасло. Теперь должно взойти утреннее, хотя пока и брезжащее, сознание. Современная духовная наука уже вступает в него. И человек должен достичь того, чтобы при взгляде на дерево, на скалу, на источник, на гору или на небесные светила он, укрепивши свои собственные силы, смог бы прозревать за каждым физическим предметом стоящий за ним духовный факт или духовное существо.

Это может стать точной наукой, точным познанием (конечно, сегодня это считается безумием, над этим смеются, считая это сумасшествием), если действительно познающий взирает на дерево, то это дерево, хотя оно и материально, исчезает для его взора, образуя как бы выемку в пространстве, а человеку навстречу появляется духовное существо дерева. Подобно тому, как солнечный свет, отражаясь от всех внешних физических предметов, светит навстречу нашим физическим глазам, так человечество придет к тому, (и антропософия предваряет это), что осознает, что духовное Существо Солнца, проникающее своими силами и жизнью весь мир, живет во всех физических существах. Как физический свет светит обратно в наш физический глаз, так и в наше душевное око может светить от каждого земного существа божественно-духовное солнечное Существо, пронизывающее все.

Человек говорит сейчас: роза — красная; в основе этого суждения находится то, что роза возвращает ему тот дар, который сам он получил от физически-эфирного Существа Солнца, а в дальнейшем он сможет говорить: роза возвращает ему то, что она получила от духовно-душевного Существа Солнца, пронизывающего весь мир своими волнами и жизнью.

Человек снова вживается в духовную атмосферу, он будет знать, что он своим собственным существом коренится в этой духовной атмосфере. И затем он придет к пониманию того, как в сновидческом сознании, которое вначале давало лишь хаотическую символизацию жизни внешних чувств, заключены откровения того духовного мира, через который мы проходим между смертью и новым рождением; он начнет понимать, как в глубоком сне без сновидений в нас действует и живет как реальное сплетение сил то, что после пробуждения от сна побуждает нас направиться к тому, что связано с нашей кармой. То, что мы проделываем, несмотря на нашу свободу, в течение дня как нашу судьбу, — это ткется во время нашей жизни во сне тогда, когда мы со своим духовно-душевым существом, освобожденным от физически-эфирного, ведем совместную жизнь с Божественными Духами, вносящими результаты наших предыдущих жизней в эту земную жизнь. И тот, кому удастся через развитие соответствующих душевных сил получить прозрение в жизнь во время сна без сновидений, — тот откроет там кармические связи. И лишь через это впервые получит смысл исторический ход жизни человечества. Он образуется (дословно: ткется) из того, что приносится людям из прежних эпох — через жизнь между смертью и новым рождением — в новые эпохи. Если мы взглянем на какую-нибудь личность, современную или из прошлых времен, то мы сможем понять ее лишь тогда, когда мы постигнем ее предыдущие земные жизни.

В ближайшие дни мы будем говорить прежде всего о тех изысканиях, которые ведут от жизни исторических личностей, а также от повседневной жизни людей в современную или в какую-нибудь другую эпоху, к их предшествовавшим земным жизням.

Вторая лекция

7 сентября 1924 г., Дорнах

Позавчера я говорил о том, что теоретические рассуждения о карме и повторных земных жизнях остаются чем-то безжизненным, если наблюдение, направленное туда, не приводит также к действительному пониманию практической жизни, то есть к рассмотрению этой жизни в смысле кармы и повторных земных жизней. Однако к такому наблюдению, какое подразумевается здесь, надо приступать с величайшей серьезностью. Ибо уже можно сказать следующее: искушение, которому поддается человек, образуя себе идеи о всевозможных кармических взаимоотношениях и о всяческих вещах, связанных с повторными земными жизнями, — это искушение очень велико, и источник иллюзий в этой области чрезвычайно большой. Ведь исследования в этих направлениях можно в действительности предпринимать только тогда, если духовный мир в определенном смысле стал открытым для такого исследователя благодаря достигнутому им душевному развитию.

Впрочем, затем также от слушателей, внимающих сообщениям о таких исследованиях, надо потребовать, чтобы основания для убеждения в истинности сообщаемого они черпали бы из всего того, что так или иначе обнаруживается при рассмотрении подобного исследования. По отношению к тому лицу, которое начинает безоговорочно вести речь о повторных земных жизнях, собственно, не следует иметь какого-либо предварительного доверия, но надо, чтобы все то, что добыто, мол, из таких оккультных глубин, оказалось подкрепленным чем-то другим, являющимся основанием для доверия.

И вот я думаю, что в течение тех двадцати трех-двадцати четырех лет, когда культивировалась антропософия, было привнесено достаточно оккультного материала, чтобы ныне можно было посметь развернуть результаты этого отважного исследования о карме и повторных земных жизнях перед теми слушателями, которые сумели обрести доверие к сообщаемому благодаря знанию других областей жизни Духа, которые были развернуты перед ними в ходе времени. Впрочем, здесь как раз теперь присутствуют многие, состоящие членами нашего общества лишь со сравнительно недавнего времени. Будь они здесь одни, — так это ведь означало бы невозможность развития Общества, или для вновь поступивших его членов нам приходилось бы, так сказать, начинать с самого начала. Впрочем, мы испытываем, с другой стороны, большую радость и удовлетворение по той причине, что в это, перегруженное курсами лекций, время здесь появилось также большое число старейших друзей-антропософов — антропософов, которые пережили вместе с нами почти все антропософское развитие. И это ведь в ходе времени должно будет создать возможности, чтобы в Антропософском Обществе его недавние члены могли быть подведены к тому, что как раз должно культивироваться в ходе развития Антропософского Общества.

Я должен был предпослать сейчас сказанное потому, что те рассуждения, которые я хочу предпринять сегодня как исходный пункт

для того, что последует в ближайших лекциях, содержит в себе нечто такое, что действительно может показаться довольно рискованным. Но, мои дорогие друзья, человеческая жизнь впервые выступает в верном освещении лишь тогда, когда она рассматривается сообразно истине, как проходящая через повторные земные существования. Однако исследование в этой области — серьезное, совершаемое с сознанием своей ответственности, исследование — дается вовсе нелегко, ибо результаты, достигаемые исследованием в этой области, собственно, противоречат определенным образом тем представлениям, которые обычно делают себе об этом люди.

Ведь это обстоит так, что когда кто-либо рассматривает человеческую жизнь с ее кармическим содержанием, то его поражают те удары судьбы, которые он может прежде всего заметить и которые связаны с тем, что есть профессия (*Beruf*) человека, его внешняя профессия или его внутреннее призвание (*innere Beruf*), — которые связаны с социальным положением человека и т.п. В отношении содержания земной жизни человека нетрудно обнаружить, что оно связано с теми свойствами данного человека, которые могут внешне и не выступать, но вместе с тем уже обозначают собой нечто, касающееся самого нутра его душевного существа. Заглядывая же в те глубины, в которых можно узреть повторные земные жизни, необходимо отвлечься от многого из того, что внешне накладывает свою печать на судьбу того или иного человека в его земной жизни.

Так что не следует представлять себе, что для кармы, проходящей через различные земные жизни человека, имеет большое значение его внешняя профессия или его внутреннее призвание. Представьте себе только, сколь внешне связана с кармическим достоянием человека его, более или менее внешне характеризуемая, профессия, скажем, профессия того или иного служащего (чиновника) и т.п. Для собственно же кармических закономерностей судьбы то, что характерно для такой внешней профессии, не имеет почти никакого значения. Таким же образом обстоит дело и с внутренним призванием. Как легко поддаваться искушению думать о музыканте, что он в одной из его предыдущих земных жизней уже был музыкантом или, по крайней мере, художником. Однако это бывает только в редчайших случаях. Ибо, как устанавливает действительное исследование, длительно действующая карма, длительно сплетение судьбы гораздо больше погружены в нутро человеческой души и мало затрагиваются внешней профессией и внутренним призванием человека, а много больше связаны с внутренними душевными способностями и душевным сопротивлением, оказываемым тому или иному, то есть связаны с моральными взаимоотношениями (*Zusammenhänge*), которые в конце концов могут возвестить о себе в каждой внешней профессии и в каждом внутреннем призвании.

Но это производит то, что исследование кармы, исследование сплетения судьбы дает обнаружить необходимость обращать внимание на такие обстоятельства в жизни человека, которые иногда кажутся даже второстепенными. Тут я должен опять и опять упомянуть об одном факте, который мне встретился в жизни. Я должен был исследовать кармические

взаимоотношения одного человека, который отличался в жизни некоторыми своеобразными особенностями; он имел свою задачу в жизни, у него как раз была своя профессия. Однако, при направлении интуитивного взора на все то, что это человек исполнял, исходя из своей профессии и что он делал также, например, из своего дружелюбного отношения к людям, не получалось никакого указания на его прошлые земные жизни. Казалось, что все это не могло не быть связанным с его прошлыми земными жизнями, однако для ясновидческого взора не обнаруживалось никакого указания на это. Путем ясновидения, направленного на эти факты его профессии и дружелюбного отношения к людям, не удавалось проникнуть в прошлые земные жизни этого человека. Наоборот, в отношении этой личности удалось нечто получить курьезным образом как раз благодаря ее одной второстепенной житейской привычке. Этот человек был преподавателем; он читал лекции и прежде, чем начать говорить, он всегда должен был вытащить носовой платок и высморкаться. Я часто слушал его лекции и никогда не наблюдал ничего другого, как то, что прежде, чем начать говорить — последовательно излагать предмет, он сперва вытаскивал носовой платок и сморкался. И делал он это не во время разговора, а неизменно тогда, когда он должен был последовательно излагать свой предмет. Это давало определенный образ, излучение из которого приносило способность заглянуть в прошлую земную жизнь этого человека.

Я привожу этот пример, как особенно гротескный. Подобные примеры не всегда столь гротескны, но надо обладать способностью вникнуть в человека, охватив его в целом, если вообще хочешь действительно и достоверно узреть его карму. Видите ли, когда человек имеет известную профессию, то она для более глубокого взгляда есть более или менее нечто такое, что может быть приобретено посредством надлежащего воспитания и т.д. Наоборот, это уже связано с внутренней конфигурацией человека, когда он не может не вытащить носовой платок и не высморкаться прежде, чем начать держать речь, это гораздо более интимно связано с существом человека. Впрочем, приведенный радикальный пример являет собой крайний случай. Эти вещи не всегда оказываются такими. Но я хотел бы сейчас вызвать у вас представление о том, что при исследовании кармы то, что находится на поверхности жизни какого-либо человека, как правило, почти всегда бесполезно, и что надо вникать в определенные интимности, но при этом — в такие, которые открыто выступают в жизни, а не вторгаются в нее неправомерным образом.

После того, как мною было предпослано это введение, я хотел бы теперь без обиняков начать речь о том, что имею вам сказать, — разумеется, с теми оговорками, которые всегда должны быть сделаны в подобном случае, а именно, что каждый человек может верить или не верить тому, что я скажу, но что вещи, которые я опишу, основываются на глубочайшей серьезности духовнонаучного исследования.

Такие вещи не обнаруживаются, если к их исследованию подступают с такой же установкой, как у нынешнего исследователя, производящего свои лабораторные исследования, но исследования, касающиеся кармы,

сами должны проистекать неким образом из кармы же. Я ведь должен был упомянуть об этом в конце нового издания моей «Теософии», ибо среди многих странных требований, которые в ходе жизни были предъявлены мне, есть и такие, которые предлагают мне предстать в какой-либо психологической лаборатории, чтобы ее сотрудники могли исследовать — является ли основательным то, что я сообщал о духовной науке. Это требование является столь же смехотворным, как в случае, когда кто-либо представил бы определенные математические выкладки и результаты, и стали бы исследовать не эти последние, но потребовали бы, чтобы он дал исследовать себя самого в психологической лаборатории с целью проверки — является ли он настоящим математиком или же нет. Однако подобные смехотворные выдумки ныне ведь серьезно выдвигаются из среды ученых. То, что из подобных опытов, само собой разумеется, не может получиться ничего, я отчетливо высказал в конце нового издания моей «Теософии» и упомянул также о том, что все пути, которые могут привести к исследованию какого-либо добытого конкретного результата, сами должны быть подготовлены духовно-сверхчувственным способом.

БАЛЬЗАМИРОВЩИКИ МУМИЙ, ТИТ ЛИВИЙ, ЮЛИЯ, ФОГЕЛЬВЕЙДЕ, ШЛЕЙХ, СТРИНДБЕРГ

Однажды мне довелось встретиться с одним современным врачом, репутация и печатные труды которого мне были очень хорошо известны, и которого я очень ценил. Я упоминаю здесь, в связи с данным случаем, об этих кармических деталях потому, что они привели к соответствующему исследованию. Это последнее отняло много времени, и было закончено только в последние недели. Так что лишь теперь, будучи добросовестным человеком, можно впервые говорить об этом. Я упоминаю обо всех этих деталях, чтобы вы могли узреть многое — но, разумеется, не все — из того, как взаимосвязаны эти вещи.

Итак, я познакомился с этим современным врачом, и оказалось, что он, когда я с ним познакомился, был вместе с другой личностью. Эту другую личность я уже знал дольше и притом в точности; она постоянно производила на меня впечатление, — не скажу глубины, но предприимчивости. Впечатление предприимчивости вызывалось тем, что эта личность охотно бывала с людьми, широкий круг которых занимался несколько внешне понимаемым оккультизмом. Эта личность исключительно охотно рассказывала о том, как ее многие знакомые высказывались обо всем оккультном и, в частности, также обо всем том, к чему, исходя из оккультного, должны, мол, стремиться современный поэт, как лирический, так и эпический, а также драматург. И эту личность окружала своего рода, сказал бы я, «моральная» аура. Я употребляю слово «моральная» для обозначения всего того, что связано с душевными свойствами, которыми правит воля. В присутствии этой личности, которую я однажды посетил, я встретился с другой, которую я уже знал по ее печатным трудам и врачебной деятельности и которую очень ценил. И то, что разыгрывалось тогда во время этого посещения, оставило глубокое

впечатление, побудившее меня принять все это в область духовного исследования.

Тогда произошло нечто очень замечательное. Благодаря тому ясновидческому прозрению, которое я мог обрести вследствие совместного нахождения этих двух личностей, а также благодаря тому впечатлению, которое производила на меня вторая упомянутая личность (я ведь ее давно уже знал по ее печатным трудам и врачебной деятельности и очень ценил, а здесь впервые увидел ее собственными глазами), — благодаря всему этому я получил способность исследовать жизненные и кармические взаимоотношения, правда, не этой личности, с которой я лишь недавно познакомился, но она словно излучала некий свет на другую личность, с которой я был лично знаком уже давно. И оказалось, что эта другая личность жила, — правда, не в ее последней земной жизни, а в одной из более ранних, — в древнем Египте; и примечательно то, что эта личность подверглась тогда мумификации, то есть ее труп был набальзамирован как мумия.

И вот очень скоро обнаружилось также и то, что эта мумия еще существует. Позднее я сам как-то ее увидел, но — гораздо позднее. После того, как это кармическое исследование получило сперва побуждение от этой личности, с которой я был уже давно знаком, эта последняя стала в свою очередь излучать некий свет, и потому открылась возможность исследовать кармические взаимоотношения также моего недавнего знакомого. И тогда обнаружилось следующее.

Тогда как в иных случаях очень легко от теперешней земной жизни человека ясновидчески обратиться назад к его предыдущей земной жизни, здесь интуитивное познание вело далеко назад в Древний Египет, — вело к некоему высокопоставленному египтянину, оно привело к высокопоставленному египтянину, который в очень сильной степени обладал древним египетским Посвящением. Однако как Посвященный он впал в некоторое декадентство, начав в ходе своей жизни не слишком серьезно относиться к Посвящению и даже стал трактовать это Посвящение в несколько насмешливой манере. Этот высокопоставленный египтянин имел служителя, отличавшегося исключительной серьезностью. Этот служитель, конечно, не был Посвященным; обязанностью же их обоих было бальзамирование мумий, для чего им надо было заботиться о получении нужных веществ из довольно далеких стран.

Так вот, дело бальзамирования мумий именно в Египте отличалось чрезвычайной сложностью и требовало интимных познаний о человеческом существе, о человеческом теле. Но, кроме того, от тех, кто должен был надлежащим образом производить бальзамирование мумий, требовались также глубокие познания о человеческой душе. Упомянутый высокопоставленный египтянин, который, собственно, получил Посвящение ради дела бальзамирования мумий, постепенно впал в несколько фривольное отношение к своей профессии. Так произошло, что те самые вещи, которые были восприняты им через своего рода Посвящение и которые должны были произноситься при бальзамировании на языке Мистерий, были постепенно переданы им его служителю. И этот последний «вылупился» в человека, который стал лучше понимать

содержание Посвящения, чем его руководитель — Посвященный. Вот так упомянутый служитель стал самостоятельным бальзамирщиком мумий, в то время как другой, в конце концов, уже больше не надзирал за ним, но, тем не менее, все, что было связано с высоким социальным положением и почтением, оказываемым главному бальзамирщику мумий, он оставил за собой. Это постепенно привело к тому, что он перестал пользоваться прежним высоким уважением и вследствие этого оказался вовлеченным в ряд житейских конфликтов. А его служитель постепенно доработался до очень, очень серьезного понимания жизни; он стал охваченным, замечательно конгениально охваченным своего рода Посвящением, которое, впрочем, вовсе не было действительным Посвящением, но жило в нем инстинктивно. И вот таким образом под надзором и при участии этих двух людей был набальзамирован в древнем Египте целый ряд мумий.

Время шло. Оба эти человека прошли через врата смерти, испытали те переживания, о которых я хотел бы сказать в следующий раз, и которые связаны с развитием кармы, и затем оба снова вступили в земную жизнь во время образования императорского Рима, приблизительно во времена правления императора **АВГУСТА** (63 г. до н.э.-14 г. н.э.).

Как было сказано, это мое исследование является добросовестным и столь же точным, каким может быть какое-либо физическое или химическое исследование. Я не стал бы говорить об этих вещах, если бы как раз в последние недели не открылась возможность говорить об этих вещах столь справедливым образом. И вот мы находим, что тот высокопоставленный египтянин, который постепенно сделался, собственно, фривольным Посвященным, после прохождения им врат смерти и нового рождения пережил чрезвычайно горькое земное испытание со всеми последствиями такого переживания, — мы находим его родившимся как дочь Августа **ЮЛИЮ** (39 г. до н.э.-14 г. н.э.); она стала женой пасынка Августа **Тиберия** и вела жизнь, которая ей самой естественно представлялась оправданной, но внутри тогдашнего римского общества рассматривалась как аморальная, в результате Юлия была осуждена на изгнание. Другой же египтянин, служитель первого, но доработавшийся почти до степени Посвященного, но обретенной им не свыше, а снизу, тоже родился тогда же как римский историк **ТИТ ЛИВИЙ 1**) (39 г. до н.э.-17 г. н.э.).

Интересно то, как Тит Ливий стал писателем-историком. В древнеегипетское время он набальзамирковал значительное число мумий. Души, которые жили в телах этих мумий, — как раз эти души потом зачастую воплощались в качестве римлян, в частности, как семь римских царей (ибо эти семь римских царей действительно были). В силу известного закона, относящегося к тем душам, трупы которых были мумифицированы, именно эти души сравнительно в скором времени призываются опять к воплощению на Земле. Но кармическая связь упомянутого служителя главного бальзамирщика с теми душами, тела которых он набальзамирковал, оказалась настолько интимной, что он должен был написать именно о них (разумеется, он должен был включить в написанную им историю также и других людей, тела которых в прошлом не были мумифицированы им самым); он должен был написать историю

прежде всего всех тех людей, тела которых были им набальзамированы в древнем Египте. Так Тит Ливий стал писателем-историком.

Я хотел бы, чтобы наивозможно многие из вас взяли римскую историю Тита Ливия и дали воздействовать на себя стилю его изложения, зная уже то, что здесь получается из кармических взаимосвязей. И вы увидите, что знаменательно человеческая пронизательность и вместе склонность к мифу, пронизывающие стиль изложения Тита Ливия, могли быть приобретены им, исходя из его познаний, как бальзамировщика, о существовании человека. Без таких исследований кармических закономерностей трудно представить происхождение этого знаменательного стиля Тита Ливия. Свет на этот стиль проливается при указании на описанные кармические взаимоотношения.

Итак, вы видите эти две личности из древнего Египта воплотившимися как Юлия и Тит Ливий. Как Юлия и Тит Ливий они в свою очередь проходят через врата смерти. Одной из этих душ довелось пережить многое: быть в древнем Египте довольно сильным своего рода Посвященным, но впавшим в искажившую его жизнь фривольность; испытать горечь последующего действия всего этого в жизни между смертью и новым рождением; затем в качестве Юлии испытать ее своеобразную жизненную судьбу (почитайте о ней!); потом испытать все то, что последовало за этой жизнью Юлии во время между смертью и новым рождением, а именно, сильную антипатию против инкарнации Юлии; и эта антипатия примечательным образом получила универсальный характер. Посредством интуитивного познания можно найти эту индивидуальность в той ее жизни между смертью и новым рождением и внять, как она словно кричит: «Ах, если бы я никогда не стала женщиной! Ибо к этому женскому существу привело меня то, что я некогда совершила в древнем Египте!» Можно дальше проследить судьбы этих двух индивидуальностей. Наступает Средневековье, и мы находим в его середине Тита Ливия как светлого песенника-поэта. Можно удивиться тому, что находишь его там таким, ибо внешние профессии вовсе не взаимосвязаны, не передаются из воплощения в воплощение. Но переживания величайшего изумления могут проистекать для человека как раз из наблюдения над следующими друг за другом земными жизнями людей. И вот мы снова находим римского писателя-историка Тита Ливия — с его стилем изложения, образовавшимся исходя из познаний о существовании человека, которые были обретены им при мумификации, — находим его в средневековом воплощении как поэта, занятого дальнейшей разработкой этого стиля, который отличался большой легкостью и теперь был словно возвышен до лирической легкости. Мы находим Тита Ливия в качестве **ВАЛЬТЕРА ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ 2**) (ок. 1180 — ок. 1230).

Вальтер фон дер Фогельвейде, который проживал в Тироле, имел несколько покровителей, и один из них был совсем замечательным человеком. Этот человек был «на ты» со всевозможными алхимиками, которые тогда в Тироле насчитывались дюжинами и опять-таки дюжинами; он был владельцем замка, но всегда вращался во всякого рода алхимических кликах (если употребить выражение из современного актерского языка — **Schmierern**), однако, при этом чрезвычайно много

испытал на опыте и многому научился. Между тем, шатаясь в среде алхимических клик, он получил импульс интенсивно интересоваться, заниматься всем оккультным (как позднее это произошло подобным же образом в случае с **ПАРАЦЕЛЬСОМ**). Он пришел к весьма интенсивной способности оккультного восприятия и постижения и благодаря этому оказался в состоянии опять отыскать в Тироле нечто такое, что, собственно, было известно тогда уже только из преданий, а именно, некую крепость, горную крепость в скалах, которая тогда не могла быть открыта никем другим; ибо эта крепость была создана в скалах — с пещерой внутри, — крепость короля гномов (*Zwergkonig*) по имени **ЛАВРИН** (*Laurin*). И натура демонов этой области короля гномов Лаврина произвела на упомянутую личность чрезвычайно сильное впечатление. Так что в ее душе соединилось многое замечательное; как ненавистное воспоминание об этом — быть женщиной в среде римской безнравственности и вместе с тем претерпеть изгнание в силу римского лицемерия касательно нравственности; иметь непосредственное познание, но внешнее познание о всяческом алхимическом, а затем расширить его до свободного восприятия и постижения демонов мира природы и вообще духовного во всех царствах природы. И оба они — Вальтер фон дер Фогельвейде (если этого нет в его биографии, то все же это имело место) и этот человек — довольно часто бывали вместе. Вальтер фон дер Фогельвейде получил некоторый импульс (*Impetus*), испытал некоторое влияние со стороны этого человека.

Видите ли, мы проследили здесь, так сказать, кармический закон в его действии — как две личности снова и снова воплощаются в одно и то же время, испытывая постоянное тяготение друг к другу, как бы взаимно дополняя друг друга, изживая и выравнивая себя в своих противоположностях, все снова и снова одновременно призываются к воплощению на Земле. И это ведь тоже интересно заметить: своеобразие лирического стиля Вальтера, который действительно, сказал бы я, отличается тем, как если бы он питал глубокое отвращение к своей былой профессии бальзамировщика трупов и теперь обращается к совсем другой стороне жизни, — к той стороне жизни, где имеют дело никак ни с чем мертвым, но с вполне радостным земным существованием, однако сюда все же примешивается некоторый оттенок пессимизма. Почувствуйте особенности стиля Вальтера фон дер Фогельвейде, и вы почувствуете внутри этого стиля две предыдущие земные жизни поэта. Почувствуйте беспокойную жизнь Вальтера фон дер Фогельвейде. Ее неблагополучие является напоминанием о том роде жизни, которая настает для человека, который столь долго был с мертвецами и перегрузил свою душу их многими судьбами, как это имело место в случае бальзамировщика мумий.

А в дальнейшем... Видите ли, дальнейшее прослеживание этой кармической цепи привело меня опять в ту же самую комнату, — но на этот раз только интуитивно, в духе, — где в присутствии одного моего давнего знакомого (но которого я также знал как египетскую мумию) я нашел ту душу, которая, пройдя через жизни древнеегипетского служителя при бальзамировании мумий, Тита Ливия, Вальтера фон дер Фогельвейде, была теперь воплощена в современном враче **ЛЮДВИГЕ**

ШЛЕЙХЕ (1859-1922).

Вот таким поразительным образом открываются взаимоотношения в жизни людей. Кто вообще может понять посредством обыкновенного сознания земную жизнь человека! Она может быть постигнута лишь тогда, когда знаешь, — что, собственно, есть на дне той или иной души. Теоретически многие знают о том, что переживания прошлых, следовавших друг за другом земных жизней, откладываются на дне человеческой души. Но реальным, конкретным знанием это становится впервые лишь тогда, когда действительно ясновидчески созерцаешь это в определенном частном случае.

Потом ясновидческий взор покинул эту комнату, ибо другая личность, с которой я был давно знаком (и которая в Древнем Египте была мумифицирована именно упомянутым служителем-бальзамировщиком) не оставила после себя сколько-нибудь значительных следов. Наоборот, тотчас же открылся дальнейший путь древнеегипетского высокопоставленного бальзамировщика мумий, Юлии, открывателя волшебного замка Лаврина, а теперь — **АВГУСТА СТРИНДБЕРГА 3)** (1849-1912).

И вот я попрошу вас принять во внимание всю жизнь и литературное творчество Августа Стриндберга и рассмотреть их на фоне, который я сейчас изобразил. Взгляните на своеобразное женоненавистничество Стриндберга, которое, собственно, вовсе не является таковым, ибо оно проистекает из совсем иных подоснов. Обозрите все то демоническое, что проходит через творения Стриндберга. Заметьте пристрастие Стриндберга к всевозможным оккультным искусствам и кунштштюкам, — окиньте взором, наконец, удивительную странную жизнь Августа Стриндберга! И тогда вы обнаружите, как хорошо выступает эта жизнь на изображенном мною фоне.

И почитайте затем воспоминания Людвиг Шлейха об его отношениях с Августом Стриндбергом, и вы увидите, как это опять изживается на фоне прошлых земных жизней! Но из мемуаров Людвиг Шлейха может пролиться еще некий свет, совсем особенный свет, я сказал бы, даже приводящий в смущение свет. Личность, у которой я встретил Шлейха и о которой мною было сказано, что она была мумифицирована самим Шлейхом в его древнеегипетской жизни, оказывается тем человеком, о котором Шлейх рассказывает, что он привел к нему Стриндберга. Оба они в древнем Египте работали вместе над ее трупом при мумификации; и эта душа, которая была в том теле, опять свела их вместе.

Таким образом то, что сперва может быть обсуждено теоретически относительно повторных земных жизней и кармы, потом становится конкретным. И лишь тогда то, что выступает в земной жизни, впервые становится доступным прозрению, пониманию. Так что та или иная конкретная земная жизнь остается совсем непостижимой, если она не может быть ясновидчески рассмотрена на фоне более ранних земных жизней!

Мои дорогие друзья! Когда я обсуждаю такие вещи, то я кроме обсуждения имею еще некоторое ощущение. Эти вещи, которые стало возможным обсуждать после нашего Рождественского Собрания

(*Neihnachtstag*) — эти вещи, если хотят увидеть их в верном свете, требуют от слушателей истинной серьезности, серьезного настроения и серьезного пребывания внутри антропософского движения, ибо эти вещи очень легко могут привести к всевозможным фривольностям. Однако эти вещи должны быть изложены, так как ныне необходимо, чтобы Антропософское Общество зиждилось на базе серьезности и сознательно относилось к своей собственной задаче внутри современной цивилизации.

Поэтому после того, как я таким образом заложил основание, я хотел бы в следующей лекции, которая должна состояться в среду в половине девятого часа, сказать о карме Антропософского Общества, чтобы затем в последующих лекциях, которые еще будут объявлены, перейти к тому, чем могут стать такие кармические рассматривания для человека, который хочет рассмотреть свою собственную жизнь сообразно ее более глубокому смыслу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) **ЛИВИЙ ТИТ** (*Titus Livius*) (59 до Р.Х.-17 после Р.Х.), римский историк, автор «Римской истории от основания города» (142 книги: сохранилось 35 — о событиях периода до 293 г. до Р.Х. и 218-168 до Р.Х.).

2) **ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ** (род. около 1170г., умер в 1230). Бедный австрийский дворянин из рода малоземельных рыцарей, был профессиональным певцом. Ученик Рейнмара фон Хагенау. Много странствовал по Германии, Италии и Франции. Фогельвейде был в равной степени лирическим и политическим поэтом. Кроме любовных, есть «крестовые песни», выражающие воинские и религиозные идеалы рыцарства. В его песнях выражены настроения времени: скорбь по поводу мирового зла, обличение духовенства, оценка состояния искусства.

3) **СТРИНДБЕРГ** (*Strindberg*) Юхан Август (1849-1912), шведский писатель. Исторические драмы «Местер Улоф», «Густав Ваза», «Эрик XIV»; роман «Красная комната», сборники рассказов «Браки» и «Утопия в действительности»; натуралистические драмы «Отец», «Фрекен Жюли», лирические и философские драмы «Путь в Дамаск», «Пляска смерти», «Соната призраков», психологические романы «На шхерах», «Черные знамена». Он писал автобиографические романы, публицистику. Реалистическое в своей основе творчество Стриндберга, впитавшее художественные достижения модернизма, выразило протест против мещанства, политического консерватизма, либерального фразерства, пронизано поисками общественных идеалов.

Третья лекция

10 сентября 1924 г., Дорнах.

Ход истории человечества и ход нашей собственной жизни становится понятным лишь в самой незначительной части, когда мы его рассматриваем с его внешней стороны — с той его стороны, которую мы обозреваем, привлекая то, что разыгрывается в перспективе нашей земной жизни между рождением и смертью. И невозможно узреть внутренние мотивы истории и жизни, если взор не направляется на то, что как духовные «кулисы» суть основа внешних физических свершений. Излагают всемирную историю, и в этой всемирной истории описывают события, разыгрывающиеся в физическом мире, и охотно утверждают, что эта всемирная история показывает причины и следствия. Обращаются к событиям второго десятилетия XX века и представляют их как последствия событий первого десятилетия, и так далее. Но какое множество иллюзий возможно тут возыметь! Это обстоит так, как если бы мы, наблюдая волнуемое море, стали бы рассматривать каждую волну как следствие предыдущей, между тем, как снизу действуют силы, вздымающие волны. Так это и есть: то, что вообще происходит в каком-либо пункте исторического становления или человеческой жизни, образуется, происходя из духовного мира, и только в отношении крайне незначительной части всего происходящего на Земле можно говорить о причинах и следствиях.

Я хотел бы на нескольких повторно приводимых примерах показать, как для получения реального образа того, что лежит в основе происходящих событий, в эти события должны быть включены духовные свершения. Современная эпоха в духовном отношении связана ведь с тем, что мы в духовной жизни называем правление Михаэля (*Michaelherrschaft*). Это правление Михаэля опять-таки связано с тем, чего в глубочайшем смысле хочет также антропософское движение, а именно, чем оно должно стать. Так что с событиями, о которых я буду говорить, связаны также судьба, карма Антропософского Общества и вместе с тем карма почти всех личностей, которые находятся в этом Антропософском Обществе (о чем в следующий раз). Многие частности из того, чего я коснусь сегодня вечером, большинству из вас уже известны из предыдущих лекций. Однако я хотел бы уже известное вместе с менее известным рассмотреть с некой определенной точки зрения.

Вы взираете на то, как со времени Мистерии Голгофы продолжающееся христианское развитие идет через цивилизованный мир. И мною прежде ведь часто описывалось, какой смысл получало это христианское развитие в следовавших друг за другом столетиях. Но ведь нельзя отрицать, что в это христианское развитие вмешивалось и нечто иное. Ибо если бы это не имело места, тогда наша нынешняя образованность не была бы пронизана тем могучим материализмом, каким она пронизана.

Правда, нельзя отрицать, что в этот материализм сделали сильные вклады как раз христианские церковные исповедания, тем не менее, он возник, собственно, не из христианских импульсов, которые именно с другой стороны влились в христианское развитие.

АРАБИЗМ

Вы видите, как на Западе в восьмом веке — начале девятого века такая личность, как **КАРЛ ВЕЛИКИЙ**, повсюду распространяла христианство, хотя и таким способом, с которым мы — с нашими нынешними гуманными понятиями — не всегда можем быть согласны, — несла христианство в среду живших тогда в Европе еще не христианских народностей. Среди этих нехристиан особенно примечательны те, которые оказались под влиянием походов, предпринимавшихся из Азии через северную Африку на Европу со стороны арабизма, магометанства. Нам надо в связи с этим постичь магометанство в широком смысле слова.

Мы видим, как через полтысячелетия и больше после Мистерии Голгофы в магометанстве возникают все древние мировоззрительные элементы арабизма, мы видим, что многое из этого — многое, связанное с богатой, но в нехристианском духе образовавшейся ученостью, — путем пробивных военных походов из Азии через северную Африку на запад и юг Европы получило там распространение. Мы видим, как этот поток арабизма постепенно иссякает, но больше для внешнего мира, но он не иссякает внутри развития духовной жизни. В то время как более внешний способ распространения арабизма в Европе уже иссякал, вы видите, как арабизм распространяется неким внутренним способом (и здесь тот случай, где мы должны обратить свой взор от внешней истории к ее духовным кулисам). В последней лекции о кармических наблюдениях я ведь сказал вам, что исходя из внешнего положения человека в жизни, мы не можем вывести каких-либо заключений о том, какой была его прошлая земная жизнь, ибо тут все дело в гораздо более внутренних импульсах. Также и у исторических личностей их судьбы восходят к гораздо более внутренним импульсам, чем внешние данные. И мы видим, как результаты более ранних эпох переносятся в более поздние эпохи самими людьми, их личностями, но мы видим, как при этом перенесении изменяются также сами люди; так что в новой форме, в какой выражает себя та или иная личность в своей новой инкарнации, мы не можем без дальнейшего снова узнать ее на основании внешних наблюдений. И вот мы хотим охватить взором одно такое внутреннее течение.

В то самое время, когда Карл Великий распространял христианство (можно сказать, примитивным образом, связанным с тогдашней европейской примитивной образованностью), на Ближнем Востоке жила одна личность, которая по сравнению с Карлом Великим стояла на гораздо большей высоте: **ГАРУН АЛЬ РАШИД**. Гарун аль Рашид собрал при своем дворе в Передней Азии самых замечательных и знаменитых духовных деятелей того времени. И насколько более блестящим был этот двор Гарун аль Рашида, чем не раз прославлявшийся двор Карла Великого. Мы видим вокруг Гарун аль Рашида архитектуру, поэзию, астрономию, географию, историю, знания о человеке, и все это — самым блистательным образом в лице их самых блистательных представителей, которые еще много несли в себе из познаний древней науки Посвящения.

В особенности замечаем мы при Гарун аль Рашиде, который являлся организующим духом большого стиля и из своего двора хотел образовать, сказал бы я, некую всемирную Академию, где в едином великом

органическом целом совместно действовали бы отдельные части того, что тогда существовало на Востоке как наука и искусство, — мы видим при Гарун аль Рашиде как его спутника одну личность, которая в особенности несла в себе элементы древнего Посвящения.

Дело обстоит не так, что тот человек, который был в более ранней инкарнации Посвященным, должен опять появиться Посвященным в своей более поздней инкарнации. Вы, мои дорогие друзья, можете ведь поднять вопрос, который встает в связи с некоторыми утверждениями, высказанными в этих лекциях: ведь должны же существовать древние Посвященные, куда же они ушли? Разве они опять не воплощались? Где они теперь? Где они были в последние столетия? — Так вот, они уже были опять воплощенными; однако тут надо принять во внимание, что тот человек, который в ранней инкарнации был Посвященным, должен в своей позднейшей инкарнации воспользоваться той внешней телесностью, которая может быть предоставлена ему новой эпохой. Человеческое развитие в новое время не дает таких тел, которые внутренне были бы столь послушными, гибкими и мягкими, чтобы в них могло непосредственно вступить то самое, что в более ранней инкарнации жило в индивидуальности. Таким образом, Посвященные, снова воплотившись, получают другие задачи, в которых уже бессознательно действует как пробивная сила импульсов то, что было раньше у них во время их Посвящения, но что теперь не выступает в форме Посвящения и оказываемого им действия.

Так что он жил при дворе Гарун аль Рашида как второй организатор, который был также обладателем глубоких прозрений, — только не в тогдашней инкарнации полученных прозрений Посвященного, — жил как советник Гарун аль Рашида, несший ему наибольшую мыслимую службу.

Обе эти личности, Гарун аль Рашид и его советник, прошли через врата смерти. И они после того, как вступили в потусторонний духовный мир, узрели оттуда еще последние фазы распространения арабизма с одной стороны через Африку в Испанию — далеко в Европу, а с другой стороны — в Центральную Европу. Оба они представляли собой могучие силы, и Гарун аль Рашид многое сделал в своей жизни с целью способствовать распространению арабизма в физическом мире.

Этот арабизм получил особенный облик при дворе Гарун аль Рашида — облик, который вел свое происхождение от некоторых других форм, какие в Азии уже с давнего времени стали присущими познанию и искусству. Последняя великая волна развития в Азии поднялась, происходя от предшествовавшей эпохи Михаэля: то, что было греческой духовной жизнью, греческой спиритуальностью, греческим художественным чувством и что объединялось между собой благодаря общению **АРИСТОТЕЛЯ** с **АЛЕКСАНДРОМ ВЕЛИКИМ**, — все это как цвет греческой культуры было необычайно энергичным образом (но вместе с тем и образцовым для духовного распространения) перенесено завоевательными походами Александра Великого в Азию и в Африку, будучи пронизано тем настроением, которое нашло свое научное выражение в **аристотелизме**, распространившемся затем в Передней Азии и в Африке. И тем самым восточный арабизм вообще был

сформирован сообразно тем импульсам, которые усвоила Греция времени Аристотеля и которые затем, благодаря завоеваниям Александра и основанию им новых городов, нашли столь блистательное распространение.

Если мы обратимся к временам за несколько столетий до Мистерии Голгофы — вплоть до походов Александра, вплоть до распространения благодаря Александру Великому тех сокровищ мудрости, о которых я сейчас упомянул, то увидим, что целые столетия вплоть до Гарун аль Рашида, который жил в восьмом веке христианского летоисчисления, в тамошней Азии наличествовала способность восприятия греческой духовной жизни в ее аристотелевском понимании. Однако это приняло там своеобразные формы. Хотя все это жило с полнотой духовности, производя великое впечатление, при проникнутом арабизмом дворе Гарун аль Рашида; хотя все это культивировалось Гарун аль Рашидом, его советником, да и другими, которые там были, и хотя все это было даже пронизано древней восточной мудростью Мистерий, — все же то, что как аристотелизм жило при дворе Гарун аль Рашида, не было тем истинным, что возвращено в общении с Аристотелем и Александром. Оно приняло формы, которые мало хотели иметь дело с христианством.

Итак, мы имеем там блистательно культивируемый под эгидой Гарун аль Рашида и его советника некий аристотелизм, некий «**александризм**», который являл собой некий враждебный христианству полюс; приняв духовный облик своего рода **пантеизма**, который никогда не хотел соединиться с христианством, он, согласно своей внутренней сущности, никогда не мог соединиться с христианством.

С таким душевным строем, примыкающим к античной духовной жизни, которая не хотела влиться в христианство, прошли Гарун аль Рашид и его советник через врата смерти. Вся их забота, все их устремление, вся их сила были после того, как они прошли через врата смерти, направлены на то, чтобы из духовного мира продолжать вмешиваться в ход исторического развития, способствуя распространению духовной линии арабизма из Азии в Европу (что ранее происходило путем войн и т.п.). После своей смерти они посылали из духовного мира вниз духовные излучения, которые должны были неким образом пронизать арабизмом Европу в ее духовной жизни.

Итак, вы видите, что Гарун аль Рашид после своей смерти проделывает следующее развитие: от Передней Азии через юг Европы, через Испанию проследивает он из духовного мира то, что происходит для распространения арабизма, и содействует его продолжению. Другой же, живущий теперь в духовном мире, соответственно наблюдает и неким образом совместно живет с тем, что есть внизу в физическом мире; он в известном смысле предпринимает в духовном мире некий поход, который в своей земной проекции выглядел бы так: в направлении к северу от Черного моря — в Центральную Европу.

Так направляем мы наш взор ввысь к этим индивидуальностям, к их в известном смысле духовным странствиям, которые указанным образом могут проектироваться вниз на физический план. Вы ведь знаете уже также из истории, как аристотелизм и сказание об Александре

распространялись внутри христианства. В девятом, десятом, одиннадцатом, двенадцатом и еще тринадцатом столетиях к самым популярным сюжетам, о которых повсюду рассказывали в Европе, принадлежал сюжет, который связывался с Александром Великим. И тут мы имеем чудесную поэму монаха **ЛАМПРЕХТА** — его песню об Александре, в которой все деяния Александра связываются с духовным миром. Описаны воспитание и жизнь Александра, его походы в Азию. Однако повсюду особенно выделено то, что в этой земной жизни Александра живет духовно. Ведь со всей земной жизнью связано духовное, но только этого не воспринимает обыкновенное сознание. Все это было в этой средневековой обработке сюжета об Александре. И таким образом аристотелизм распространяется вплоть до схоластики: повсюду аристотелевские понятия. Но это есть лишь другой полюс: там, в Азии — в арабской форме, здесь — христианской форме. Песня об Александре вся проникнута христианским настроением, — аристотелизм в Европе выступает во вполне христианском облике.

Ведь здесь разыгрывается нечто примечательное: христианские церковные учителя, вооруженные в своих душах Аристотелем, борются против представителей арабизма, которые принесли из Азии другого Аристотеля в Испанию и там распространяли свое нехристианское учение. И мы везде видим на изображениях, которые были написаны позднее, как с этим аристотелизмом борются христианские отцы церкви, владея тем, что они имеют от Аристотеля; они попирают ногами **АВЕРРОЭСА** и других, которые на свой лад представляют тот аристотелизм, который через александризм пришел в Европу.

Это разыгрывается в мире внешних чувств. Однако, исходя из духовного исследования, надо сказать следующее: Гарун аль Рашид и его советник после того, как они прошли через врата смерти, продолжали жить упомянутым образом дальше. Само собой разумеется, что в духовном мире продолжали жить также Александр и Аристотель. **Но сами они, их реальные индивидуальности, которые лишь однажды и, я сказал бы — мимоходом, заглянули в земную жизнь в первые века христианства (и даже — с антропософской точки зрения — в стране, возбуждающей интерес), но потом опять отошли в духовный мир, и они были в духовном мире тогда, когда уже прошло некоторое время после оставления физического плана Гарун аль Рашидом и его советником.** Аристотель и Александр следовали иными путями; их реальные индивидуальности шли вместе с христианским развитием — они продвигались на Запад вместе с христианским развитием.

ВОСЬМОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

И вот в девятом столетии разыгралось нечто крайне важное, в высшей степени существенное. Но то самое, что отныне, происходя из духовного мира, становится руководящим для того, что духовно происходит в Европе, — это совпадает в сверхчувственных мирах с одним свершением, в котором это не легко распознать. Нечто чрезвычайно значительное

совершается в сверхчувственных мирах именно в 869 году. В духовных высях совершается нечто чрезвычайно значительное; внизу же, в земном мире, происходит тот **ВОСЬМОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР**, на котором провозглашен догмат, что если хочешь быть христианином, то не смеешь говорить, что человек, мол, состоит из тела, души и духа. **Эта идея троичности — ТРИХОТОМИЯ, как ее называли, — была объявлена еретической.**

Я раньше, говоря об этом, часто выражался следующим образом: на этом соборе 869 года был отменен дух; требовалось в будущем говорить, что человек, мол, состоит из тела и души и что душа имеет некоторые духовные свойства. То, что тогда произошло в Константинополе, — это было лишь некой земной проекцией, в которой было, впрочем, не распознать, проекцией чего собственно это есть. Это было проекцией одного духовного, но для европейской духовной истории чрезвычайно важного, свершения, которое, правда, растянулось на многие годы, однако, может быть, так сказать, приурочено к этому моменту времени.

В девятом столетии уже пришло то время, когда европейское человечество с его духовной жизнью полностью позабыло то, что в первые христианские века было еще вполне доступно истинным христианам, а именно, что Христос был Существом, которое раньше было в Солнце, и что Его жизнь была связана с Солнцем; сей Христос воплотился в теле Иисуса из Назарета. Христос, как Солнечное Существо, в силу Его обитания в Солнце был до Мистерии Голгофы связан с космическим миром; и не только Солнечным Существом является Христос, но также и тем Существом, Которое связано со всем, что планетарно связано с Солнцем: знание об этом было доступно первохристианам. Но это знание о космическом происхождении Христова Импульса уже отсутствовало в девятом столетии. Величие Христова Импульса, так сказать, подверглось умалению. Люди все больше и больше обращались к тому, что они называли чисто человеческим, то есть к тому, что разыгрывается лишь на физическом плане. Брели Евангелия, оставляли без внимания то, что указывало на Космос, но излагали как некий земной эпос то, что является содержанием Евангелий.

Если пожелать верно понять то, что, собственно, при этом происходит, тогда надо уяснить себе, что в процессе реального развития человечества христианство существовало до Христа, то есть до Мистерии Голгофы. И надо со всей серьезностью принять такие слова, святого Августина, который ведь говорил, что христианство было всегда, но что те, кто исповедовали христианство до Мистерии Голгофы, назывались не христианами, а иначе. Однако это выражение Августина лишь внешне и приблизительно передает то, что является чрезвычайно и глубоко значительным. В Мистериях, в истинных Мистериях и даже в тех местах, где не было Мистерий, но куда проникали знания и импульсы, происходящие из Мистерий, — там везде существовало христианство до Мистерии Голгофы. Но только там говорили о Существо Христе как о Существо, Которое присутствует на Солнце, — Которое можно узреть тогда, когда благодаря мудрости Мистерий человек продвигается настолько далеко, что ему может стать доступным лицезрение факта

жизни Солнца в его духовном содержании, в его фактическом содержании.

Так говорили в древних Мистериях о Христе, Который должен прийти в будущем. Не говорили о каком-либо земном Христе, Который жил на Земле и Который там есть, но говорили о Грядущем Христе, Пришествие Которого когда-то будет, но Которого тогда искали на Солнце. Такое учение распространялось также и в позднейшие времена в тех местах, куда христианство еще не достигало в течение христианских столетий.

КОРОЛЬ АРТУР И РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

И вот недавно благодаря пребыванию в Англии, когда я читал летний курс лекций в Торки на западе Англии, поблизости от того места, где некогда бывал король **АРТУР 1**) со своими приближенными (мы посетили это место), именно там открылось нечто такое, что указывало на такое запоздалое его действие, какое переживалось в дохристианском христианстве. Там просто сохранилось до позднейших времен то, что есть в сказании об Артуре и что нынешняя ученость (которая, однако, является не очень научной в отношении фактического положения вещей) относит к сравнительно поздним временам. Но это восходит к очень ранним временам. И действительно, можно получить глубокое впечатление, когда стоишь на этом месте (Тинтагель в Корнуолле. *Прим. Изд.*) и взираешь оттуда на море, как некогда отсюда смотрели на море рыцари Круглого стола, рыцари короля Артура. И еще теперь можно тут получить впечатление такого рода, если человек восприимчив к этому, которое скажет, что, собственно, проделывали эти **РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА**, рыцари Артура, в этом гигантском замке, от которого остались стоять, как последние свидетели, разбитые каменные глыбы.

С этого места руин, которые все еще производят могучее впечатление, взглянем отсюда на море. Эта — горная вершина, по обеим сторонам которой — море. В то время, как смотришь отсюда на море, то оказываешься под воздействием ежечасных перемен погоды, происходящих в этой области, — видишь сияющее Солнце, отражающееся в море, и тотчас вслед за этим налетает буря. Когда это, разыгрывающееся тут еще и теперь, обзриваешь оккультным взором, то получаешь величественное впечатление. Тут творят и живут элементарные духи, выступающие из деяний света, атмосферы и из деяний пенящихся и бьющихся о берег волн. Это впечатление от тех элементарных духов, которые живут во всем тут происходящем, — от их взаимодействия, — еще и теперь оказывается вполне наглядным: как Солнце в его сущности воздействует на земное бытие благодаря встрече Солнца с произрастающими внизу из Земли спиритуальными духами, со стихийными силами. Тут получаешь сегодня такое впечатление: это прежде было непосредственным первоначальным источником инспираций двенадцати рыцарей короля Артура.

Тут стояли эти Артуровы рыцари Круглого стола, наблюдая эту игру стихий света, воздуха, воды и земной тверди — игру элементарных духов. И можно было также узреть, как эти элементарные духи были

посланцами, несущими вести от Солнца, Луны и звезд, и как это затем переходило в их (рыцарей) импульсы; так было в старые времена. Многие сохранилось в течение христианских столетий, предшествовавших девятому столетию, о котором я сегодня говорю.

Задачей этого ордена Артура, который был основан тут по наставлению **МЕРЛИНА**, было вносить культуру в Европу, когда Европа еще повсюду в своей духовной жизни находилась под влиянием самых замечательных элементарных существ. И в гораздо большей степени, чем ныне думают, древнюю жизнь Европы следует понимать так, что тогда повсюду можно было узреть вмешательство элементарных сверхчувственных существ в непосредственную человеческую жизнь.

Это жило там до того, как туда пришло провозвестие христианства, и жило даже в своих древних формах, ибо, как было сказано, Артурова жизнь восходит к дохристианским временам; тогда жило также и знание, — по меньшей мере, практически инстинктивно, но практически инстинктивно вполне отчетливо, — знание о Христе, о Солнечном Духе, еще до Мистерии Голгофы. И в деяниях рыцарей Артурова Круглого стола жил сам этот Космический Христос, Который — только не под именем Христа — содержался также в том порыве (*Impetus*), с которым Александр Великий (356-323) нес в Азию греческую культуру с ее спиритуальной жизнью. Это были, так сказать, «александровы» походы, которые совершались по Европе рыцарями Артурова Круглого стола — наподобие похода Александра Македонского в Азию и по Азии.

Я привожу это, чтобы на данном примере, который как раз в последнее время можно было исследовать, показать, как тогда свершалось служение Солнцу, то есть древнее служение Христу, — но само собой разумеется, тому Христу, каким он был для людей до Мистерии Голгофы: тогда все было космическим — даже при переходе Космоса в земные стихии. В элементарных духах, которые жили в свете и воздухе, в воде и тверди, жило ведь космическое; тогда при познании невозможно было отрицать наличие во всем этом Космического. Тогда в европейском язычестве жило еще в девятом столетии много дохристианского христианства. Своеобразие этого времени в том, что тогдашние последыши европейского язычества в общем понимали Космического Христа — гораздо достойнее понимали Христа, чем те люди, которые принимали Христа официально распространяемого христианства.

АРНОЛЬД БЕКЛИН

Когда мы видим эту жизнь вокруг короля Артура и ясновидчески воспринимаем, как она продолжается вплоть до современности, тогда мы замечаем, каким неожиданным образом она властью Кармы, властью Судьбы вдруг вступает в современность. Я мог ясновидчески узреть одного рыцаря — члена Артурова Круглого стола, который действительно очень проникновенным образом вел жизнь члена этого ордена Круглого стола, даже несколько обособляясь от остальных, которые больше предавались рыцарству. Это был рыцарь со своей, несколько созерцательной жизнью, — впрочем, не наподобие **РЫЦАРЕЙ ГРААЛЯ** — это в окружении короля Артура не имело место. То, что предпринимали его рыцари и на что они смотрели, как на свои задачи, было большей частью

тем, что соответствовало тогдашнему времени военных походов и что можно назвать поисками приключений, авантюрами. Но один из них, фигура которого отличалась от других, обнаруживал в образе своей жизни многое из того чудесного, что было в его инспирации. Эти рыцари поднимались на возвышенность приморского мыса, взирали на чудесную игру облаков вверху, на прибой волн внизу — на это их сочетание, которое еще и сегодня производит великое, величественное впечатление; они лицезрели в этом духовное и тем самым инспирировались. Благодаря этому они обретали свои силы. Но среди этих рыцарей был один, который обладал особенно пронизательным взором в отношении этих облачных и морских волн с их «барашками», — в отношении того, как духовные существа бушуют в этих волнах, являя свои гротескные на земной взгляд фигуры; он обладал удивительным прозрением в отношении того рода и способа, каким великолепное чистое солнечное воздействие вступало в совместную игру с остальной природой, жило и творило в духовном деянии и творческом действии этой подвижной морской поверхности; он жил в том, что можно узреть сквозь эту влажную атмосферу в несомой ею, сказал бы я, световой природе Солнца, которая тут иным образом, чем в других странах, выступала в деревьях и в промежутках между деревьями: она высвечивала, играя временами красками радуги, в промежутках между деревьями.

Таким был этот рыцарь среди прочих; он имел пронизательный взор для этих вещей. И мне запало в душу проследить его жизнь дальше, — узреть эту индивидуальность дальше, ибо в позднейшей инкарнации должно было бы нечто получиться от этой, сказал бы я, почти примитивно языческой и только в широком смысле, христианской жизни. И получилось: именно этот рыцарь Круглого стола Артура снова родился как художник **АРНОЛЬД БЕКЛИН** (1827-1901). И эта загадка, которая долго преследовала меня, смогла разрешиться только в связи с Артуровым рыцарским орденом Круглого стола. Вы видите, что тут мы имеем христианство до Мистерии Голгофы, которое еще ныне можно ощупать духовными руками и которое еще светило в то время, которое я обрисовал здесь.

НЕБЕСНЫЙ СОБОР 869 ГОДА

Личности, которые прошли через врата смерти и которые хорошо знали о том, что христианство было до Мистерии Голгофы, встретились, когда в Константинополе происходил восьмой Вселенский собор, — они встретились, сказал бы я, на одновременно происходившем некоем **НЕБЕСНОМ СОБОРЕ**; там встретились Аристотель, Александр, Гарун аль Рашид, его советник и некоторые из рыцарей Артура Круглого стола.

Тогда желавшие действовать в христианском смысле Аристотель и Александр приложили много усилий, чтобы преодолеть арабизм, живший в индивидуальностях Гарун аль Рашида и других. Это не удалось. Те индивидуальности не были способны к этому. Но получилось другое: чтобы стать еще глубже и проникновеннее, чем это было при довольно грубых обычаях рыцарей короля Артура, древнее космическое

христианство стало дальше жить в людях, связанных своим происхождением с Круглым столом Артура. И тогда же на этом небесном соборе, чтобы противостоять тому, что, как можно было предвидеть, наверное произойдет в будущем, были — при участии власти Михаила — Александром и Аристотелем приняты решения, каким образом духовная жизнь в Европе должна получить новые импульсы в смысле христианизированного аристотелизма.

БЭКОН ВЕРУЛАМСКИЙ и АМОС КОМЕНСКИЙ

Но Гарун аль Рашид и его советник остались при старом. И то, что произошло вследствие этого, если я смею так выразиться, небесного собора, — это, будучи прослежено дальше в истории европейской духовной жизни, оказывается имеющим величайшее значение. Ибо, если мы направим взор на дальнейшее странствование Гарун аль Рашида в духовной жизни, то найдем, что этот чудесный организатор, этот величайший дух из времен Карла Великого потом опять появляется на Земле. Он появляется позднее в христианской среде, но рождается будучи проникнут своим арабизмом, который он пронес сквозь жизнь между смертью и новым рождением. Однако то, что такая личность тогда изживает, не нуждается, чтобы внешняя конфигурация, в которой она теперь выступает в физическом мире, была подобна арабской. Это облекается в новые формы, но, тем не менее, остается в этих новых формах по существу старым, — остается магометанством, арабизмом.

Это действительно выступает в европейской духовной жизни; Гарун аль Рашид опять появляется на Земле, перевоплотившись в ***БЭКОНА ВЕРУЛАМСКОГО*** (1561-1636). Это выступает и в другом роде — выступает примечательным образом даже пронизанным христианством, когда советник Гарун аль Рашида, перевоплотившись в Центральной Европе, действует затем широко в Европе как ***АМОС КОМЕНСКИЙ*** (1592-1670). Многие в европейской духовной жизни произошло в связи с тем, что именно снова воплотившиеся духи Гарун аль Рашида и его советника, действуя в этих своих новых человеческих обликах, внедрили в Европу. Вы видите, что сначала нечто подготавливается, а затем действительно происходит позднее. Ибо то, что позднее выступает в Бэконе и Амосе Коменском, — это духовно воздействовало до того свыше из духовного мира, приняв особенно интенсивные формы в результате упомянутого сверхчувственного собора 869 года.

ШКОЛА ШАРТРА

Наоборот действует другой полюс — тот полюс, который приняло для христианства александрийство и аристотелизм. Это выразилось прежде всего в многообразных влияниях, которые сказываются в тех уединенных местах, где взращивалась христианская духовная жизнь. Взглянем на одно из таких мест, а именно на ***ШКОЛУ ШАРТРА***. Эта школа Шартра, процветавшая в двенадцатом столетии, совершила великий

спиритуальный прорыв (*Einschlag*). **СИЛЬВЕСТР ШАРТРСКИЙ, АЛАН ОСТРОВИТАНИН** (*Alanus ab Insulis*) и другие духи, которые каким-либо образом были связаны со школой Шартра или учили в ней, как Алан Островитянин или Сильвестр, — они обладали многим из древней мудрости Посвящения, хотя они и не могут быть названы в точном смысле слова вполне Посвященными. Книги, которые ведут свое происхождение от них, выглядят как каталоги слов. Но в то время не было возможным то, чему хотели придать полноту жизни, выразить в книгах иначе, чем посредством риторики, то есть своего рода каталога слов. Но тот, кто умеет читать, прочтет как раз в этих книгах то, чему учили своих многочисленных учеников великие Учителя Шартра, — учили блистательным, чудесным спиритуально проникнутым образом.

Тогда над европейской духовной жизнью действительно сияла спиритуальная звезда в лице этой школы Шартра, где ведь еще и теперь высятся архитектурно чудесно скомпонованные и искусно оформленные соборы, являя собой произведение столетий.

Так же и в некоторых других местах жило то, что было тогда спиритуальной жизнью: прозрение в мир природы, но спиритуальное прозрение и, значит, иное, чем пришедшее позднее истолкование природы; была духовная жизнь, которая тоже действовала на духовных путях. Интересно, что эта духовная жизнь, эта спиритуальная жизнь излучалась многообразно. В отдельных местах Франции мы можем проследить, как исходя из Шартра и через Францию, достигая юга Франции и даже Италии, дух Шартра жил в учениях тамошних школ и жил самым спиритуальным образом.

БРУНЕТТО ЛАТИНИ

Интересно, что **БРУНЕТТО ЛАТИНИ** (ок. 1210-1295), который одно время был послом в Испании, когда он возвращался обратно и еще вдали от своего родного города услышал о бедствии, постигшем Флоренцию, то он претерпел сильное душевное потрясение с легким солнечным ударом, какой он получил. В таком телесном состоянии человек легко становится доступным для спиритуальных влияний, распространяющихся спиритуальным же образом. Известно, что Брунетто Латини на своем обратном пути во Флоренцию пережил некий род стихийного Посвящения. Он стал учителем **ДАНТЕ**. Спиритуальность «Божественной комедии» Данте происходит от тех учений, которые Брунетто Латини преподавал своему ученику Данте.

Во всем этом как раз живет то, что, смею я сказать, было порешено на сверхчувственном соборе 869 года. Ибо инспирация к учениям Шартра, инспирация для Брунетто Латини, а также инспирация для **ДАНТЕ**, давшая то, что в поэме Данте могло зажить Космическое, — все это связано с тем импульсом, который низшел от этого сверхчувственного собрания в девятом христианском столетии.

Когда ясновидчески всматриваешься в эти вещи, то вместе с тем обозреваешь всю европейскую духовную жизнь — от древнего времени Александра Великого, через время Мистерии Голгофы и вплоть до

времени школы Шартра; и если проследить еще дальше и совместно рассмотреть то, что разыгрывается сверхчувственно и то, что здесь внизу происходит как его теневое отражение в физическом мире, тогда начинаешь впервые действительно понимать то, что ныне можно назвать течением Михаила, — понимать, чего хочет это течение Михаила.

Затем можно всмотреться в то, чего хочет — в смысле Михайлова течения — антропософское движение. Об этом мы намерены говорить дальше в следующий раз.

ПРИМЕЧАНИЕ

1) **АРТУР — ЛЕГЕНДЫ О КОРОЛЕ АРТУРЕ**, кельтские народные предания, в центре которых образ короля бриттов **АРТУРА** (5-6 вв.), боровшегося с англосаксонскими завоевателями. Артур и рыцари «**КРУГЛОГО СТОЛА**» (за которым как равные собирались герои Артуровских легенд) воплощают нравственные идеалы рыцарства. Артуровские легенды использовались многими поэтами и романистами Европы.

Четвертая лекция

12 сентября 1924 г., Дорнах.

Если мы хотим иметь человеческое мышление и деяние пронизанным духовной жизнью, тогда необходимо такие ясновидческие представления о духовном мире, какие были проведены перед нашими душами в последних лекциях, воспринять со всей серьезностью — после того, как в течение столетий именно их не доставало цивилизованному человечеству.

Направив свой взор в прошлое на различные эпохи исторического развития человечества, мы видим, как в более ранние времена человеческие деяния на Земле повсюду были связаны с тем, что совершается в сверхчувственном мире. Дело обстоит не так, как если бы у большей части человечества в последнее время отсутствовало некоторое абстрактное сознание о сверхчувственном; этого нельзя сказать. Но отсутствует мужество — то, что конкретно происходит в земном мире, связать также с конкретными свершениями духовной жизни и ее творчества.

С такими наблюдениями, к которым мы здесь приступили, мы снова приходим к этому. Именно, приходим к тому, что когда рассматриваем земную жизнь человека, то мы оказываемся в состоянии привести ее в связь с жизнью между смертью и новым рождением; и мы в состоянии то, что происходит в земной жизни того или иного человека, связать с тем, что совершается в его следующей земной жизни. Мы начали рассматривать духовно-сверхчувственное течение, о котором я смею

сказать, что оно связано с нашим современным Михаиловым течением, на служение которому поставлена антропософия. Тем самым мы вступили на путь, который в некотором смысле должен привести нас к карме самого антропософского движения и тем самым — к карме отдельных личностей, которые достойным образом, то есть исходя из самостоятельного порыва их нутра, могут связать жизнь их души, их духа с антропософским движением.

Я обратил ваше внимание на то, как некоторым образом под эгидой власти Михаэля совершилось одно сверхчувственное событие именно в то самое время, когда на Земле в 869 году имел место Вселенский собор, оказавший в дальнейшем глубокое влияние на культурную жизнь всего христианского Средневековья. Надо только заметить ту глубокую боль, с которой просвещенные умы Средневековья избегали говорить о трехчастном составе человека из тела, души и духа. Ибо этот **ВОСЬМОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР** в Константинополе объявил учение о трехчастном человеке еретическим, и при той власти, какую имели такие духовные постановления в Средние века, становится понятным, что собственно вся духовная жизнь в этой части Земли оказалась в своем ходе затемненной этим провозглашением так называемой **трихотомии** ересью.

Но тем интенсивнее становится та духовная жизнь, которая с древнего времени работает над тем, чтобы подготовить Михаилово течение для двадцатого столетия, — то Михаилово течение, в котором мы находимся с последней трети девятнадцатого столетия и в котором мы, как и все человечество, будем находиться еще три или четыре столетия. Сегодня мы хотим указать на поступательное развитие этого течения, которое мы начали рассматривать, чтобы затем послезавтра больше приблизиться к тому, что связано с одной стороны с кармой антропософского движения, а с другой стороны кармически связано с духовной жизнью современности.

Мною было сказано о том, что при своего рода **СВЕРХЧУВСТВЕННОМ НАДЗЕМНОМ СОБОРЕ**, состоявшемся в то самое время, когда имел место восьмой Вселенский собор в Константинополе, встретились индивидуальности Гарун аль Рашида и его мудрого советника с индивидуальностями Александра и Аристотеля; там находились также некоторые индивидуальности из того времени, когда имело место **АРТУРОВО РЫЦАРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ**, как я разъяснил, что все это произошло под эгидой Михаила.

Потом я обратил ваше внимание на то, как Гарун аль Рашид снова появился на Земле, переноса в Европу восточную духовную жизнь вместе со ставшим нехристианским учением Аристотеля — появился как лорд Бэкон, **БЭКОН ВЕРУЛАМСКИЙ**, имевший большое влияние на духовную жизнь Европы, но — влияние, продвигавшееся полностью в материалистическом смысле. И я обратил ваше внимание на то, как охарактеризованный мною советник Гарун аль Рашида снова появился как **АМОС КОМЕНСКИЙ**, о котором ведь с правом можно сказать многое в хорошем смысле, но который, однако, с другой стороны в своем стремлении ввести в школьное обучение наглядность способствовал материализму тем, что резко акцентировал непосредственную

наглядность, принадлежащую миру внешних чувств.

Вы видите, как тогда, в конце шестнадцатого столетия — в начале семнадцатого столетия, вступило в земную жизнь то течение, которому не по пути с прямым продолжением развития христианства и которое вносит в европейское духовное развитие чуждый христианству элемент. Но с другой стороны ведь действовали также дальше, правда, теперь в сверхчувственных мирах — индивидуальности **АРИСТОТЕЛЯ, АЛЕКСАНДРА** и все те, кто примыкали к ним как оставшиеся связанными с Михайловым течением.

ШКОЛА ШАРТРА

Но, кроме того, внутри этого течения действует — частью в сверхчувственных мирах, а частью на самой Земле — еще нечто через некоторые личности, которые находились в связи с этим сверхчувственным течением, когда они переживали время между смертью и новым рождением и которые затем появились на Земле в течение ближайших столетий; эти личности были больше связаны не с александризмом, не с аристотелизмом, а с **ПЛАТОНОМ** и со всем тем, что потом стало из воззрений Платона.

А именно мы видим, как в столетиях, следующих за IX веком, на Земле воплощаются платонически ориентированные духи. И это ведь суть те самые, которые в Средние века продолжали то учение, какое официальным христианством, официальным католицизмом рассматривалось как еретическое, но которое было истинным христианским учением. Те индивидуальности, которые продолжали христианский аристотелизм, задерживались в духовных мирах, ибо на Земле в IX-XII столетиях для этого духовного течения не было — согласно условиям развития — никакой опоры. Наоборот, те, кто имели больше платоновское настроение, могли с совсем особенной интенсивностью, можно сказать, развиваться в некоторых изолированных духовных местах. Мы находим в среде официального, все более и более распространяющегося, католического христианства там и сям в школах такие личности, которые продолжали древнюю традицию Мистерий и, исходя из нее, проливали свет на христианство. И местом такого рода, куда влилось все то, что было продолжено как традиция Мистерий, была насквозь спиритуальная школа **ШАРТРА**, внутри которой действовали такие духи как **БЕРНАРД СИЛЬВЕСТРУС, АЛАН ОСТРОВИТЯНИН** и др. (о чем я часто упоминал в последнее время).

Что же собственно такое пришло тогда для развития духовной жизни и, в конце концов, влилось в эту замечательную школу Шартра, которая известна людям лишь с ее внешней стороны? Это есть некая духовная жизнь, которая, в сущности, полностью похоронена в новое время — духовная жизнь, в которой еще возвращались дальше древние традиции Мистерий. Внутри этой духовной жизни мы в особенности везде находим в качестве господствующего одно воззрение на природу, являющееся духовно глубоко проникновенным, — воззрение на природу, которое целиком отличается от того абстрактного естествознания, которое

позднее проникло во все круги человеческого общества и которое умеет выражать законы природы только в мыслях.

То, что это духовное течение воспринимали из природы в человеческую душу, было чем-то насквозь духовным — было живым деянием и самой жизнью, а не всего лишь абстрактными, мертвыми, понятийными законами природы. Тогда еще мало взирали на то, что позднее стало для людей столь поразительным, — на современные химические элементы. Но тем больше взирали на то, что называлось «элементами» (стихиями) в старом смысле, — на земную твердь, воду, воздух, огонь. В тот момент, когда эти элементы (стихии) познавали не просто в традиционных словах, но посредством традиции, еще пронизанной духом древнейших Мистерий, — в тот самый момент лицезрели то, что, правда, не присутствует в наших современных 70-80 химических элементах, но что есть в тех четырех элементах (стихиях), а именно: мир элементарной духовности, мир некоторых элементарных существ, в который тотчас погружаешься, как только вживаешься в эти четыре стихии.

И затем лицезрели, как сам человек в отношении его внешней телесности причастен к этой жизни и творящей деятельности земной тверди, воды, воздуха, огня, — лицезрели как это становится в нем образованием его организма. И потом те, кто таким образом всматривались в жизнь и творящую деятельность этих четырех стихий, не усматривали в этом какие-то «законы природы», но за земной твердью, водой, воздухом, огнем прозревали великое живое существо — **БОГИНЮ ПРИРОДЫ** (*Natura*). И они получали из этого прозрения непосредственное ощущение того, что богиня Природа сперва обращается к человеку только одной половиной своего существа, другая же половина ее существа сокрыта в том мире, в котором человек находится во время сна, от засыпания до пробуждения, где “Я” и астральное тело человека пребывают в духовном окружении, лежащем в основе мира природы, — где “Я” и астральное тело пребывают совместно с элементарными существами, лежащими в основе «элементов» (стихий) природы.

И мы находим в упомянутых изолированных духовных местах и школах повсюду Учителей больших или меньших человеческих групп, где они говорили о том, как богиня Природы в своих внешних проявлениях, которые предстают человеку в его бодрственном состоянии, обнаруживает одну часть ее живого и творческого существа, но во всех стихийных явлениях мира природы, в бурях и т.п. и во всем том, что конституирует человека, принимает участие нечто такое, что человек не может воспринять, и что сокрыто от него во тьме сна.

Эти ученые тогдашнего времени ощущали великую богиню Природы как то, что в течение половины времени вздымается и являет себя в природе, воспринимаемой внешними чувствами, но они ощущали ее также и как такую, которая каждую ночь удаляется, каждый год погружается вглубь, действуя и творя в тех просторах, которые сокрыты от человека, сознание которого погрузилось в сон. И это было прямым продолжением мировоззрения, которое имелось в древних Мистериях как представление о **ПРОЗЕРПИНЕ**. Вы только должны подумать о том, что, собственно, это означает. Мы имеем теперь естественнонаучное воззрение на природу,

которое сплетено из мыслей, состоит из «законов природы», — которое гласит и мыслит абстрактно и в котором нет ничего жизненного. А в то давнее время еще существовало воззрение на природу, согласно которому люди взирали на нее подобным же образом, как взирали они на деятельную дочь Деметры богиню Прозерпину. И в представлениях, которые сообщались в тех школах как правильные — как происходящие из еще живой традиции — наличествовали многие изречения и выражения, которые оказывались в точности продолжением того, что в древних Мистериях говорилось о Прозерпине.

Когда же человек хотел прийти к пониманию своей душевной жизни, ему делалось ясным следующее. В отношении телесности ты состоишь из элементов, в которых творят элементарные существа, но ты несешь в себе душу. Она не подчиняется влиянию этих существ, но, наоборот, господствует над этой организацией элементов; эта душа находится под влиянием планетарного мира Меркурия, Юпитера, Венеры, под влиянием Солнца и Луны, Сатурна, Марса. И человеческий взор направлялся тогда ввысь к тайнам планетарного мира (в целях изучения психологии). Тогда человеческое существо расширялось, восходя от телесного к душевному путем ясновидческого прозрения сопринадлежности человека к окружающему миру, — переходя от творящей деятельности элементов земной тверди, воды, воздуха, огня к тому, что свершали в человеческой душевной жизни планеты, включая Солнце и Луну, своим кружением, своим появлением, своим световым воздействием, своим таинственным оккультным воздействием. И от богини Природы, раньше именовавшейся Прозерпиной, обращались ввысь к тем Разумам (*Intelligenzen*), к тем Гениям планет, Солнца и Луны, на которых направлялся ясновидческий взор, когда хотели постичь человеческую душевную жизнь.

И потом, когда дело было в том, чтобы постичь **духовную** жизнь, ибо учителя этих изолированных школ — вопреки догме восьмого Константинопольского собора — никогда не давали отворотить себя от рассмотрения Духа, — когда дело было в том, чтобы вести наблюдения над духовной жизнью, тогда направляли ясновидческий взор ввысь к неподвижным звездам, и особенно к созвездиям круга Зодиака. И наблюдали там то, что человек несет в себе как дух — наблюдали из констелляций небесных светил, их появлений на Небосводе и из познаний духовных Властей, находящихся в неподвижных звездах.

Так постигали человека, исходя из окружающего мира, из Космоса. Так тогда постигали Макрокосм и Микрокосм, то есть человека. Таково было учение о природе в тогдашнее время. Им вдохновлялись в изолированных духовных школах, но оно отдельными личностями, рассеянными там и сям, доставлялось также и прочим людям. И это учение достигло своего рода кульминации, будучи чудесным образом преподаваемо в школе Шартра такими личностями, как Бернард Сильвестр, Алан Островитянин и др.

Эта школа Шартра поистине есть нечто совершенно чудесное. Когда ныне берешь в руки восходящие к ней книги, то они воспринимаются как некие каталоги наименований (о чем я уже говорил). Но в тогдашнее время не было обыкновения писать иным образом, чем таким

каталогизирующим образом о том, что как раз хотели иметь в жизненной духовности. Но тот, кто может прочесть такие вещи, воспримет, как то, что восходит к Учителям школы Шартра, пронизано древней спиритуальностью. Глубокая спиритуальность школы Шартра оказывала свое действие не только посредством того, чему там учили и что многочисленные ученики выносили из нее, но она действовала и непосредственно спиритуальным образом. Она действовала таким образом, что также и в духовную атмосферу человечества излучалось оккультным образом то, что как жизненная духовность жило в Шартре. Поэтому мы видим, как через всю Францию вплоть до Италии проникают духовные лучи этой школы Шартра. В различных школах, известных в истории под своими внешними наименованиями, учили о природе тому же, что и в Шартре.

БРУНЕТТО ЛАТИНИ И ДАНТЕ

Вот один конкретный случай. Когда учитель ДАНТЕ БРУНЕТТО ЛАТИНИ, возвращаясь со своего поста посла Флоренции в Испании, испытал легкий солнечный удар и еще пережил сильное душевное потрясение недалеко от своего родного города, то он стал доступен для оккультных излучений школы Шартра. Он пережил то, что он сам впоследствии описал следующим образом. В то время как он приближался к своему родному городу Флоренции и вступил в густой лес, ему сперва встретились три зверя, а затем явилась богиня Природа, созидающая царства мира природы (так, как об этом было мною упомянуто). И он ясновидчески узрел это; в том наполовину патологическом состоянии, в котором Брунетто Латини тогда впал, но которое вскоре прошло, ему открылось ясновидческое восприятие того, чему учили в духовных школах. И тогда, после того, как богиня Природа (преемница Прозерпины) была увидена им за работой, он узрел, как построен человек из четырех элементов, как творят души в сфере сил планет, Солнца и Луны; он был со своими мыслями вознесен вплоть до неба неподвижных звезд. Он пережил в собственной персоне всю эту могущественную средневековую науку.

Брунетто Латини является учителем Данте. Если бы он им не был, — если бы он не сообщил Данте, как своему ученику, того, что он получил в столь величественном ясновидческом узрении, — то мы не имели бы **«БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»**, ибо она есть отблеск учения Брунетто Латини из души Данте. Видите ли, в теперешнее время не было бы никакой возможности для таких вещей, но тогда при еще гораздо более свободном устройстве церкви, чем позднее, все эти учителя Шартра были членами духовных орденов. Мы видим их в одеянии **ЦИСТЕРЦИАНЦЕВ**. Мы видим, что они связаны с наилучшими течениями внутри жизни христианских монашеских орденов.

СВЕРХЧУВСТВЕННАЯ БЕСЕДА

Так проходила эта своеобразная фаза развития. В течение всего этого

времени, когда эти, так сказать, платоники действовали описанным образом, аристотелики не могли действовать на Земле. Тогда там не было для этого условий. Но зато они подготовили Михайлово течение в сверхчувственной жизни. Они находились в непрестанной связи — из сверхчувственного мира — с теми Учителями, которые действовали на Земле в том же направлении и которые затем потянулись в Шартр. А потом, после расцвета школы Шартра в конце одиннадцатого столетия, в двенадцатом столетии (приходится эти вещи фиксировать при помощи земных обозначений, хотя эти земные обозначения, конечно, не подходят и над ними можно с легкостью посмеяться) имела место своего рода **СВЕРХЧУВСТВЕННАЯ БЕСЕДА** между теми душами, которые, принадлежа к течению Шартра как платоники, восходили через врата смерти в сверхчувственный мир, и теми душами, которые как аристотелики, или александрийцы, оставались пока там наверху; эта беседа, происходившая при переходе от двенадцатого столетия к тринадцатому, привела к некоему соглашению, которое должно было действовать в будущем.

Это привело к тому, что, в связи с наступлением других условий в духовной жизни европейского человечества, платоники, закончив развертывание своей великой деятельности в Шартре, оказались отныне в сверхчувственном мире и передали свою миссию аристотеликам. И эти последние стали теперь воплощаться в физическом мире, чтобы продолжить таким образом, как надлежало, то, что я мог бы назвать космическим Михайловым служением.

Мы опять-таки находим тех, которые многообразно действовали в этом, более аристотелевском смысле, внутри монашеского ордена, а именно **ДОМИНИКАНЦЕВ**. Души аристотеликов, так сказать, отстраняют от земной деятельности души платоников; и теперь развивается то, что ныне может быть действительно оценено по достоинству, собственно, только внутри антропософского движения (мною ведь однажды был прочитан цикл лекций о схоластике, об ее истинном образе и происхождении), — развивается схоластика Средневековья, то есть учение, которое в условиях уже спешившего к материализму времени хотело удержать в человеческих воззрениях то, что было возможно от духовности.

Еще до того, как на Земле появились Бэкон Веруламский и Амос Коменский, в схоластике работали над продолжением Михайлова служения. Мы видим, как в схоластике, в ее, так называемой **РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ** школе, должно было быть спасено происхождение того, что человек несет в своих мыслях в отношении духовности. Духовная реальность приписывалась схоластиками-реалистами тому, что человек может схватить посредством своих мыслей. Это — тощая духовность, которую тогда возможно было спасти, но все-таки духовность.

Это уже обстоит таким образом, что спиритуальная жизнь во всемирно-историческом развитии происходит так, что если обзираешь ее реальность и владеешь наукой Посвящения, то не можешь поступать иначе, как совместно рассматривать то, что разыгрывается на Земле как физические события или вообще такие, которые принадлежат физической истории, и то, что из Духовного духовно проникает в это физическое.

Тогда приходишь к единому воззрению на то, как сперва действовали — вплоть до Шартра — платоновские души, и как затем действовали аристотелевские души. Ясновидчески взираешь сначала на то, как аристотелевские души инспирирующе воздействуют из сверхчувственного мира на тех Учителей, которые как платоновские души живут на Земле и учат тому, как выработать на Земле, в земном рассудке, науку. Всматриваешься в это звено продолжающейся цепи духовных свершений, — видишь, как Учитель Шартра странствует по Земной почве и как он придает законченность своим исследованиям, пронизанным его ясновидческими прозрениями; и видишь, как падает свыше вниз инспирирующий луч аристотелевской души из сверхземного мира и вводит в верное русло то, что окрашено платонически. Тогда получаешь совсем иное представление о жизни по сравнению с тем, какое очень часто встречаешь ныне. Во внешней жизни так охотно проводят резкое различие между платониками и аристотеликами. А ведь в действительности дело обстоит вовсе не так. ***Земные исторические эпохи требуют, чтобы их трактовали то в платоническом, то в аристотелевском смысле.*** Но когда ясновидчески обзереваешь сверхчувственную жизнь «за кулисами» жизни мира внешних чувств, тогда обнаруживаешь, как первая оплодотворяет другую, — как первая вступает в другую.

И опять-таки, когда в среде доминиканцев учили аристотелики, платоники, уже находящиеся в духовном мире, были инспирирующими гениями для позднее воплощенных аристотелевских душ, с которыми они вступили в соглашение. Жизнь всеобща была иной в то время, чем теперь. Верится ли в это сегодня или нет — все равно, но дело обстояло так, что если духовно направить на то время ясновидческий взор, то можно найти, например, такого духа, как Алан Островитянин, сидящего в своей уединенной келье, отдавшего своим занятиям и ожидающего духовного посетителя из сверхчувственного мира, который вступил в союз с ним и который является некой аристотелевской душой. Да, также и позднее, когда в личностях монахов ордена доминиканцев появились на Земле аристотелики, у них было сильное сознание своей принадлежности к духовному миру. Это можно вывести из такого факта. Один учитель-доминиканец нисшел в земную физическую жизнь раньше, чем другая душа, с которой он был связан; эта последняя пока оставалась в духовном мире, чтобы прежде закончить там нечто, что она должна была, воплотившись сама несколько позднее, принести на Землю, чтобы дальше действовать вместе с ранее воплотившейся душой. И это сознавалось ими. Сознавали себя со своими деяниями, со своей работой связанными с духовным миром.

Все это было погашено позднейшей историей. Но истину об исторической жизни не вычитать из документов нового времени, — ее надо добыть из этой жизни. И надо иметь непредвзятый взгляд в отношении этой жизни. Надо узреть эту жизнь развертывающейся также и там, где она развивается внутри, поистине мало симпатичного круга людей, развивается как нечто такое, что Кармой введено именно в этот круг людей, но что внутренне означает нечто совсем иное.

Такое «чтение» в событиях прошлого, мои дорогие друзья, действительно выступало мне навстречу совсем замечательным образом в ходе моей жизни. И теперь я вижу в тех или иных событиях, только проникая в них ясновидчески, отчетливым образом, словно читая оккультное письмо, что именно выступало мне навстречу в ходе жизни. Карма творит и действует ведь поистине таким особенным образом в отношении самых замечательных вещей, которые переживаешь. И я хотел бы сказать: это также заключается в своеобразии Кармы, что я сегодня здесь (а также и в других местах и в другое время) именно в это время говорю о таких вещах, как школа в Шартре и все то, что ей предшествовало. Ибо самые выдающиеся люди, которые жили в школе Шартра, принадлежали к ордену цистерцианцев.

Так вот, цистерцианский орден, подобно другим орденам внутри католического развития, пришел в упадок, но в этом процессе упадка (*in diesem Dekadentenwerden*) ведь много внешнего. Индивидуальности порою выступают сокрыто, в то время как они продолжают старые, чрезвычайно ценные также и для антропософии, духовные направления, находясь внутри взаимоотношений, к которым они, собственно, не принадлежат; однако жизнь, Карма привела их туда. Таким образом, я должен всегда находить примечательным то, что — с моей ранней юности и до определенного времени — ко мне всегда более или менее приближались лица из цистерцианского ордена. Когда я окончил народную школу, то я (по тем основаниям, которых я коснулся в автобиографии «Мой жизненный путь») был направлен моими близкими в реальное училище, а не в гимназию, едва не став, между тем, учеником гимназии при цистерцианском ордене. Казалось вполне само собой разумеющимся, что я должен был бы стать им. Но этого не произошло, — конечно, к силу хороших кармических оснований.

Но реальное училище, в котором я учился, было всего лишь в пяти шагах ходьбы от гимназии цистерцианского ордена. Можно было познакомиться со всеми этими, тогда превосходно ведущими преподавание, учителями-цистерцианцами. Речь тут идет не об ордене, но об отдельных индивидуальностях. Еще сегодня я с глубоким удовлетворением думаю об одном таком священнике-цистерцианце, который с поразительным воодушевлением преподавал в той гимназии. Он вызывал воодушевление во всех тех индивидуальностях, которые прогуливались по той улице, которая называлась в «Винер-Нойштадте» («Венском новом городском районе») «Аллеейным переулком», — прогуливались прежде, чем идти на занятия в гимназию. Эти профессора-священники в штатской одежде были чрезвычайно одаренными людьми. И меня в то время гораздо больше заботило прочесть в конце учебного года статьи-программы (*Programm-Aufsätze*) этих профессоров-цистерцианцев, чем читать учебники в течение учебного года; так я читал действительно с ревностным усердием то, что эти цистерцианцы из Винер-Нойштадтской гимназии излагали как их собственную мудрость. Короче говоря, монашеский орден цистерцианцев был мне близок. И вполне вероятно, что если бы я поступил в цистерцианскую гимназию, то сам стал бы, разумеется, цистерцианцем (это, конечно, одна из тех гипотез, которые

выдвигают, чтобы лишь осветить положение вещей).

По прошествии некоторого времени я стал посещать кружок, который собирался у *Делла Грацие*, где часто бывали профессора теологии Венского теологического факультета. С некоторыми из них я очень близко познакомился. Все они тогда были деятельными членами ордена цистерцианцев. Я опять сошелся с цистерцианцами. И благодаря тому, что теперь исходило от ордена цистерцианцев, я смог проследить кое-что, бывшее в далеком прошлом.

Я мог бы указать вам на одно событие, чтобы показать, как действует Карма. Благодаря «журфиксам» (*jour-fixe*) у Делла Грацие (в Англии они называются *five-o'clock tee*) я хорошо познакомился с часто бывавшими там профессорами Теологического факультета. Я прочел один доклад. Присутствовал один священник из ордена цистерцианцев, это был исключительно выдающийся человек, и когда я закончил свой доклад, он сказал нечто крайне своеобразное — нечто такое, что я могу обозначить только в следующей форме: он произнес мне слова, в которых заключалось воспоминание о совместном бытии со мной в одной из прошлых земных жизней.

Такие вещи имеют воспитательное значение для жизни человека. Это было в 1889 году. Конечно, в журнале «Гетеанум» я мог рассказать только о внешних частностях этих вещей; мои статьи оттуда появятся в виде отдельной книги — с примечаниями, в которых тогда будет рассмотрена внутренняя сущность происходившего.

Вот, вы видите, что здесь мы имеем нечто от тех кармических оснований, которые привели к тому, что я вообще могу говорить в этой форме об этих духовных течениях. Подготовкой для этого может быть только сама жизнь, а не изучение, не какое-либо занятие, штудирование.

ШКОЛА МИХАЭЛЯ

Итак, я показал, как совместно действовали платоново и аристотелево течения. Потом также и аристотелики в свою очередь прошли через врата смерти. И в эпоху души сознательной все больше и больше стал брать вверх на Земле материализм. Но как раз в это время, когда материализм начал наступление на Земле, тогда (как было сказано, приходится сообщать об этом, пользуясь тривиальной терминологией) в сверхчувственных мирах была основана своего рода **МИХАИЛОВА ШКОЛА** — расширенная Михаилова школа, в которой объединились после смерти как души Бернарда Сильвестра, Алана Островитянина, так и души Аристотеля и Александра. В этой школе различные человеческие души, какие тогда не были воплощены на Земле, объединились с духовными Сущностями, которые совершали свой жизненный путь без того, чтобы быть воплощенными на Земле, но которые были связаны с человеческими душами; сам Михаил действует как Учитель, обзревая своим взором, обращенным в прошлое, то, чем были великие учения древних Мистерий и давая чудесный образ тайн древних Мистерий в целом, но одновременно давая также и величественную перспективу того, что должно произойти в будущем.

Определенные души, которые в течение многих земных жизней находились вместе, собрались внутри этих групп душ, принимающих участие в этой сверхчувственной школе, — групп душ, которые стремятся примкнуть к Михайлову течению и которые воспринимают в свои волевые импульсы то, что можно назвать желанием связать себя с Михайловым течением.

Можно направить ясновидческий взор на эти души. Мы находим их внимающими учениям Михаила в его сверхчувственной школе в четырнадцатом, пятнадцатом столетиях, ибо совсем немногие из них жили тогда на Земле, но почти все переживали время между смертью и новым рождением, участвуя в этом сверхчувственном собрании. Мы находим их ныне в тех душах, воплощенных на Земле, которые развивают честное, глубокое, верное устремление к антропософскому движению.

В Карме тех людей, которые честным, душевно глубоко честным образом стремятся к антропософскому движению, заложены импульсы, которые надо исследовать в сверхчувственном мире также и в отношении этой кармы. Конечно, то, что эти души благодаря их карме попали в такое небесное сообщество, имеет свое основание в том, что они в прошлых земных жизнях образовали свою карму таким образом, что она привела их именно туда. Однако карму человеческих душ ведь не понять, если не рассмотреть не только то, что разыгрывается на Земле, но также и то, что происходит с душами во время между смертью и новым рождением.

Рассмотрение мира ведь бесконечно обогащается, когда, если я смею так выразиться, при наблюдении действующих в мире душ, — а это суть, в конечном счете, все люди — не начинается тогда, когда люди рождаются на Земле, и не кончается, когда они умирают; ибо со смертью их действия вовсе не приостанавливаются, вовсе не прекращаются. В том, что происходит духовно, действуют не только лишь те души, которые тогда воплощены на Земле, но действуют и другие души, находящиеся между смертью и новым рождением в сверхчувственном мире и посылающие оттуда лучи своего воздействия на Землю. В наших собственных действиях заключены импульсы, исходящие от таких душ. Все это ведь действует совместно; ибо земные деяния людей в свою очередь вступают в небесный мир и там продолжают действовать дальше, как это я образно показал на примере личностей Капезиуса и Штрадера уже в первой драме-мистерии.

Учитель Данте, Брунетто Латини — он ведь там. В свое время он умер, прошел через врата смерти, но это ведь есть преобразование жизни. Он ведь там. Он ведь действует дальше, и мы находим его, когда ищем его духовно.

Так делается более полным представление о духовном развитии человечества, ибо в нем всегда принимают участие так называемые «умершие», а они, собственно, суть гораздо более живые, чем так называемые «живые», то есть люди, в данное время живущие на Земле. Во многих отношениях кто-либо, вроде Брунетто Латини, хотя он ныне и не воплощен на Земле, чрезвычайно причастен к весьма многому, происходящему теперь на Земле. Отсюда вы усмотрите, как глубоко внутренне связана земная жизнь со сверхчувственной жизнью, и что,

собственно, нельзя говорить о каком-то сверхчувственном мире, как об отделенном от Земного мира, от мира внешних чувств: ибо **все, что является чувственным, в то же время пронизано сверхчувственным, а все сверхчувственное проявляется где-либо или когда-либо в чувственном.** И постигнуть земную жизнь возможно, собственно, только тогда, когда видишь это сверхчувственное за земной жизнью.

Вот что, мои дорогие друзья, должно стать характерной чертой (*Zug*) антропософского движения после нашего Рождественского Собрания: трактовка сверхчувственных фактов самым откровенным, непредвзятым образом и с полнотой сознательного их познания. Это должно быть характерной эзотерической чертой, отличающей антропософское движение. Только посредством этого станет возможным придать антропософскому движению его действительно спиритуальное содержание.

Видите ли, то, о чем мною было теперь сказано, продолжается и дальше. Однако когда индивидуальности снова появляются на Земле, им ведь приходится пользоваться тем физическим телом, которое возможно в ту или иную эпоху; они должны приспособиться к воспитательным импульсам той или иной эпохи. Все это образует некую внешнюю оболочку в материалистическое время. И наше материалистическое время воздвигает наибольшее из мыслимых препятствий для тех душ, которые в прошлых земных жизнях обрели много спиритуальности и должны теперь втолкнуть эту спиритуальность в нынешние тела, отпрепарированные вдобавок теперешними воспитательными мероприятиями. И невозможно заложить основы действительного познания, не прозревая этого взаимодействия, взаимопроникновения во всем, что действует и живет в мире. Ибо духовное исследование ведь полностью связано с самой духовной жизнью; духовное исследование делает необходимым отыскать дух как раз на его путях. А пути духа, они иные в каждую эпоху. В нашу эпоху на них вступаешь только тогда, когда налицо есть твердая почва познания также и внешней природы сообразно духовной науке.

За этой эпохой, которую я описал в связи с Михайловым течением, следует такая эпоха, которая здесь, на Земле, являет собой вполне материалистический аспект, обрабатывая все на материалистический лад. И в сверхчувственном мире развивается самая интенсивная подготовка Михайлова импульса, который в эту нашу эпоху должен быть неким образом принесен с Неба на Землю. И наша эпоха **не может, не должна** исходить из того, что ей предшествовало в последнем столетии; это надо знать, но исходить из этого дальше нельзя. Обладая современным сознанием, исходить надо из того, что в последние столетия разыгрывалось в сверхчувственном мире. Тогда, обратившись к этому, соприкасаются с тем, что должно быть почвой антропософской деятельности, антропософской жизни в современности. И такие воззрения, как те, которые я излагал в эти часы лекций, — они не должны быть восприняты просто холодным рассудком и трезвой душой, но должны быть восприняты всем человеком, всем охватом человеческого характера. Антропософия сможет стать чем-то для человечества только тогда, если

она будет воспринята всем охватом человеческого характера.

Это положено в основу воления нынешнего Антропософского Движения, соединившегося с Антропософским Обществом со времени Рождественского собрания. Хотелось бы пожелать, чтобы это совсем глубоко вошло в души людей, связанных со всем этим, — чтобы они получили сознание того, что, собственно, взаимосвязано в глубинах человеческих душ с их кармой.

Тем самым, мои дорогие друзья, мы создали своего рода основу для того, что поведет нас дальше в следующий раз, в ближайшее воскресенье, когда мы намерены рассмотреть дальнейший прогресс Михайлова течения и то самое, что отсюда получается для задач антропософии, — как задача духовной жизни в современности вообще.

Пятая лекция

14 сентября 1924 г., Дорнах.

Я хочу дать сегодня развесить здесь те изображения, которые составляют часть одного дара, полученные мною в последние дни, — в связи с частым обращением в лекциях к школе Шартра, столь важной для внутренней духовной жизни Запада. Вы видите на этих изображениях (в четверг я дам вам развесить здесь другие репродукции из того же собрания), какая чудесная архитектура, и чудесная в смысле средневековой пластики скульптура, возникла в том месте, где некогда был расцвет той жизни, о которой я здесь уже часто говорил, как о столь важной для Запада духовной жизни.

Эта школа Шартра состояла из тех личностей, которые в XII столетии еще обладали рвением поучая или сами учась, углубляться в то, что вздымалось в ту эпоху развития европейской цивилизации, когда человечество в поисках познания еще искало это познание в живом деянии и творении существ мира природы, а не в понятийном постижении безсущностных абстрактных «законов природы». И, таким образом, в школе Шартра хотя и не было древних Посвященных, но все же были личности, обладавшие разумением и сердцем, способным кое-что воспринять из той традиции, которая некогда была непосредственным переживанием спиритуального рода; они возвращали это, интенсивно обращаясь к духовным силам, а именно к тем, которые правят в мире природы. И я ведь отметил, мои дорогие друзья, что можно узреть таинственное световое излучение из Шартра, проникавшее в дух Брунетто Латини — великого учителя Данте. И я затем попытался сделать понятным то, как личности, индивидуальности Шартра продолжали действовать дальше в духовных мирах в союзе с теми, кто воплощались после них и действовали в составе ордена доминиканцев, больше как носители схоластики.

Можно сказать, что индивидуальности Шартра должны были, исходя из знамений времени, прийти к прозрению того, что для них откроется возможность снова появиться в земной жизни только тогда, когда пройдет определенное время действия на Земле Михаилова элемента, которое началось в конце девятнадцатого столетия. Эти индивидуальности Шартра широким образом принимали участие в тех сверхчувственных учениях, которые были преподаны под эгидой самого Михаэля (в том смысле, как мной было сказано об этом в предыдущий раз), чтобы дать, проистечь тем импульсам, которые должны иметь значение для спиритуальной жизни в течение ближайших столетий и под влиянием которых ныне с необходимостью должен находиться каждый, кто хочет посвятить себя выражению духовной жизни.

В общем и в целом можно сказать: дальнейших воплощений этих духов Шартра было пока лишь незначительное число. Но именно это обстоятельство благоприятствовало мне найти возможность, благодаря одному стимулу, исходящему из современности, достигнуть взором, направленным в прошлое, школы Шартра. Тогда в школе Шартра существовал один монах, полностью отдавшийся тому, что было жизненной стихией в тогдашней школе Шартра. Однако в школе Шартра среди как раз самых преданных ее делу монахов чувствовалось нечто от настроения заката этой духовной жизни. Ибо все, что еще напоминало о великих, полных значения импульсах исполненного духовности платонизма, — это жило в Шартре, но таким образом, что носители этой шартровской жизни должны были сказать себе: ведь в будущем европейская цивилизация не будет иметь никакой восприимчивости к этой платоновой жизненности.

Трогательным, сказал бы я, является то, когда видишь, как школа Шартра хранила образы инспирирующих Гениев для так называемых **«СЕМИ СВОБОДНЫХ ИСКУССТВ»** — *Грамматики, Диалектики, Риторики, Арифметики, Геометрии, Астрономии, Музыки*. Также и в получении того духовного, которое было в этих семи свободных искусствах, еще усматривали жизненные дары Богов, поступавших к людям через неких существ, а не всего лишь сообщения мертвых мыслей о мертвых законах природы. И могли узреть, что именно Европа в будущем не будет иметь никакой восприимчивости ко всему этому. Поэтому ощущалось нечто вроде настроения заката духовной жизни.

И один такой монах, особенно преданный работам и учениям Шартра, все же воплотился в наше время, но воплотился таким образом, что можно было в этой жизни данной личности найти своего рода чудесный отблеск его предыдущей земной жизни. Этой личностью в наше время была одна писательница, с которой я был знаком и с которой я был даже дружен; она давно уже умерла; в наше время она несла в себе особенное душевное настроение, о котором я прежде не говорил, хотя это ее настроение я наблюдал много лет тому назад. Но говорить об этих вещах, собственно, стало возможным только после того, как «Рождественское» настроение распространялось в нашем Антропософском Обществе; ибо это настроение ведь принесло особенную ясность понимания в отношении этих вещей, а потому сегодня открывается возможность непринужденно

говорить о таких вещах.

При разговоре эта личность говорила, собственно, лишь о том, что она хотела бы умереть. При этом нельзя было сказать, что это желание смерти проистекало из сентиментального или болезненного ипохондрического или же меланхолического настроения, но если имеешь психологический взор, способный проникать в вещи такого рода, то заходишь так далеко, в прошлое души этой личности, что можешь сказать: это есть отблеск ее прошлой земной жизни. Тогда в прошлой земной жизни было нечто заложено как зачаток, выступивший теперь. Он не в этом желании смерти, а в том ощущении, что этой душе, перевоплотившейся теперь, собственно, совсем нечего делать в нашей современности.

Сочинения этой личности таковы, что они словно происходят из другого мира; это явствует не из того, что в них сообщается, а из пронизывающего их настроения. И только тогда приходишь к пониманию этого настроения, когда найдешь путь от сумрачного света этих сочинений, от сумрачного света, который жил в этой душе как основа ее сочинений, — путь обратно в прошлое к тому монаху Шартра, который тогда сопереживал в Шартре настроение заката жизненного платонизма.

Такое настроение у этой личности проистекало не из темперамента, не из меланхолии, не из сентиментальности, но было отсветом предыдущей земной жизни. И современная душа этой личности была словно зеркалом, в котором действительно выступало отражение жизни Шартра. В эту личность перешло не содержание учений Шартра, но настроения монахов Шартра. И когда обращая свой взор в прошлое, погружаешься в эти настроения, тогда можно в них получить, сказал бы я, нечто вроде духовной фотографии тех личностей, которые учили в Шартре. Вы видите: вот так именно сама жизнь, вследствие кармы, приносит самым различным образом возможности заглянуть в эти вещи. И если в предыдущий раз я мог привести свои переживания в связи с монашеским орденом цистерцианцев, то сегодня мне хотелось бы в дополнение сказать о том, как вечерние сумерки школы Шартра вторглись в сердце, в душу одной чрезвычайно интересной личности современной эпохи. Она же давно опять нашла те миры, к которым она так сильно стремилась, — обратно к патерам (отцам) Шартра. И если бы усталость как кармическое последствие душевного настроения у того монаха Шартра не господствовала над всей жизнью этой личности, то едва ли я мог бы помыслить себе, что в нашей современности могла бы существовать личность, способная культивировать духовную жизнь современности в связи именно с традиционной жизнью Средневековья. И при этом я хотел бы упомянуть о том, что когда в глубинах души присутствуют действенные кармически импульсы такого рода, тогда имеет место то своеобразное явление, что в физическом облике лица наблюдается сходство при последующей инкарнации данного человека с его предыдущей инкарнацией (так бывает в редких случаях, но бывает). Оба лица — того монаха и этой писательницы современности — действительно были чрезвычайно похожи друг на друга.

Вот так, мои дорогие друзья, я хотел бы тем самым постепенно провести рассмотрение того, что карма Антропософского Общества и

соответственно карма индивидуальностей его членов есть как таковая, потому что (как я уже говорил в прошлый раз) большая часть тех душ, которые достойным образом находятся в антропософском движении, где-либо и когда-либо примыкали к Михайлову течению. Оно было охарактеризовано мною всем тем, что было до сих пор сказано об Аристотеле и Александре; о том, что произошло в сверхчувственном мире тогда, когда в мире внешних чувств имел место восьмой собор в Константинополе; о том, что произошло в духовном мире и в физическом мире как продолжение жизни, бывшей при дворе Гарун аль Рашида; и, наконец, о той сверхчувственной школе, которая находилась под эгидой самого Михаила. Преисполненным значения в учении этой школы было ведь то, что в ней все снова и снова указывалось, во-первых, на ее связи с древними Мистериями — на связи со всем тем, что из содержания древних Мистерий должно восстать опять в новой форме, чтобы пронизать спиритуальностью новую цивилизацию, но что, с другой стороны, указывалось на те импульсы, какие должны иметь души, пламенно стремящиеся к духовной жизни, для своих действий в будущем. Из понимания смысла этого духовного течения может быть понято также и то, в какой мере антропософия в ее существе имеет значение импульсов для обновленного, истинного, достойного понимания Христова Импульса.

Ибо в антропософском движении находятся, собственно, души двоякого рода. Большое число этих душ принимало участие в тех течениях, которые были, так сказать, официальными учениями первых веков; они принимали участие во всем том, что как христианство шло в мир, а именно во время кесаря Константина и непосредственно затем последовавшее. Как раз среди тех, которые тогда со всей честностью обращались к христианству и воспринимали христианство вглубь души, были такие души, которые с их стремлением к пониманию христианства ныне находятся в Антропософском Обществе. Однако, это не те христиане, которые просто последовали за такими движениями, как, например, кесаря Константина, но это — больше те самые христиане, которые притягали на то, чтобы быть истинными христианами, и которые были тогда рассеяны по отдельным сектам. Христианские секты, добивавшиеся духовного углубления, заключали в себе многих из тех душ, которые ныне честным образом — зачастую исходя из подсознательных импульсов, которые могут даже во многих отношениях неверно истолковываться поверхностным сознанием, — вступили в антропософское движение.

Другие же души суть те, которые не принимали непосредственного участия в этом христианском развитии, когда больше не было того душевного углубления, как в ранних сектах, но они, прежде всего, имели в глубине души непогашенным, живым многое из того, что в христианское время можно было пережить как древнюю мудрость Мистерий. Также и они были многообразно причастны к христианству, но оно не произвело на них такого впечатления, как на тех душ первого рода, ибо в них живым оставалось впечатление от учений, культовых упражнений и т.д. Как раз среди них, таким путем вступивших в антропософское движение, находились такие души, которые искали Христа не в абстрактном смысле. Души, охарактеризованные прежде, испытывали, так сказать, радость,

опять найдя Христа в антропософском движении. А среди душ другого рода находятся те, которые с внутренним пониманием воспринимают, постигают то, что в антропософии является космическим христианством. ***Христа как Космического Солнечного Духа постигают прежде всего те многочисленные души, находящиеся в антропософском движении, которые в глубинах их душ еще имеют много жизненного из того, к чему они были причастны в древних языческих Мистериях.*** Тем самым в современности ведь соединяются течения всей духовной жизни человечества; современность я понимаю в широком смысле, как захватывающую грядущие десятилетия, столетия.

Ведь антропософия в конечном счете выросла из современности. Если антропософия в ее содержании и не имеет непосредственно ничего общего с этой духовной жизнью современности, то все же она во многих отношениях выросла из нее. И надо всмотреться во многое такое, что по видимости не принадлежит к чему-либо, непосредственно действующему в антропософии; надо всмотреться туда, чтобы включить в свое духовное поле зрения все то, что в ходе времени было причастно к упомянутым мною течениям. Я ведь говорил, что, собственно, действительное понимание того, что внешне происходит на физическом плане, получают лишь тогда, когда ясновидчески взирают «за кулисы» того или иного бытия, — взирают на то, что из духовного поля действия вступило в то или иное событие на физическом плане. И мы должны, как я уже сказал в предыдущий раз, обрести мужество снова ввести в современность древнее чувство Мистерий, которое не всего лишь в абстрактном смысле связывает физически совершающееся с вообще с пантеистической или мистической, или какой-либо еще подобной жизнью, но в состоянии отдельные события, да и человеческие переживания при этих событиях, конкретно возвести к духовным изначальным основам и изначальным существам.

К этому добавляется побуждение отыскать то, что ныне принадлежит к глубочайшим задачам современности. В современности должно быть снова отыскано действительное познание человека в его составе из тела, души и духа, но не такое познание, которое коренится в абстрактных идеях или в абстрактных законах, а такое, какое может ясновидчески проникать в действительные основы человеческого существа. Оно тогда сможет действительно исследовать человека в его здоровых и болезненных состояниях, но не так, как это обычно принято в современности, то есть на основании всего лишь физических познаний. Так не научаются познанию человеческого существа; тогда не научаются, прежде всего, познанию того в жизни, что действует в человеке и столь значительно вмешивается в его судьбу, несчастье, болезнь, одаренность теми или иными способностями или же бездарность. Карму во всех ее формах научаются познавать только тогда, когда могут проследить человека в его духовности и его внутренней душевной жизни после ухода человека из физической жизни, то есть после его смерти.

Ныне со стремлением к познанию ведь обстоит так, что человек рассматривается совсем внешним образом в отношении его органов, в отношении его нервов, кровеносных сосудов и так далее. И кто

рассматривает вопросы о здоровье и болезнях человека таким образом, тот не в состоянии во всем упомянутом найти что-либо такое, что есть дух или душа. И можно сказать следующее. Современный анатом, современный физиолог мог бы сказать так, как сказал однажды знаменитый астроном (Лаплас) в ответ на вопрос, заданный ему правителем (Наполеоном): «Я исследовал всю Вселенную, повсюду наблюдал светила и их движения, но я нигде не нашел какого-либо Бога». Так сказал тот астроном. Современные анатом и физиолог могли бы сказать: «Я исследовал все — сердце и почки, желудок и мозг, кровеносные сосуды и нервы, — но не нашел души и духа».

Видите ли, все то, что составляет трудности, например, для современной медицины, — это стоит под таким влиянием. И все это должно теперь претерпеть развитие в общем согласно требованиям, предъявляемым к антропософскому движению, ко всему Антропософскому Обществу, и в частности — к отдельным группам специалистов, как, например, теперь мною было сказано о «пасторской» медицине для группы специально подготовленных к этому лиц. Ибо должен быть отыскан доступ также и к тем закономерностям, которые в конечном счете входят, как значительные закономерности, в деятельность кармических течений. И надо, как это делают необходимым наблюдения над больным и здоровым человеком, вникнуть во все то, что будет сказано о душе и духе наряду со внешне физическим (то, что об этом последнем дает естествознание, вполне заслуживает уважения, как я всюду повторял). Но можно будет усмотреть, сколь необходимо в отношении здорового и больного человека вникнуть в высшие члены его существа, когда вскоре появится книга, которая создана мною совместно с моей дорогой сотрудницей фрау доктором Вегман относительно как раз этой области. Такие исследования, которые ищут доступа к тому, чтобы верным путем проникнуть от физического человека к духовному человеку, лишь тогда дадут перспективные результаты, если они будут поставлены верным образом.

А именно, к такой работе, как в этом случае, должны быть привлечены и применены не всего лишь исследовательские способности нашей современности, но как раз те исследовательские способности, которые получают тогда, когда принимают во внимание кармические нити, возникающие в ходе исторического развития человечества. Надо, так сказать, работать с силами Кармы для того, чтобы проникнуть в тайны, о которых тут идет речь. Начальные шаги в этом направлении сделаны в первом томе появляющегося труда. Этот — мой и доктора Вегман — труд получит свое продолжение; и тогда это продвинется дальше от того, что сперва было развито более элементарным образом, продвинется к тому самому, что как раз с этой стороны, с медицинско-патологической стороны, может стать вкладом в познание человека. Это возможно осуществить ведь только потому, что именно во фрау докторе Вегман предстает личность, которая в ее медицинских исследованиях так воспринимает факты, что они у нее само собой разумеющимся образом переходят в их развитии в то, что есть духовное ясновидческое лицезрение человеческого существа. Но тогда, в ходе этого исследования,

как раз при ясновидческом рассмотрении органологии человека в духовной перспективе, открываются вещи, которые приводят также и к кармическим закономерностям.

Это есть способ рассмотрения, который надо развивать, чтобы узреть то духовное, которое находится не за человеком в целом, но за отдельными органами (за одним органом находится, например мир Юпитера, за другим органом — мир Венеры и так далее); такие ясновидческие узрения, которые надо развивать, ведут как раз к тому, что открывает возможность проникнуть за человеческие личности в их прошлые земные жизни. В нынешней земной жизни человек предстает перед нами в границах своей кожи. Если мы обретаем способность ясновидчески проникать в отдельные органы человека, тогда то, что есть внутри его кожи, расширяется таким образом, что каждый орган дает то или иное направление в окружающий мир, образуя пути, ведущие в Макрокосмос. Потом там, вовне, данный человек снова сводится воедино, «закругляется»; и это есть то, что нам нужно: данный человек, который снова воссоздан духовно после того, как он преодолел свою нынешнюю форму, которая ограничена кожей. И если это самое, что физически есть нечто совсем иное, чем представляют себе нынешние анатомы и физиологи, проследите вовне, тогда это дает ясновидческие узрения, которые соответствуют также тому, что суть прозрения в прошлую земную жизнь данного человека. И тогда имеешь переживание тех взаимоотношений, которые проливают свет на историческое развитие человечества и на современность, объясняя ее в том, что тут есть физического. Ведь все прошлое человека соответственно живет в его современности. Впрочем, этим общим абстрактным тезисом, разумеется, еще ничего не сказано, ибо это же ведь говорят и материалисты, все дело в том, как живет это прошлое в современности.

Теперь я хотел бы сказать вам об одном случае, таком случае, который, к примеру, является, собственно, сам по себе столь удивительным, что вызвал во мне величайшее удивление, когда это обнаружилось как результат проведенного исследования. И кое-что (*manshes*) из того, что думалось мною прежде в этой области, должно быть исправлено или, по меньшей мере, дополнено.

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ И ЮЛИАН ОТСТУПНИК

Видите ли, для того человека, который осмысленно наблюдает ход истории, одно событие, происшедшее как раз в первые века христианства, окутано примечательной тайной. Мы видим там одну личность, которую мы, пожалуй, находим внутренне очень мало пригодной к тому, что ей довелось совершить, — мы видим уже упоминавшегося мною кесаря **КОНСТАНТИНА** (286-337) (306-337 — годы его правления), принявшего христианство, чтобы сделать из него то, чем потом, собственно, и стало официальное христианство Западной Европы. Но мы видим рядом с ним (разумеется, не в дословном смысле, но охватывая большие промежутки времени), — видим рядом с Константином **ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА** (331-363) (361-363 — годы его правления), о личности которого поистине

можно узнать, что в ней жила мудрость Мистерий. Юлиан Отступник мог говорить о трояком Солнце. И он ведь поплатился за это своей жизнью, ибо он стал тогда рассматриваться как предатель тайн Мистерий. Это считалось тогда недопустимым. Но Юлиан Отступник занимал своеобразную позицию по отношению к христианству. Можно было бы не раз прийти некоторым образом в недоумение от того, что эта тонко мыслящая, гениальная голова была столь мало восприимчива к величию христианства. Но это происходило потому, что он в своем — внешне христианском — окружении мало видел внутренней честности, как он понимал ее. А среди тех, которые вводили его в античные Мистерии, он нашел еще много честности — положительной активной честности.

Юлиан Отступник был ведь злодейски убит во время похода в Азию. Об этом убийстве люди много фантазировали. Но оно произошло именно потому, что Юлиан Отступник рассматривался в качестве предателя тайн Мистерий. Это было вполне подготовленное убийство.

Когда сколько-нибудь познакомишься с тем, что жило в Юлиане Отступнике, тогда возникает глубокий интерес к вопросу: «Как же жила эта индивидуальность дальше?» — Ибо это есть совершенно своеобразная индивидуальность, — такая индивидуальность, о которой можно сказать: больше, чем Константин, больше, чем **ХЛОДВИГ 1**) (ок. 466-511), больше, чем все другие, он был пригоден для того, чтобы продолжить, расчистить пути, ведущие к христианству! И это было заложено в его душе. Если бы время благоприятствовало этому, если бы тогда были соответствующие условия, то Юлиан мог бы осуществить прямолинейное продвижение от древних Мистерий — от их дохристианского Христа, от реального Макрокосмического **ЛОГОСА** — к Тому Христу, Который должен был действовать в человечестве после Мистерии Голгофы. И если вникнуть в Юлиана духовно, то открываешь нечто замечательное. Это существо Отступника было у него оболочкой, в основе же его души, собственно, находишь порыв постигнуть христианство, которому, однако, Юлиан не дал выступить, — который он подавил в себе под влиянием тех нелепостей, какие **ЦЕЛЬС** (II век н.э.) написал об Иисусе. Оказывается, что и гениальная личность порой поддается влиянию людских глупостей. Таким образом, имеешь чувство, что Юлиан, собственно, был душой, пригодной проложить пути христианству, — вывести христианство на путь, ему надлежащий.

И вот потом расстаешься с этой душой Юлиана Отступника в ее тогдашней земной жизни и с величайшим интересом начинаешь проследивать ее путь дальше, как индивидуальности, через духовные миры. Но тут есть нечто неясное. Вокруг этой души витает нечто неясное, и только при самом интенсивном стремлении удается достигнуть в этом отношении ясности. В Средние века о многом существовали воззрения, которые были легендарными, но тем не менее — адекватными действительным событиям. Я уже упоминал о том, насколько адекватными, хотя вместе с тем, конечно, и легендарными, были сказания, связывавшиеся с личностью Александра. Сколь живой является передача жизни Александра еще в изображении патера Лампрехта! А то, что продолжает жить о Юлиане, — это живет так, что всегда можно

сказать: это, собственно, хочет исчезнуть от человеческого наблюдения. И если хочешь это проследить, то надо приложить, так сказать, величайшие усилия, чтобы смочь удержать на этом свой духовный взор. Ибо это непрестанно избегает его. И если потом все же удастся проследить эти вещи, тогда со своим духовным наблюдением «приземляешься» в одном примечательном пункте, который, собственно, никак не является историческим, но тем не менее — историчнее исторического: «приземляешься» у одной женской личности, в которой находишь душу Юлиана, — находишь в одной женской личности, которая совершила в жизни нечто важное, несмотря на подавляющее действие ее личных переживаний. Эта личность видела не в самой себе, но в другой личности, некое отражение судьбы Юлиана Отступника, поскольку Юлиан Отступник предпринял поход на Восток и там, на Востоке, был предательски убит.

Видите ли, это — **ГЕРЦЕЛОЙДЕ**, мать **ПАРСИФАЛЯ**; она — историческая личность, хотя история о ней ничего не сообщает. Она была замужем за **ГАМУРЕТОМ**, который во время похода на Восток погиб из-за предательства, и судьба его указала Герцелойде на ее собственную судьбу в ее прошлой жизни как Юлиана Отступника. Благодаря этому указанию, глубоко проникшему в ее душу, Герцелойде совершила то, что говорится в легенде (но что исторически безусловно достоверно) о воспитании ее сына **ПАРСИФАЛЯ**. Эта душа Юлиана Отступника, которая в своих глубинах осталась той же, так что о ней можно полагать, что она, собственно, была призвана указать христианству верный путь, — она затем в Средние века оказалась воплощенной в женском теле, в женской личности Герцелойде, которая и посылает Парсифаля отыскать и указать христианству эзотерические пути.

Вы видите, как таинственно, как загадочно часто прокладываются пути человечества в глубинах его земного существования и за его «кулисами». Этот пример, который примечательным образом переплетается с тем, что мною уже было рассказано в связи со школой Шартра, может обратить ваше внимание на то, как удивительны, в сущности, пути человеческой души и пути развития всего человечества. Этот пример должен получить некое продолжение в том, что я еще скажу о жизни Герцелойде и о том, кто был тогда послан ею физически как Парсифаль. Об этом в следующий раз.

ПРИМЕЧАНИЕ

1) **ХЛОДВИГ I** (Chlodwig) (ок. 466-511), король салических франков с 481, из рода Меровингов. Завоевал почти всю Галлию, что положило начало Франкскому государству. Распространял христианство.

Шестая лекция

16 сентября 1924 г., Дорнах.

ЮЛИАН ОТСТУПНИК — ГЕРЦЕЛОЙДЕ — ТИХО БРАГЕ

Сегодня мы будем продолжать рассмотрение, начатое нами третьего дня. Мы остановились на том, какое влияние на ход развития духовной жизни современности имела индивидуальность **ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА** или, вернее, той Индивидуальности, которая жила в Юлиане Отступнике и о которой я говорил вам, что она была затем воплощена в той личности, сведения о которой существуют лишь в легендах, в той личности, которая сокрыта в сказаниях о **ПАРСИФАЛЕ** под именем **ГЕРЦЕЛОЙДЕ**. И это было углубленной душевной жизнью, которая вступила тогда в душу того, кто был прежде Юлианом Отступником и в которой поистине так нуждалась эта индивидуальность в противовес тем бурям и внутренним настроениям, которые она пережила до этого в бытность свою Юлианом Отступником. Эта жизнь Герцелойде, о которой я уже говорил вам, была такова, что она простерлась над жизнью Юлиана Отступника как исполненное мира, теплое облако. И благодаря этому его душа сделалась внутренне более сильной, более действенной, она стала богаче — богаче самыми разнообразными внутренними импульсами.

Но эта душа, поскольку она принадлежала к тем, которые еще владели неким достоянием, происходящим от древних Мистерий, и жили еще в субстанции древних Мистерий в то время, когда эти Мистерии еще были в известной мере еще чистыми, светозарными, — эта душа восприняла в себя из спиритуальности Космоса. Это было до известной степени отодвинуто на задний план во время инкарнации Герцелойде, но затем снова воспрянуло в душе, и вот мы опять находим эту индивидуальность в XVI-м столетии. И мы видим, как в шестнадцатом столетии у этой индивидуальности снова выявляется то, что она пережила, проделала как Юлиан Отступник, но уже переработанное и пронизанное христианством. Эта индивидуальность появляется в XVI-м столетии как **ТИХО БРАГЕ 1)** и противостоит тому, что возникает в цивилизации Запада как коперниканское мировоззрение.

Коперниканское мировоззрение создавало картину Вселенной, которая, если проследить ее выводы до конца, стремилась к тому, чтобы полностью вытеснить из представления о Вселенной все спиритуальное. Коперниканская картина мира приводит в конце концов к вполне механически-машинообразной концепции Вселенной в пространстве. И как раз, исходя из этой коперниканской картины Вселенной, один знаменитый астроном (**ЛАПЛАС**) сказал Наполеону, что он не нашел никакого Бога среди этой Вселенной, что он все исследовал и не нашел там Бога. Это следствие изгнания всякой спиритуальности.

К этому мировоззрению не могла примкнуть охарактеризованная индивидуальность, которая жила теперь в Тихо Браге. Поэтому мы видим, как Тихо Браге берет для своего мировоззрения то, что приемлемо для

него в коперниканстве, но отклоняет то абсолютное движение Земли, которое приписывается ей коперниканской системой. И мы видим, что у Тихо Браге с реальной спиритуальностью, — той спиритуальностью, в отношении которой мы можем ясно различить, если мы направим взор на его жизненный путь, как прежняя карма вторгается в жизнь Тихо Браге, вторгается со всей силой, хочет стать содержанием его сознания. Так, например, родственники в Дании всячески стараются сделать его по профессии юристом. Он должен был под присмотром домашнего учителя изучать в Лейпциге юриспруденцию, и только, когда тот спал, он мог улучать себе те часы, когда он ночью вступал в Общение с Богами. И тут обнаруживается — это опять-таки содержится в его биографии — нечто в высшей степени замечательное.

Вы увидите, что в дальнейшем это будет иметь значение для суждения об индивидуальности Тихо Браге — Герцелойды — Юлиана Отступника. Уже с помощью весьма примитивных инструментов, которые он смастерил себе, он открывает значительные ошибки в вычислениях, сделанных относительно местонахождения Сатурна и Юпитера. И мы имеем знаменательную сцену в жизни Тихо Браге, когда он, будучи еще молодым человеком, располагающим лишь примитивными инструментами, с которыми, казалось, ничего нельзя было бы предпринять, чувствует однажды побуждение точно определить местонахождение на звездном небе Юпитера и Сатурна. И такие вещи затем полностью пронизываются у него спиритуальностью — той спиритуальностью, которая вводит его в такое постижение Вселенной, какое, собственно, и следует иметь, когда опять стремятся к обретению современного посвящения; когда приходят к тому, что говорят о духовных существах так, как говорят о физических людях на Земле, ибо постоянно можно встречаться с ними; и между индивидуальностями людей, обитающих здесь, на физическом плане, и теми, которые уже освободились от тела и живут между смертью и новым рождением, разница, собственно, только в различии их бытия, в различном качестве их бытия.

Это привело к развитию у Тихо Браге вообще необычайно значительной способности прозрения в те связи, которые открываются, если рассматривать все происходящее на Земле не как обусловленное только земными импульсами, а все, совершающееся на небе, среди небесных светил, не как лишь математически исчислимое, но если проследить, то можно найти соответствие между звездными импульсами и историческими импульсами, действующими в человечестве. Через то инстинктивное в его душе, которое он принес из своей жизни в виде Юлиана Отступника, и которое во время жизни Юлиана Отступника не было еще пронизано рационализмом или интеллектуализмом, но было интуитивным, имагинативным (такова ведь и внутренняя жизнь Юлиана Отступника), — через все это ему теперь удалось достичь поразительных результатов.

Он не мог произвести особого впечатления на своих современников своими астрономическими воззрениями, отличающимися от воззрений Коперника, и вообще всем тем, что он сделал в области астрономии; он выполнил бесчисленные наблюдения над небесными светилами и

составил карту звездного неба, которая только и дала возможность прийти **КЕПЛЕРУ 2)** к его великим достижениям, ибо Кеплер пришел к установлению своих «законов Кеплера», основываясь на звездной карте Тихо Браге. Но все это не произвело на его современников такого большого впечатления, как один, не такой уж значительный, но внешне поразительный факт, а именно то, что Тихо Браге точно предсказал, почти день в день, смерть султана **СУЛЕЙМАНА 3)**, которая и произошла согласно его пророчеству.

Мы видим, что в Тихо Браге действительно проявляются в новое время, проникнувшись спиритуальной интеллектуальностью, те древние воззрения, которые он воспринял, будучи Юлианом Отступником.

Мы видим, как все это действует в позднейшее время в Тихо Браге. И Тихо Браге, когда он в семнадцатом столетии прошел через врата смерти, принадлежит к наиболее интересным душам, перенесенным тогда в духовный мир.

И вот, в тех течениях, которые я обрисовал вам, как Михаиловы течения, постоянно принимает участие Тихо Браге — Юлиан Отступник — Герцелойде; эта индивидуальность в основном постоянно находится тут с какой-либо сверхчувственной функцией. Поэтому мы находим ее опять также и при свершении тех значительных событий в сверхчувственном мире в конце XVIII века и начале XIX века, которые связаны с течением, вызываемым импульсом Михаила.

СВЕРХЧУВСТВЕННЫЙ КУЛЬТ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Я уже прежде указывал на ту великую сверхчувственную школу обучения XV-XVI столетия, которая находилась под эгидой Михаила. Тогда для тех, кто были в этой школе, началась такая жизнь, что развитие их способностей и сил, их деяния, совершаемые в духовном мире, оказывали свое воздействие вниз на физический мир, действовали совместно с физическим миром. Так, например, как раз во время последовавшее за периодом деятельности этой школы обучения, некая важная задача выпала на долю той индивидуальности, о последующей жизни которой я часто говорил, — индивидуальности **АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО**. Я уже обращал ваше внимание на то, что **БЭКОН ВЕРУЛАМСКИЙ**, лорд Бэкон, это — перевоплощенный **ГАРУН АЛЬ РАШИД**. Но замечательно то, что в связи с воззрениями лорда Бэкона, имевшими такое сильное, определяющее влияние на все последующее духовное развитие и как раз в отношении более тонких духовных устремлений, с лордом Бэконом произошло нечто такое, что можно назвать болезненным изгнанием древней спиритуальности, что, впрочем, можно отметить уже и у Гарун аль Рашида. И вот мы видим, что от импульса лорда Бэкона исходит целый мир демонических существ. Весь мир прямо таки заполняется ими, как сверхчувственный, так и мир внешних чувств, — разумеется, не в смысле восприятия их внешними чувствами, но я хочу сказать, что мир внешних чувств заполняется этими демоническими существами. И на долю Александра и выпадает, главным образом, задача вести битву с этими демонами — «идолами» лорда Бэкона, Бэкона Веруламского.

Подобные же деяния, имеющие чрезвычайно большое значение, происходят и внизу; ибо в противном случае материализм XIX столетия вторгся бы в жизнь еще гораздо более опустошительным образом. Подобные деяния, происходящие при взаимодействии духовного мира и физического мира, принадлежали Михайлову течению и продолжались вплоть до того, как в конце XVIII и начале XIX столетия в сверхчувственных областях совершилось то, что я уже назвал здесь однажды возрождением значительного **СВЕРХЧУВСТВЕННОГО КУЛЬТА**. Тогда в сверхчувственном мире был установлен некий культ, который разыгрывался в реальных имагинациях духовного рода. Так что можно сказать, что в конце XVIII и начале XIX столетия непосредственно на границе с физическим миром внешних чувств, совсем вблизи него (конечно, это надо понимать качественно) как бы витало некое сверхчувственное свершение, представляющее собой сверхчувственные культовые действия, величественное разворачивание образов духовной жизни Космических Существ, Существ Иерархий в связи с могущественными эфирными влияниями Космоса и человеческими действиями на Земле. Интересно, что в особенно благоприятный момент в дух *ГЕТЕ* проник некоторый, можно сказать, миниатюрный образ этого свершения сверхчувственного культа. И этот миниатюрный образ, этот метаморфозированный, измененный миниатюрный образ мы находим отображенным Гете в его «Сказке о зеленой змее и прекрасной лилии». — Здесь мы имеем случай, где нечто слегка просвечивает наружу. Видите ли, это был сверхчувственный культ, в котором принимали участие преимущественно те, кто были причастны Михайлову течению при всех его проявлениях, как сверхчувственных, так и в мире внешних чувств, о которых я говорил.

И во всем этом необычайно большую роль играет та индивидуальность, которая напоследок была воплощена в Тихо Браге. Он стремился везде сохранить великие пребывающие импульсы того, что называют язычеством, того, что называют делом древних Мистерий, — сохранить и перенести его в христианство, которое он воспринял в то время, когда он жил как душа Герцелойды. Теперь же, как Тихо Браге, он стремился ввести в христианские представления все то, что он имел благодаря своему посвящению Юлиана Отступника. Это представлялось особенно важным тем душам, о которых я говорил. Со всеми этими течениями связаны многочисленные души, которые теперь находятся в антропософском движении, которые честно стремятся к участию в этом движении. Они чувствуют себя привлеченными к Михайлову течению благодаря внутренней природе и сущности этого течения Михаила. И Тихо Браге оказал значительное влияние на то, что эти души спустились на Землю в конце XIX-го столетия или в начале XX-го столетия (преимущественно в конце XIX столетия), спустились на Землю подготовленными к тому, чтобы взирать на Христа или чувствовать Христа не только так, как Его чувствуют различные вероисповедания, но и как Космического Христа, во всем Его грандиозном мировом величии. К этому они стали подготовленными также и в сверхчувственное время их пребывания между смертью и новым рождением благодаря таким

влияниям, как влияние Тихо Браге, — той души, которая была напоследок воплощена в Тихо Браге. Таким образом, эта индивидуальность постоянно играла как раз внутри этого Михайлова течения необычайно важную роль.

Видите ли, всегда указывалось, как в старой Михайловой школе обучения в XV и XVI столетии, так и позднее при установлении сверхчувственного культа, который должен был бы, проистекая из сверхчувственного мира, в какой-то степени подготовить грядущее правление Михаила на Земле, — всегда указывалось на предстоящее время правления Михаила.

Я уже говорил о том, что значительное количество индивидуальностей, одаренных платоновым складом души, после своей деятельности в **ШАРТРЕ** осталось в духовном мире. Сегодня я попросил выставить здесь другие картины из альбома о Шартре: изображения пророков, а также воспроизведения совершенно изумительной архитектуры Шартра. Индивидуальности учителей Шартра, которые как раз были души платонова склада, — они остались в духовном мире. А на Землю спустились главным образом аристотелики, многие из которых состояли, например, в ордене доминиканцев. Но затем, спустя некоторое время, и те и другие объединились и совместно действовали сверхчувственным образом из духовного мира. Так что можно сказать: души платоников так и остались в духовном мире; они и до сего дня, в лице своих главнейших индивидуальностей, не появились еще на Земле, но ожидают этого **в конце настоящего столетия**.

Наоборот, многие индивидуальности, почувствовавшие себя привлеченными к тому, что я описал как деяния Михаила в сверхчувственном мире, почувствовали себя достойным образом привлеченными к такому спиритуальному движению, вступили в течение антропософского движения. И можно уже сказать: то, что живет в антропософии, — это прежде всего было вызвано побуждением, исходившим от Михайловой школы обучения XV и XVI века и от того культа, который сверхчувственно совершался в конце XVIII столетия и начале XIX столетия.

По этой причине также и мои драмы-мистерии возникли как отблеск этого сверхчувственного культа, особенно первая мистерия. Хотя она и сильно отличается от Гетевской «Сказки о зеленой змее и прекрасной лилии», но в ней явственно заметны и сходные черты. Такие вещи содержат в себе реальные импульсы спиритуального рода; их нельзя так просто «высосать из пальца», но их лицезреют и разрабатывают в соответствии с духовным миром.

И вот сегодня мы находимся здесь с неким антропософским движением, вводящим по мере хода времени в грядущую эпоху правления Михаила, — находимся здесь призванными к тому, чтобы понять сущность этого движения и на рубеже тысячелетий работать в духе деяний Михаила; особенно теперь, в такой значительный момент, когда он опять приступает к осуществлению своего правления на Земле, нам надлежит действовать в этом направлении. Во внутреннем эзотеризме этого Михайлова течения заложено то, что совсем особенным образом означено как то, что должно осуществиться в будущем и в первую очередь в

настоящем столетии.

Но видите ли, мои дорогие друзья, для антропософии, с ее нынешним внутренним содержанием, мы не находим, если обратимся к прошлым временам, чтобы она сколько-нибудь была подготовлена на Земле. Вернитесь немного назад с того времени, когда возникла теперешняя антропософия, и непредвзято, не затуманивая свой взор всякими философическими хитросплетениями, поищите источники антропософии, хотя бы в XIX столетии: вы их не найдете. Вы найдете разве только единичные следы спиритуальных воззрений, которые могли бы служить некоторыми зачатками, очень скудными, для созидания всего существа антропософии. Но настоящей подготовки на Земле не имелось.

ФИХТЕ И ШЕЛЛИНГ

Однако тем сильнее велась подготовка в сверхчувственном мире. И, наконец, насколько принимала участие в созидании антропософии деятельность Гете, также и после его смерти (хотя и в моих книгах выглядит иначе), — это вы все знаете. Самое главное во всем этом деле, непосредственно самое главное, происходило в сверхчувственном мире. Но опять-таки, если живо проследить духовную жизнь XIX столетия назад, вплоть до Гете, Гердера, и, пожалуй, даже до Лессинга, можно заметить, что то, что действовало в отдельных душах конца XVIII века и первой половины XIX века, было, по меньшей мере, очень сильно овеяно дыханием спиритуального; оно и выявилось, например, у **ГЕГЕЛЯ** сильно абстрагированным или у **ШЕЛЛИНГА** в абстрактных образах.

Я думаю, что из того, как я изображаю в своих «Загадках философии» Шеллинга и Гегеля, можно усмотреть, что я хотел указать на то, что в духовно-душевном развитии их мировоззрения имеется нечто такое, что могло потом влиться в антропософию. Я пытаюсь также в моих «Загадках философии» постичь эти, встречающиеся там абстракции, так сказать, всей душой. Здесь я могу указать в особенности на главу о Гегеле, а также многое из того, что там сказано о Шеллинге.

Но надо вникнуть еще глубже. И тогда находят знаменательные явления, выступившие в духовной жизни первой половины XIX столетия, которые потом потонули в том, чем стала духовная жизнь во второй половине XIX столетия, — в материалистической жизни. И все же во всем этом выступает нечто совсем спиритуальное, хотя и облаченное в абстрактные понятия, но содержащее в себе спиритуальную жизнь и спиритуальное сознание.

Особенно интересен философ **ШЕЛЛИНГ**, и он делается все более интересным по мере того, как вчитываешься в него. Он начинает, можно сказать, почти по Фихте, с пронизанных волей, четко сформулированных чистых идей. Так выступал Фихте, **ИОГАНН ГОТЛИБ ФИХТЕ**, — это одна из немногих личностей в мировой истории, может быть, даже единственная в своем роде личность, связывавшая самые абстрактные понятия в то же время с энтузиазмом и энергией воли; он представляет собой очень интересное явление. Этот низенький, коренастый Фихте, рост которого несколько задержался перенесенными им в юности лишениями

и который шагал по улице необычайно твердой поступью, он весь — воля, воля, изживающая себя в самых абстрактных понятиях, но при этом достигающая с помощью этих абстрактных понятий того, чего он достиг, например, с помощью своих «Речей к немецкой нации», вызывавших такое удивительное воодушевление у бесчисленного количества людей.

Шеллинг выступает почти как Фихте, хотя и не с такой силой, но с таким же родом мышления. Однако мы скоро видим, что дух Шеллинга раскрывается шире. Подобно тому, как Фихте говорит о «я» и о «не я» и о прочих подобных абстракциях, так говорит и Шеллинг в своей молодости и также восхищает своих слушателей в Иене. Однако это скоро прекращается; дух его раскрывается шире, и мы видим, как в него вступают новые представления, если и кажущиеся почти фантастическими, но опять восходящие почти всегда к имагинациям. Так продолжается некоторое время, а затем он углубляется в таких мыслителей, как **ЯКОВ БЕМЕ**, и пишет вещи, коренным образом отличающиеся по своему тону от его ранних произведений; он говорит об основе человеческой свободы, воскрешает в некотором роде идеи Якова Беме. Мы видим, как в Шеллинге почти что оживает платонизм. Он пишет очень проникновенный диалог «Бруно», действительно напоминающий Платоновские диалоги. Интересно также и другое его маленькое произведение «Клара», в котором сверхчувственный мир играет большую роль.

А затем Шеллинг на очень долгое время умолкает. И его современники-философы считают его уже, можно сказать, «живым трупом». А потом он опять пишет лишь одно произведение, но необычайно значительное, — о «Самофракийских мистериях». Это опять дальнейшее расширение кругозора его духа. Он живет пока еще в Мюнхене, до тех пор, пока прусский король не приглашает его в Берлинский университет читать лекции по философии, — той философии, о которой Шеллинг говорит, что он выработал ее в течение десятилетий, находясь в тиши одиночества. И вот Шеллинг выступает в Берлине с той философией, которая содержится в его «Философии мифологии» и «Философии откровения», изданных посмертно. На берлинскую публику он не произвел особенно большого впечатления, ибо основной тон того, что он говорит в Берлине, собственно следующий: с помощью одного только размышления, каким бы оно ни было, человек ничего не может добиться в отношении мировоззрения; для этого в душу человека должно вступить нечто такое, что как реальный духовный мир внесет жизнь в его размышления.

И вот у Шеллинга внезапно появляется, на смену прежней рационалистической философии, воскрешение древней философии Богов, мифологии. Это хотя и воскрешение древних Богов, но, правда, то тут, то там вполне современным образом. Однако из всего этого явствует: тут действует древняя духовность. Это совсем замечательно.

В том, что Шеллинг развивает в своей «Философии откровения» о христианстве, содержатся значительные импульсы, хотя и выраженные в совсем абстрактной форме, касательно некоторой стороны христианства; они могут быть высказаны в антропософии, исходя из духовного видения.

Пройти мимо Шеллинга так легко, как это сделали берлинцы, конечно,

нельзя. Да вообще нельзя пройти мимо него; а берлинцы прошли очень легко. Когда один из отпрысков Шеллинга женился на дочери одного из прусских министров, то кто-то из прусских чиновников, услышав об этом, сказал, что прежде он не понимал, зачем, собственно, Шеллинг переехал в Берлин, ну, а теперь он понял.

Когда так прослеживаешь жизнь Шеллинга, то уже можно проникнуть в его внутренние трудности и конфликты. Этот последний период жизни Шеллинга описывается в историях философии отвратительно, и всюду заглавие этого отдела носит название — «Теософия Шеллинга».

Так вот, я опять-таки много занимался Шеллингом, и, несмотря на абстрактную форму, из того, что жило в Шеллинге, всегда исходило некое определенное тепло. Так, например, еще в своей юности я много занимался упомянутым мною диалогом «Бруно, или о Божественном натуральном начале вещей».

Шеллинг, который с 1854 года опять пребывает в духовном мире, был мне особенно близок этим своим диалогом «Бруно», если в него внимательно вчитаться, а также своей «Кларой», а в особенности своим сочинением о Самофракийских мистериях. Можно было легко достигнуть действительно реальной духовной близости Шеллингу. И тогда мне стало ясно (уже в начале девяностых годов прошлого столетия), что в Шеллинге действует духовная инспирация; что касается других лиц, создававших свои мировоззрения в первой половине девятнадцатого столетия, там дело шло по-обычному. В Шеллинге же непрерывно действовала духовная инспирация.

Так что перед нами предстает такая картина: там, внизу в физическом мире шествует Шеллинг со своей многообразной судьбой; благодаря этой своей судьбе, как я уже сказал, ему довелось длительное время находиться в одиночестве. Шеллинг, к которому его современники относились по-разному, — иногда с необычайно большим воодушевлением, иногда же с насмешкой; Шеллинг, производивший, при своих личных выступлениях всегда большое впечатление; этот коренастый низкорослый человек, с необычайно выразительной головой, со сверкающими глазами, сохранившими свой огненный блеск до глубокой старости, — с глазами, из которых гласил огонь истины, огонь познания, — об этом Шеллинге можно совершенно определенно сказать, что у него были моменты, когда в него нисходила свыше инспирация.

Особенно наглядным это мне стало, когда я прочитал рецензию **РОБЕРТА ЦИММЕРМАНА** о сочинении Шеллинга, посвященном «Возрасту мира». (Вы знаете, между прочим, что термин «антропософия» был образован впервые Циммерманом, но его антропософия — это какой-то бурьян из понятий). Я очень ценю Циммермана, но тогда, прочитав его рецензию, я мог только внутренне сказать, вздохнувши: «О, ты филистер!» И вот тогда я снова обратился к сочинениям Шеллинга о «Возрасте мира», написанном хотя и абстрактно, но из которого сразу же явствует, что тут есть своего рода описание Атлантиды, совершенно спиритуальное, хотя и сильно искаженное абстракциями, но все же в какой-то мере есть.

Итак, мы видим, что у Шеллинга везде есть что-то такое, что действует внутри него, так что мы можем сказать: тут внизу находится Шеллинг, а в

вышнем мире происходит нечто такое, что воздействует на Шеллинга. На примере Шеллинга становится особенно наглядным то, что существует непрерывная взаимосвязь между духовным миром вверху и земным миром в отношении духовного развития. И когда я в середине девяностых годов был особенно интенсивно занят отысканием того, что же является спиритуальной основой Михайловой эпохи и тому подобными вопросами, и когда я сам вступил в фазу жизни, в которой я должен был сильно переживать мир, непосредственно граничащий с нашим физическим миром внешних чувств, который, однако, отделен от него своего рода тонкой стенкой (я мог лишь слегка коснуться этого в моем «Жизненном пути»), — то я убедился, что в этом, ближайшем к нам сверхчувственном мире происходят гигантские события, которые вовсе не так уж сильно отделены от нашего земного мира. В это время я находился в Веймаре, где, с одной стороны, очень сильно и всесторонне сопереживал общественную жизнь Веймара, а с другой стороны, одновременно имел внутреннюю необходимость замыкаться от всего этого, так что эти два процесса протекали параллельно; тогда во мне достигло высшей степени то состояние, которое, собственно, было всегда мне свойственно, а именно, что переживание духовного мира было для меня более сильным, чем переживание физического мира. Так что мне уже тогда в юности не трудно было быстро обозреть какое-либо мировоззрение, попадавшее в сферу моего внимания. Но мне не легко было установить контакт моей души с тем, что в физическом мире получало наименования на физический лад, так что мне надо было, **для того, чтобы опознать какой-либо камень или растение, посмотреть на него не три и не четыре раза, но пятьдесят, шестьдесят раз.**

Это достигло своей наивысшей степени в Веймаре. Веймар действительно был в то время (задолго до того, как там имело место республиканское конституционное собрание) как бы некоторым базисом, духовным базисом, совсем иным местом, чем другие города Германии. И там в этом Веймаре, как я говорил в своем «Жизненном пути», я пережил уже свое одиночество. И тогда я, чтобы несколько выйти из него, в 1895 году взял в руки опять Шеллинговы «Самофракийские Божества» и «Философию мифологии»; взял не затем, чтобы изучить их, но прибегнул к ним лишь как к известному стимулу, — так, как употребляют, например внешние вспомогательные средства. Не правда ли, как если бы кто-нибудь, ведущий изыскания в духовном мире, хочет несколько облегчить себе свою работу, то для этого есть внешние вспомогательные средства, технические вспомогательные средства, которые находятся не слишком-то в прямой связи с самим предметом исследования. Например, если кто-нибудь проводит исследования в области первых веков христианства, то он кладет себе под подушку на пару ночей сочинения святого Августина или Климента Александрийского; это внешний стимул, подобный какому-либо техническому вспомогательному средству для запоминания. Так и я взял тогда «Самофракийские Божества» Шеллинга и его «Философию мифологии». Но, в сущности, я имел тогда в виду то, что происходило в течение XIX столетия так, чтобы оно потом могло как бы излиться вниз на Землю и стать антропософией.

И когда я смог действительно проследить биографию, жизненный путь Шеллинга, мне стало обнаруживаться (сначала не очень ясно, ясным мне это стало уже много позже, когда я описал свои «Загадки философии»), как много в сочинениях Шеллинга написано — естественно, записано им под влиянием инспирации, и что **инспиратором его был Юлиан Отступник** — Герцелойда — Тихо Браге, который хотя сам не появился на физическом плане, но необычайно сильно действовал через Шеллинга. И при этом я постиг, что сей Тихо Браге, после своего земного существования как Тихо Браге, необычайно сильно продвинулся в развитии. Через телесность Шеллинга могло пробиться лишь немного. Но если знаешь, что, инспирируя Шеллинга, над ним витает индивидуальность, и затем встречаешь при чтении «Самофракийских Божеств» молнии гениальных прозрений, встречаешь гениальные прозрения именно в заключительной части «Философии Откровения», где Шеллинг дает, пусть на свой лад, величественную интерпретацию древних Мистерий, и в особенности, если углубляешься в тот язык, который применяет там Шеллинг, то начинаешь слышать уже не Шеллинга, а Тихо Браге. И тогда начинаешь воспринимать, как по сравнению с другими духами, как раз сей Тихо Браге, индивидуальность которого была воплощена также и в Юлиане Отступнике, сильно способствовал тому, чтобы появилось многое такое, что опять-таки было стимулирующим началом новейшей духовной жизни и привело к тому, что кое-что из этого, хотя бы во внешних формах выражения, нашло себе место в антропософском направлении.

Затем большое впечатление произвела на меня книга **ЯКОБА ФРОШАММЕРА** «Фантазия как основной принцип мирового процесса». Это очень талантливое произведение, написанное в конце XIX столетия. Талантливое потому, что этот смелый человек, отлученный от церкви, произведения которого были внесены в «Индекс запрещенных сочинений», смело выступил и в научной области: он указал на родство того, что будучи чисто душевным процессом проявляет себя как фантазия, когда человек творит в области искусства, — на его родство с тем, что действует внутренне как рост и жизненная сила. Говорить это в те времена что-нибудь да значило! «Фантазия как основной принцип мирового процесса», как космическая творческая сила, — это очень значительная книга.

Фрошаммер очень заинтересовал меня тогда, и я постарался подойти к нему поближе, именно реально, а не только через его сочинения. И я опять нашел: его также инспирировал дух, прежде живший в Тихо Браге и Юлиане Отступнике.

Итак, имеется целый ряд личностей, относительно которых можно сказать, что они как-то действовали, подготавливая то, что впоследствии стало антропософией. Но за всем этим стоит спиритуальный свет, действующий в сверхчувственном мире. Ибо все, что до этого низошло на Землю, осталось абстракциями. Лишь иногда оно конкретизирует себя у такого мыслителя, как Шеллинг, или такого смелого человека, как Якоб Фрошаммер.

И если мы сегодня подыдем свой взор к тому, что действует сейчас в

сверхчувственном мире, и будем знать, в каком отношении к этому стоит антропософия, и если мы также распространим наше исследование в область истории, но совершенно конкретно — в конкретную духовную жизнь, то все это приводит нас к следующему: здесь, на Земле, находится некоторое количество душ, честно стремящихся к антропософии, всегда стоявших близко к Михайловым течениям; а там — в сверхчувственном мире — находится некоторое количество душ, именно душ учителей **ШАРТРА**, которые задержались там. У обеих этих групп душ — тех, кто находится здесь в мире внешних чувств, и тех, кто находится в духовном мире, — существует самое решительное стремление объединить свою деятельность в совместной работе.

И, видите ли, если хотят иметь помощь свыше при проведении исследований, касающихся ближайшего будущего двадцатого века, — если хотят иметь как бы Ангела-Хранителя, который мог бы давать советы относительно сверхчувственного мира, если надо получать оттуда импульсы, то его находят в индивидуальности Юлиана Отступника — Тихо Браге. Она сейчас не присутствует на физическом плане; тем не менее, она, собственно, всегда тут и всегда дает пророческие сведения, в особенности о том, что касается будущих событий двадцатого века.

И из всего этого вытекает следующее: те люди, которые сейчас честно принимают антропософию, они готовят свои души к тому, чтобы возможно более сократить продолжительность своей жизни между смертью и новым рождением, снова появиться на Земле в конце XX столетия и тут объединиться тогда с задержавшимися прежде в сверхчувственном мире учителями Шартра.

И вот, мои дорогие друзья, что мы должны принять в наши души: сознание того, что антропософское движение, в самом своем существе, призвано действовать и дальше. С концом XX столетия должны снова появиться на Земле не только самые значительные, но и почти все души антропософов, — появиться к тому времени, когда надо будет сообщить духовной жизни, спиритуальной жизни необходимый ей сильный стимул. Ибо иначе земная цивилизация впадет в полный упадок — в упадок, симптомы которого уже ныне выступают так сильно. Мне хочется, мои дорогие друзья, исходя из всего этого, возжечь в сердцах ваших тот огонь, который нам необходим, чтобы уже теперь сделать духовную жизнь внутри антропософского движения настолько сильной, чтобы мы своевременно были бы подготовлены ко времени той великой эпохи, которая настанет после нашей ***сокращенной жизни в потустороннем мире***, — к той великой эпохе, когда мы должны будем выступить за спасение Земли — ее главного достояния, когда надо будет рассчитывать на то, что смогут сделать антропософы.

Я думаю, что эта перспектива будущего сможет вдохновить антропософов, сможет вызвать у антропософов такие чувства, которые верно поведут их через современную жизнь энергичными, готовыми к работе, украшенными энтузиазмом, чтобы подготовить их к тому, что предстоит в конце столетия, когда как раз антропософия будет призвана к тому, о чем я говорил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) **БРАГЕ** (*Brahe*) **Тихо** (1546-1601), датский астроном, реформатор практической астрономии. На построенной им в 1576 обсерватории «Ураниборг» свыше двадцати лет вел определения положений светил с наивысшей для того времени точностью. Открыл два неравенства в движении Луны; доказал, что кометы — небесные тела, более далекие, чем Луна; составил каталог звезд, таблицы рефракции и др. На основе его наблюдений Марса **И. КЕПЛЕР** вывел законы движения планет. (В переводе лекции везде стояло имя в немецкой транскрипции «Тихо-де-Браге», мы заменили его русской транскрипцией.)

2) **КЕПЛЕР** (*Kepler*) **Иоганн** (1571-1630), немецкий астроном, один из творцов астрономии нового времени. Открыл законы движения планет (законы Кеплера), на основе которых составил планетные таблицы (т.н. Рудольфовы). Заложил основы теории затмений. Изобрел телескоп, в котором объектив и окуляр — двояковыпуклые линзы.

3) **СУЛЕЙМАН I КАЛУНИ** (*Suleyman I Kanuni*) (в европейской литературе упоминается как **СУЛЕЙМАН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ**) (1495-1566), турецкий султан в 1520-66. При нем Османская империя достигла высшего политического могущества. Завоевал часть Венгерского королевства, Закавказье, Месопотамию, Аравию, территории Триполи и Алжира.

Седьмая лекция

18 сентября 1924 г., Дорнах.

Сегодняшнюю и завтрашнюю лекцию я хотел бы построить таким образом, чтобы из них могли получиться некоторые руководящие указания в отношении действия Кармы с одной стороны, а также в отношении значения познаний, которые касаются Кармы тех или иных людей, позволяя пролить свет на всеобщую историю и в особенности на развитие духовной жизни. Однако мы не сможем понять Карму в ее действиях, пока мы рассматриваем только следующие друг за другом земные жизни какой-либо индивидуальности. Дело обстоит, как известно, таким образом, что когда в земной жизни человека ему проливается сильный свет на земной жизненный путь какого-либо человека или же на его собственный, тогда его прежде всего глубоко интересует вопрос: каким образом результаты минувшей земной жизни переходят в последующую? — Но сей способ действия Кармы никогда не получил бы своего объяснения, если оставаться при рассмотрении только земных жизней человека; ибо человек ведь переживает между следующими друг за другом земными жизнями ту или иную жизнь между смертью и новым

рождением. В этой жизни между смертью и новым рождением и вырабатывается собственная Карма человека, слагаясь из того, что случилось в его земной жизни, проведенной совместно с другими людьми, кармически с ним связанными и теперь, тоже развоплотившись, находящимися в жизни между смертью и новым рождением, — вырабатывается и во взаимоотношениях его с Духами высших Иерархий, а также, пожалуй, и с низшими духами. И эта Карма в том, как она вырабатывается, становится понятной только тогда, когда можешь направить ясновидческий взор ввысь к Существам небесных светил, которые являют лишь свою внешнюю сторону в том виде, какими они предстают для физических глаз.

Надо опять и опять сказать, что физики были бы в высшей степени изумлены, если бы они попали туда, где — небесные светила, наблюдаемые ими через телескопы и анализируемые посредством спектроскопов в отношении их вещества и даже их строения. Поражены были бы эти физики, если бы они попали в те пункты, где эти небесные тела, ибо они там встретили бы вовсе не то, чего они ожидают. То, что какое-либо небесное светило являет земным наблюдателям, есть для его собственного существования ведь лишь довольно бессущественное проявление вовне, а то, что небесное светило в себе содержит, — духовного рода или же, если оно физического рода, то это последнее является, можно сказать, остатком от некоего духовного.

Вы можете, мои дорогие друзья, следующим образом лучше всего уяснить себе, как тут обстоит дело. Поразмыслите о том, что какой-то обитатель одного из небесных светил стал бы наблюдать Землю подобным же образом, как у нас астрономы и астрофизики наблюдают другие небесные светила: он описал бы некий диск, который мерцает, светится во Вселенной; нашел бы, может быть, у него темные и светлые пятна и как-то истолковал бы их. Вероятно, это истолкование не соответствовало бы тому, что знаем мы — земные жители. Может быть, если бы ему довелось при случае заметить пламя, извергаемое Везувием, то он стал бы говорить о том, что на Землю тут налетела извне комета и т.п. Во всяком случае, описания такого астронома имели бы весьма мало общего с тем, что существенно для нашей Земли.

А что образует то, что существенно для нашей Земли? Поразмыслите о следующем. Наша Земля ведет свое происхождение из того, что в моем «Тайноведении» описано как бытие Сатурна. Тогда еще не существовало никакого воздуха (газа), никакой жидкости, никакого твердого вещества, а было только дифференцированное тепло. И в этом дифференцированном тепле было в зачатке заключено все то, что позднее стало минеральным, растительным, животным царствами природы, а также и человеческим царством. Мы, люди, такие еще были внутри этого Сатурна — в этом тепле.

Затем это развивается дальше. Воздух (газ) выделяется из тепла; выделяется вода (жидкость); выделяется твердое вещество; все это суть явные остатки, которые были выделены, которые были отброшены человеком, чтобы достигнуть своего образования как человека. Все то, что есть в нас как минеральное (твердое), а также жидкостное и газообразное,

суть всего лишь остатки отброшенного нами. Таким образом, существенным на Земле является не то, что есть там, в царствах природы, а также и не то, что мы несем в наших костях и мускулах, ибо эти последние состоят ведь из того, что нами отброшено и снова принято в себя, но существенным являются наши души. А все другое, все сущности есть более или менее видимость (*schein*), или остаточный продукт и т.п.

Землю поистине можно описать только тогда, если она описывается как колония человеческих душ в мировом пространстве. И также все небесные светила суть колонии духовных Существ в мировом пространстве, которые возможно узнать. Наши собственные души, когда они прошли через врата смерти, движутся через эти небесные колонии, проделывая свой дальнейший путь развития — вплоть до нового рождения — в сообществе с теми человеческими душами, которые там уже находятся, и с Существами высших Иерархий или также низших Иерархий; а затем, сообразно тому, какая выработана карма, человек становится созревшим к тому, чтобы снова принять то или иное земное тело. Значит, если мы хотим понять Карму, то нам надлежит снова обратиться к «звездной мудрости» (*Sternenweisheit*), то есть к духовному исследованию пути человека между смертью и новым рождением — пути, проходимому им во взаимоотношениях с Существами небесных светил (*Sternenwesen*).

Однако до вмешательства власти Михаила у людей нового времени были великие трудности в деле обретения действительной «звездной мудрости». И когда антропософия все же смогла прийти к этой «звездной мудрости», то она знает, что благодарностью за это она обязана тому обстоятельству, что с наступлением последней трети девятнадцатого столетия власть Михаила вмешалась в свершения земного человечества. И среди многих вещей, благодарностью за которые мы обязаны власти Михаила, есть и то, что мы снова получили беспрепятственный доступ к исследованию того, что должно быть исследовано в мирах небесных светил, чтобы постигнуть карму, образование Кармы в человеческом существовании.

Я хотел бы сегодня показать вам это на одном примере, чтобы постепенно ввести вас в область тех чрезвычайно трудных вопросов, которые возникают в связи с исследованием Кармы. Я хотел бы привести вам один пример, как некую иллюстрацию, из которой вы сможете усмотреть все то, что должно произойти прежде, чем можно начать говорить о действии Кармы таким образом, как теперь в этой моей лекции. Ибо, не правда ли, понимаешь, что если бы содержание этой лекции было бы как-либо изложено сегодня в обычной публичной лекции, тогда то, что есть результат совершенно точного исследования, было бы сочтено за неясность, за глупость. Но это есть именно результат совершенно точного исследования; и вам следует уже узнать обо всей той ответственности, какую надо сознать при таком исследовании, а также узнать обо всем том, что противодействует такому исследованию и через какие «тернии» приходится продирается при таком исследовании. Ибо необходимо, чтобы некоторое число людей могло узнать обо всех кармических своеобразных особенностях, отличающих сопринадлежность к Михаилу, о чем я говорил; им надо знать, что при этих вещах дело идет о серьезном

духовном исследовании, а не о том, что сегодня думают о таких вещах невежественные люди, стоящие вне антропософского движения.

ГЕНРИХ ФОН ОФТЕРДИНГЕН — ШТРАДЕР

Почти все из нас, мои дорогие друзья, могут вспомнить (я ведь отчасти уже упоминал об этом факте) одну фигуру, которая все снова и снова появляется в моих мистериях: это — фигура Штрадера.

Эта фигура Штрадера обрисована, взята в известном смысле из жизни — в той мере, в какой это может иметь место в поэзии. И личность Штрадера (о чем я уже здесь упоминал) имела своего рода прообраз в лице одного человека, который сопережил развитие последней трети девятнадцатого столетия, пришел к своего рода рационалистическому христианству. Эта личность после чрезвычайно тяжелой юности (в фигуре Штрадера нечто сквозит от этого) стала монахом ордена капуцинов, не смогла удержаться внутри церкви и потом нашла путь, приведший к должности профессора.

Эта личность, когда она от теологии обратилась к философии, стала воодушевленным приверженцем свободомыслящей религии Лессинга. Эта личность была тогда такой, что впала во внутренний конфликт с официальным христианством и довольно сознательно хотела, исходя из разума, обосновать своего рода рационалистическое христианство. И та душевная борьба, с которой мы встречаемся у Штрадера в драмах-мистериях, разыгрывалась в своем варианте уже в жизни этой личности.

Как вы знаете, в моей последней драме-мистерии Штрадер как личность умирает. И когда я сам оглядывался назад на то, каким образом личность Штрадера была вплетена в комплекс моих драм-мистерий, то я должен был сам сказать себе: хотя ведь и не было никаких внешних препятствий для того, чтобы Штрадеру можно было еще продолжать жить дальше, подобно другим персонажам драм-мистерий, тем не менее он умирает в силу внутренней необходимости! Так что было даже возможно рассматривать смерть Штрадера как неожиданность в ходе событий драм-мистерий. В известный момент Штрадер вдруг умирает: ибо я почувствовал, что не могу дальше выводить личность Штрадера в драмах-мистериях.

Почему это? Видите ли, мои дорогие друзья, тем временем умер, если я смею так выразиться, оригинал фигуры Штрадера. И вы можете себе представить, насколько глубоко интересовал меня этот оригинал, раз я обрисовал его в фигуре Штрадера. Этот оригинал интересовал меня и дальше — также и после того, как он прошел через врата смерти.

Но тут есть одно своеобразное обстоятельство. Когда мы имеем побуждение проследить ясновидческим взором некую личность в то время, которое непосредственно следует за ее смертью и которое длится приблизительно одну треть физической земной жизни (тогда земная жизнь неким образом переживается в обратном порядке, но втрое скорее), — то что же такое, собственно, переживает тогда человек в десятилетия, непосредственно следующие за концом его земной жизни?

Когда вы составите себе представление о человеческой жизни здесь на

Земле, то замечаете, что эта жизнь распадается на дни и ночи — на состояния бодрствования и состояния сна. В состояниях сна всегда присутствуют в сновидениях образные реминисценции дневной жизни. Когда человек оглядывается назад на свою жизнь, то ему ведь вспоминаются обычно только состояния бодрствования, дневные состояния. Такого рода воспоминания можно было бы передать следующим образом: вот, я вспоминаю себя с утра вплоть до вечера; затем — перерыв; потом опять вспоминается происшедшее с нового утра вплоть до вечера; затем опять перерыв; потом ... и так далее и так далее.

Однако, хотя за ночь ничего не остается в памяти человека, линия его жизни просто продолжается дальше; и наши воспоминания обманывают нас, когда мы в своей памяти присоединяем друг к другу только день за днем. Но после смерти нам приходится пережить как могучую реальность то, что наличествовало по ночам, то есть во время приблизительно одной трети нашей земной жизни, — и пережить это в обратном порядке. И тогда наступает своеобразное переживание: имеют некоторое чувство бытия, я сказал бы, чувство некоторой действительности того, что выпадало пережить человеку на Земле. Если бы этого чувства действительности не имелось, тогда ведь все то, что человеку встречалось день за днем, он мог счесть за сновидения. Знают, что земные вещи реальны: ударяешься об них, если наталкиваешься на них, от них исходит свет, исходят звуки. Короче говоря, существует многое, побуждающее нас иметь чувство действительности здешнего мира во время земной жизни между рождением и смертью.

Однако если вы и усвоили здесь это чувство действительности, если вы, мои дорогие друзья, обозначаете как реальность, тех людей, с которыми вы здесь встречаетесь, то, тем не менее, все это в отношении своей интенсивности выступает не более чем действительность сновидений по сравнению с могущественной в ее интенсивности действительностью, которую переживают в те десятилетия непосредственно после смерти (и которую сопереживает ясновидящий наблюдатель). Все это является человеку гораздо более реальным, чем земная жизнь, как если бы эта последняя была сновидением, — как если бы душа только теперь пробудилась по отношению к интенсивной жизни. Это и есть то своеобразное обстоятельство, о котором я упомянул.

И когда я прослеживал путь Штрадера, то естественно, что мое внимание гораздо больше привлекала реальность, реальная индивидуальность, которая жила после смерти в потустороннем мире, чем воспоминание о ее земной жизни, которое по сравнению с тем, что наступает для умершего, является подобным сновидению. Так что по сравнению с сильными впечатлениями от умершего я не мог иметь больше интереса описывать Штрадера как живого.

Итак, я мог здесь сказать, исходя из собственного опыта, сколь мало интенсивна земная жизнь по сравнению с тем, что выступает, когда прослеживаешь человека после его смерти, и что есть гораздо более интенсивная жизнь. И как раз тогда, когда вследствие вспыхнувшего земного интереса этот особенный интерес к данному человеку побуждает попытаться ясновидчески проследить его жизнь далеко после смерти,

тогда замечаешь препятствующие этому трудности. Ибо когда ведешь правильное наблюдение, проникновенно наблюдаешь, тогда видишь, как в этой посмертной жизни в обратном направлении, ддящейся приблизительно одну треть минувшей земной жизни, умерший побуждается подготовить образование своей грядущей Кармы. При этом переживании в обратном направлении он видит все то, что сделал в своей жизни. Если я умер, например, в возрасте семидесяти трех лет и, будучи шестидесятилетним, причинил кому-то страдание, то я переживаю это снова при моем посмертном странствовании в обратном направлении, но я переживаю это таким образом, что переживаю теперь не те чувства, которые я сам имел тогда, когда наносил обиду, но те чувства, которые пережил обиженный человек. Я полностью переношусь в переживания другого. И вот так живу я теперь, собственно, в тех людях, которые были затронуты мною в добром или же злом смысле, и имею их тогдашние переживания как свои собственные. И тогда у меня самого подготавливается тенденция кармически загладить, возместить содеянное.

Интерес, который я имел к этому земному прообразу Штрадера, выступавшему теперь передо мной как сверхчувственная индивидуальность, был возбужден именно потому, что этот прообраз действительно хотел постигнуть христианство проникательным, остроумным, рационалистическим способом. При этом можно восхититься таким мыслителем, но тем не менее повсюду замечаешь, как обрываются нити рационалистической логики, как обрываются сплетения понятий при этом рационалистическом изложении христианства, данном в книгах того человека, которые были написаны им в его земной жизни; замечаешь, как при этом по существу выступает нечто ужасно абстрактное, — как автор не может прийти к спиритуальному постижению христианства, как он при помощи философских понятий сколачивает себе своего рода рационалистическую религию и так далее. Короче говоря, вся слабость интеллектуализма теперешнего времени обнаруживалась у этой личности.

Это опять обнаружилось примечательным образом при прослеживании его жизненного пути после смерти. Люди, у которых не выступают такие трудности, как у земного оригинала Штрадера, при прохождении посмертного пути постепенно вживаются в сферу Луны. Это есть первая «станция» на этом пути. И когда мы, как умершие, приходим в область Луны, то мы встречаем ведь там всех тех, сказал бы я, «Регистраторов» нашей Кармы (судьбы), которые в древнейшие времена были некогда мудрыми Учителями людей (о них здесь часто говорилось); когда Луна физически отделилась от Земли и из части Земли стала собственным космическим телом, тогда они последовали вместе с Луной. Так что теперь, когда мы, как умершие, проходим область Луны, то прежде всего встречаем там тех великих Учителей человечества, которые некогда действовали, не воплощаясь в физическом теле, но тем не менее заложили основы изначальной мудрости, лишь отблеск которой есть в том, что сохранилось по традиции в литературе. Если мы не наталкиваемся на какие-то преграды, то на своем посмертном пути, так сказать, беспрепятственно вступаем в эту область Луны.

У той же личности, которая является прообразом Штрадера,

обнаружилось нечто такое, из-за чего она оказалась не в состоянии во время ее душевной жизни, последовавшей непосредственно после смерти беспрепятственно пройти через область Луны из-за ряда возникших преград, — как если бы область Луны не хотела допустить к себе эту индивидуальность.

И если в образных имагинациях ясновидчески проследить, что там, собственно, было, то обнаруживается следующее: было так, как если бы те Духи, Первоучителя человечества, некогда принесшие ему первоначальную спиритуальную мудрость, все снова и снова возглашали навстречу этому праобразу Штрадера: «Ты не можешь прийти к нам, ибо ты из-за твоих особенных душевных качеств еще ничего не смеешь познать о небесных светилах; ты должен подождать, — ты должен еще повторно пережить то, через что ты прошел, и не только в своей последней инкарнации, но и в предшествовавшей ей, и тем самым стать зрелым для того, чтобы вообще сметь познать что-то о небесных светилах и их сущности».

И вот тогда наступило то примечательное, что имелась некая индивидуальность, навстречу которой не могло, собственно, выступить духовное начало мира небесных светил или могло выступить лишь с трудом. Оно, конечно, выступало ей навстречу, но могло лишь с трудом выступать ей навстречу. И вот таким образом я как раз в связи с этой личностью сделал то замечательное открытие, что у таких рационалистически-интеллектуалистических индивидуальностей новейшего времени наличествует некое препятствие при образовании, при выработке их Кармы, а именно то, что они не могут беспрепятственно приблизиться к небесным светилам в их сущности. При дальнейшем исследовании получалось, что эти личности почерпнули свои способности и силы к их рационализму из того времени, которое как раз предшествовало времени вмешательства власти Михаила. Они еще не были правильным образом затронуты влиянием власти Михаила.

Но отсюда со всей силой выступило требование произвести дальнейшее исследование Кармы этой личности в отношении ее прошлого. Ибо я должен был сказать себе следующее. Там находится нечто такое, что эта личность, исходя из результатов прошлых жизней, отпрепарировала таким образом, что это не только оказало свое действие в последовавшей земной жизни, но еще вторглось дальше в жизнь после смерти. А это — уже поистине замечательный феномен.

Тогда обнаружилось, что жизнь, которая предшествовала этой, эскизно обрисованной мною земной жизни, какая отображена в фигуре Штрадера, — что жизнь в духовных мирах, предшествовавшая этой земной жизни, была жизнью тяжкого испытания, поистине жизнью испытания этой души в сверхчувственных мирах: «Как же мне держаться по отношению к христианству?» Можно сказать, что там, в сверхчувственном мире, медленно подготавливается то, что делает эту личность затем в земной жизни неуверенной в отношении постижения ею христианства. Это также просвечивает в фигуре Штрадера: он ни в чем не уверен; отвергает определенным образом то, что сверхчувственное есть; хочет постигать только при помощи рассудка, но все-таки хочет что-то узреть.

Вспомните, каким изображен Штрадер. Такой уж выросла эта личность и выступила в жизни в силу ее Кармы, восходящей к более раннему времени. И обнаруживается, что фактически эта личность при прохождении через жизнь между смертью и новым рождением, перед этой ее земной жизнью в конце девятнадцатого столетия, прошла в очень приглушенном состоянии сознания сквозь жизнь небесных светил, — как раз эту жизнь между смертью и новым рождением прошла как оглушенная. Впоследствии в земной жизни, как реакция на это, выступило стремление к образованию самых ясных, самых четких понятий в противоположность тем смутным понятийным образам (*Begriffsbildern*), которые испытала эта личность между смертью и новым рождением.

И вот, когда от этих, сказал бы я, переживаний, являющих миры небесных светил словно в тумане, переходишь к прошлой земной жизни этой личности, тогда находишь нечто в высшей степени примечательное. Тогда оказываешься приведенным, — по крайней мере, так стало со мной, — к «**БИТВЕ ПЕВЦОВ В ВАРТБУРГЕ**» 1266 года, происходившей в то время, которое я описал вам как то, когда старые платоники, например школы **ШАРТРА**, взошли в духовные миры, а аристотелики еще не спустились на Землю, и когда между этими обеими группами духов состоялась своего рода конференция о грядущем Михаиловом деянии. На это время падает битва певцов в Вартбурге.

Это всегда интересно проследить: что происходит здесь, на Земле, и — одновременно в потустороннем мире? И вот мы имеем битву певцов в Вартбурге, которая не была непосредственно связана с грядущим Михаиловым течением.

Кто же участвовал в битве певцов в Вартбурге? Там собрались самые значительные немецкие поэты, которые соревновались друг с другом в пении своих стихов. Известно, что там бились ради славы их покровителей-князей и признания собственной ценности **ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ**, **ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ 1)**, **РЕЙМАР ФОН ЦВЕТЕР**; был там еще **ГЕНРИХ ФОН ОФТЕРДИНГЕН**, выступавший, по существу, один против всех других. И в этом Генрихе фон Офтердингене нашел я ту индивидуальность, которая потом была заложена в человека, ставшего прообразом фигуры Штрадера.

Итак, мы имеем дело с Генрихом фон Офтердингеном и должны направить наш взор на разрешение вопроса: почему Генрих фон Офтердинген после того, как он прошел через врата смерти, проходил через мир небесных светил словно в брезжащем, сумеречном сознании? Почему?

Тут нужно немного проследить ход этой битвы певцов. Генрих фон Офтердинген выступает против других. Уже призван палач: он должен казнить Генриха, если тот потерпит поражение. Но Генрих фон Офтердинген избегает этой судьбы. Он призывает к себе, чтобы по-новому провести эту битву, волшебника **КЛИНГЗОРА** из Венгрии. Он действительно устраивает приезд в Эйзенах волшебника Клингзора из Венгрии.

И вот заново разыгрывается Вартбургская битва певцов при соучастии Клингзора. Можно отчетливо узреть следующее: на стороне Генриха фон

Офтердингена, который при своем выступлении поет сам, выступает Клингзор, но не один — он велит вмешаться неким духовным существам. Так, например, он вызывает одержимость одного юноши таким духовным существом, которое затем и поет вместо него. И Клингзор дает выступить в Вартбурге еще более могущественным сверхчувственным силам.

Всему тому, что исходит от Клингзора, противостоит ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ (ок. 1170-1220). Процедура, которую проводит Клингзор и позади которой находится и действует такое сверхчувственное существо, должна показать: ученым ли человеком является Вольфрам фон Эшенбах? Однако Клингзор оказался несколько «прижатым к стене» Вольфрамом фон Эшенбахом. Ибо, когда Вольфрам фон Эшенбах замечает, что в игре участвует такое духовное существо, он начинает петь о причастии Святых Тайн, о Пресуществлении, о присутствии Христа в причастии Святых Тайн (Даров), — и дух должен удалиться, так как он не может этого вынести. Позади всего этого находились действительные реальности (да будет мне позволено употребить эту тавтологию).

И все же Клингзору удалось доказать при помощи этих духовных существ, что Вольфрам фон Эшенбах, хотя и обладает христианством, но христианством, которое больше не считается с Космосом, с миром небесных светил, а потому он оказывается совсем неучем в отношении всякой космической мудрости. Этого Клингзор добился. Клингзор доказал, что певец Грааля уже в то время знал о христианстве лишь только то, что не касалось отклоняемого церковью космического христианства. И Клингзор мог ведь потому так выступить духовно непоколебимым образом, что он обладал этой мудростью мира небесных светил. Но уже из его рода и способа, как он применяет ее, можно узреть, что то, что называется «черной магией», примешивается к его волшебному искусству.

Итак, мы видим, что против Вольфрама фон Эшенбаха, чуждого миру небесных светил, была неправедным образом применена «звездная мудрость». Сейчас речь идет о времени тринадцатого столетия, перед выступлением на Земле тех доминиканцев, о которых я упоминал; речь идет о том времени, когда христианство как раз там, где оно было особенно величественным, отклонило всякое прозрение в мир небесных светил, когда лишь там, где было внутреннее отчуждение от христианства, еще наличествовала «звездная мудрость», как у Клингзора из венгерской страны.

Генрих фон Офтердинген, призвав Клингзора, тем самым заключил союз с нехристианской «звездной мудростью». Вследствие этого Генрих фон Офтердинген остался в некоторой мере связанным не только с личностью Клингзора, которая позднее, собственно, исчезла из сверхчувственной жизни, но в особенности остался связанным с отрешенной от христианства космологией Средневековья. И вот так жил он дальше во время между смертью и новым рождением, а потом снова воплотился, как я описал вам, изливая известную неуверенность в отношении христианства.

Но существенным тут является следующее. Он опять, умирая, проделывает путь в обратном направлении; и проделывая этот путь в

обратном направлении в мире душ, он, следуя этим путем, столкнулся с необходимостью снова приблизиться к миру небесных светил, а для этого — принять участие в той жестокой битве, которую должен был начать вести Михаил за свою власть именно в последней трети девятнадцатого столетия против тех демонических сил, которые связаны с нехристианской космологией Средневековья. И, чтобы сделать эту картину полной, добавим: можно вполне точно ясновидчески узреть, что среди тех, кто ожесточенно воевали против власти Михаила и против которых должны были выступить духи Михаила, были и еще теперь присутствуют те самые духовные существа, которые некогда в Вартбурге были вызваны заклинаниями Клингзора, чтобы выступить против Вольфрама фон Эшенбаха.

Итак, перед нами предстает здесь некий человек, который, в результате своей Кармы ненадолго вступил даже в орден монахов-капуцинов, но, тем не менее, не мог подойти к христианству, — не мог подойти потому, что он нес в себе антагонизм по отношению к христианству, который он воспринял тогда, когда призвал из венгерской страны Клингзора на помощь против Вольфрама фон Эшенбаха, певца Парсифаля. И в то время как в подсознании этого человека все еще приглушенно сказывалась нехристианская космология, в его обыкновенном сознании наличествовало какое-то рационалистическое христианство, ни для кого не представлявшее особенного интереса. Интерес представляет только его жизненная борьба — с попыткой при помощи христианского рационализма обосновать своего рода рационалистическую религию.

Но, видите ли, мои дорогие друзья, самым важным, самым значительным является то, что можно усмотреть взаимосвязь между абстрактным рационализмом, пронизательным абстрактным мышлением и тем, что творится в подсознании: приглушенные, обессиленные представления о небесных светилах и отношения к небесным светилам изживают себя, вздымаясь в сознание как абстрактные мысли.

И когда затем прослеживаешь, как сформировались в их Карме самые толковые — на материалистический лад — люди современности, то приходишь к тому, что эти люди, почти все, в их прошлых земных жизнях имели какое-то дело с космическим уклоном в ЧЕРНУЮ МАГИЮ. Это есть взаимосвязь большого значения.

У крестьян инстинктивно сохранилось то чувство, что они сразу питают определенное отвращение к тому человеку, появляющемуся среди них, который показывает себя слишком толковым в рационалистическом смысле; этого они не терпят. Тут в их взгляд на это инстинктивно проникает нечто, восходящее к таким взаимосвязям.

Да, мои дорогие друзья, взгляните теперь на все это в целом. Такие духи встречались в последней трети девятнадцатого столетия. Они принадлежали к самым интересным. Так, например, перевоплощенный Генрих фон Офтердинген, который имел дело с самым черным магом своего времени, с Клингзором, оказывается интересным как раз из-за своего рационалистического рассудка!

Но тут же обнаруживается, какие существуют трудности, когда хотят

правильным образом подойти к «звездной мудрости». И этот правильный подход к «звездной мудрости», который нужен для того, чтобы проникать ясновидческим взором в Карму, возможен только в свете верного узрения власти Михаила и при своем примыкании к Михаилу.

Это опять подтверждает вам то, через всю действительность новейшего времени, вздымаясь, проходит одно течение духовной жизни, (я показал его сегодня вам на одном конкретном примере — на примере человека, ставшего прообразом фигуры Штрадера), — течение, которое затрудняет правильный подход к науке о небесных светилах, а, тем самым, и к науке о Карме. Как все же это можно осуществить, и притом надежно осуществить, вопреки нападкам, которые возможны с той стороны, какую я охарактеризовал, и подойти к «звездной мудрости» и к познанию образования Кармы — об этом будет дальнейший разговор завтра.

ПРИМЕЧАНИЕ

1) **ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ** (*Wolfram von Eschenbach*) (ок. 1170-ок. 1220), немецкий поэт-миннезингер. Проповедь религиозного искупления в стихотворном рыцарском романе «Парсифаль» (1198-1210; одноименная опера Р. Вагнера).

Восьмая лекция

19 сентября 1924 г., Дорнах.

Наблюдения, к которым мы здесь приступили для того, чтобы все лучше и лучше понять, что это значит, что современность стоит под знаком водительства Михаила, — эти наблюдения привели ведь нас в последний раз к показу того, как своеобразно может действовать карма того или иного человека; и эти наблюдения в некотором смысле показали нам, как широко могут простираться трудности, возникающие от того, что какая-либо личность не находит пути между смертью и новым рождением, чтобы пережить то, что необходимо для созидания кармы через участие в свершениях мира небесных светил.

Само собой разумеется, что для того воззрения, которое еще полностью связано лишь с тем, что происходит здесь, в физической жизни, трудно воспринять и принять те вещи, которые, однако, действительно должны быть восприняты, если со всей серьезностью отнестись к идее Кармы. Но мы живем ведь как раз в эпоху великих решений, и эти решения должны быть приняты прежде всего в духовной области. И вот в духовной области эти решения верным образом подготовляются благодаря тому, что, исходя из углубления антропософского духа, отдельные люди обретают мужество настолько серьезно отнестись к наблюдению духовного мира, что они могут извлечь оттуда то, что будучи принесено из этого духовного мира, позволяет постичь явления внешней физической жизни.

Поэтому я не побоялся в течение уже ряда месяцев начать давать сообщения о таких отдельных фактах духовной жизни, которые способствуют пониманию духовной конфигурации современности. И

сегодня я хочу пойти несколько дальше, можно сказать, в иллюстрировании того, о чем я еще в заключении должен буду говорить в воскресенье, чтобы показать всю Карму духовной жизни современности в связи с тем, что должно совершить антропософское движение.

Впрочем, сегодня я имею сказать прежде всего о чем-то таком, связь чего с нашей главной темой вы не сразу сможете усмотреть, однако вы тут тотчас распознаете, что духовная жизнь современности в самом глубоком смысле имеет те характерные черты, которые оказываются происходящими из подоснов душевной жизни прошлого.

Многое тут покажется совершенно парадоксальным, но ведь и вся жизнь в целом является для земного рассмотрения сплошными парадоксами. Примеры, которые я выбираю сегодня, не принадлежат к числу обыкновенных, ибо обыкновенная последовательность земных жизней друг за другом, как правило, не наблюдается у исторических личностей; у этих личностей поверхностное наблюдение не может усмотреть прогресса в цепи следующих друг за другом земных жизней. Но это фактически такие земные жизни, которые следуют друг за другом таким образом, что рассматривая их совместно, одновременно описываешь ход истории.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ – ГЕРТЛИНГ

В столь отчетливом смысле это имеет место у немногих индивидуальностей, но это как раз такие индивидуальности, в отношении которых мы можем указать на их отдельные инкарнации исторического значения. Это уже имело место у тех отдельных индивидуальностей, о которых мною уже было сказано прежде; и как раз на примерах таких индивидуальностей мы можем чрезвычайно многому научиться для понимания Кармы. Итак, я хочу прежде всего рассказать об одной личности, которая жила в конце первого христианского столетия.

Уже тогда она была философом — таким философом, который в самом решительном смысле принадлежал к скептикам, то есть к тем, которые, собственно, ничего в мире не признают достоверным. Этот философ принадлежал к той школе **СКЕПТИЦИЗМА 1)**, которая, правда, уже видела наступление христианства, но полностью стояла на почве того воззрения, что вообще невозможно достигнуть каких-либо надежных познаний и что, следовательно, никак нельзя сказать — могло ли какое-либо Божественное Существо вочеловечиться или же нет, и т.д.

Эта индивидуальность (ее имя в то время — **Агриппа** — не слишком много значило), которая была тогда воплощена, усвоила, можно сказать все, что принес греческий скепсис, и стала в известном смысле такой личностью, которую мы можем назвать даже **циником**, если это слово употреблять не в осудительном смысле, а как «технический термин».

Эта личность была циником не в отношении жизневоззрения — тут она была скептиком, но циником в отношении того рода и способа, как она относилась к вещам окружающего мира, а именно так, что она, собственно, очень охотно шутила, как балагур, касаясь и самых важных вещей. И это привело к тому, что христианство прошло мимо нее

совершенно бесследно. Но когда эта индивидуальность прошла через врата смерти, то у нее остался определенный душевный склад, который, правда, в малой степени был следствием ее скептицизма, **ибо ведь то, что является философским воззрением, не далеко уносят с собой в жизнь после смерти.** Он был следствием ее внутренних душевных и умственных привычек, следствием ее легкого отношения к важным событиям жизни, ее радования тому, что многое, представлявшееся важным, можно показать как вовсе не столь важное. Это было ее основным настроением. И это основное настроение было внесено и в жизнь после смерти.

Так вот, я вчера уже упомянул о том, что человек, когда он прошел через врата смерти, вступает в сферу, которая постепенно ведет его в область Луны. И я упомянул о том, что там есть, собственно, колония прамудрецов человечества, тех праучителей, которые некогда жили на Земле. Но они жили тогда не в каком-либо физическом теле, а потому также учили людей не так, как стали себе представлять позднее; они странствовали по Земле, будучи облечены в эфирное тело, и учили людей так, что тот или иной человек, который должен был быть научен ими, ощущал это как проникновение к нему, как переживание в себе такого прамудреца. Он имел тогда чувство: прамудрец, вот, был у меня. — И как следствие этого проникновения внутрь него, переживания в себе прамудреца, он ощущал затем некую внутреннюю инспирацию, через которую в то время и давалось сообщаемое учение. Это были древнейшие времена земного развития, когда великие праучителя странствовали по Земле в эфирных телах. Затем, когда Луна уже отделилась от Земли как космическое тело, эти первоучителя отошли на Луну; и вот, их сферу проходит человек как первый этап своего развития в Космосе после земной смерти. Эти прамудрецы суть те, которые просвещают тогда человека насчет Кармы, ибо они ведь имеют дело именно с мудростью прошлого.

И когда данная личность, Агриппа, вступила в эту сферу, тогда произошло то, что ей с особенной силой открылся смысл одной ее более ранней инкарнации, которая была особенно характерной для нее, и теперь при взгляде на нее назад после смерти производила особенно сильное впечатление. Ибо данная индивидуальность в ту свою более раннюю инкарнацию могла еще многое лицезреть из того, что проникло из древних Мистерий в религиозные культы Передней Азии и Африки.

Эта индивидуальность таким образом заново пережила — сверхчувственно пережила — уже в христианские времена то, что она некогда проделала на Земле в связи с некоторыми, уже приходившими в упадок, Мистериями Передней Азии. И это привело к тому, что она (а она, как я сказал, не была затронута христианством в ее земной жизни), что эта индивидуальность теперь узрела то, как древние Мистерии были исполнены ожиданием Христа.

Но тогда эти мистерии — я имею в виду те культы, которые проистекали из упомянутых мест Мистерий и которые лицезрела эта личность, — уже приняли внешний характер в тех местах, где тогда жила эта личность. В результате она могла воспринять, могла принять как раз эти культовые

обряды, которые в течение первого тысячелетия христианского развития были привнесены, подвергшись христианизации, именно в римское христианство.

Итак, заметьте, мои дорогие друзья, в чем тут, собственно, дело. Дело в том, что в этой Лунной области после смерти у данной индивидуальности было подготовлено последующее понимание тех внешних обрядов культа и тех особенностей внешнего устройства римской церкви, которые прежде были языческими, но которые опять воскресли, подвергшись метаморфозе во время первых христианских столетий, и стали характерными для римского культа — вместе со всей трактовкой самой церкви, ее устройства, которая тесно связана с этим римским культом.

Видите ли, это привело к созданию совсем особенной духовной (собственной) конфигурации у данной личности. При прохождении того пути, который проделывает человек во время между смертью и новым рождением, эта индивидуальность совсем особенным образом работала над своей Кармой в сфере Меркурия, так что она обрела одаренность разумом, но не во внутреннем смысле, а в смысле внешней разумности, позволяющей широко обозревать складывающиеся взаимоотношения.

И когда мы затем прослеживаем дальше судьбу этой индивидуальности, то мы встречаем ее опять на Земле и встречаем ее как того кардинала, который ведал всем управлением при Людовике XIV тогда, когда сам Людовик XIV был еще ребенком, — как **КАРДИНАЛА МАЗАРИНИ 2**). И когда мы изучаем личность кардинала Мазарини во всем том, что было у него ослепительно-блистательного, великого, и во всем этом, чем он был в его внешней трактовке христианства, а также и в том, как привычно легко он вживается в склад той женщины, которая осуществляла регенство во время малолетства Людовика XIV, тогда мы усмотрим следующее: он принимает от христианства все то, что относится к устройству церкви, к христианскому культу, к его великолепию. Он принимает все это потому, что встречается тут с испытавшим метаморфозу переднеазиатским, восточным блеском. И, по существу, он правит Европой, как человек, с большой силой воспринявший в себя — в своей гораздо более ранней инкарнации — то, что некогда было свойственно Передней Азии.

Но у Мазарини уже была та особенность, что его лично мало затрагивали происходившие тогда события. А вы должны вспомнить, что это была за эпоха: время начала Тридцатилетней войны — время событий, которые разыгрывались, как исходившие от Людовика XIV.

Кардинал Мазарини был одарен способностью широкого охвата событий и обстоятельств; он был крупным государственным деятелем, но вместе с тем он был в упоении от самого себя, в ослеплении от собственных деяний. Так что эти деяния проистекали, можно сказать, от его великой ловкости, но никак не из глубины сердца.

Эта жизнь весьма примечательна тем, что происходит затем опять-таки во время между смертью и новым рождением. Можно увидеть, как тогда, при новом прохождении через сферу Меркурия, все то, что успела сделать личность Мазарини, рассеивается подобно дыму. Остается же то, что эта личность усвоила себе как идеи касательно христианства, и остается все то, что она пережила как скепсис по отношению к достоверному знанию.

И все это следующим образом формируется в этой жизни между смертью и новым рождением: интенсивная способность понимания, которая отчасти заплесневела уже при предыдущем прохождении этой индивидуальности через сферу Меркурия, — она опять еще увядает; кармически образуется очень своеобразная умственная одаренность — такая одаренность, при которой эта индивидуальность с большим упорством цепляется за прежние, усвоенные ею, проницательные воззрения, но уже при этом мало развить понятий, пригодных для применения в ближайшей земной жизни для овладения ею. Наблюдая то, как эта индивидуальность проходила тогда через жизнь между смертью и новым рождением, имеешь следующее чувство: что, собственно, предстоит этой индивидуальности в той новой инкарнации, которая ждет ее? С чем сможет она связать себя верным образом? И тут имеешь чувство: она окажется более или менее связанной со всем возможным и вместе с тем ни с чем. Все ее прошлые деяния ведут к этому. Интенсивность, проявленная ею (после скепсиса в предшествовавшей земной жизни) на всех путях, на которых становятся кардиналом, затем христианство, пережитое с его внешней показательной стороны, — все это глубоко коренится в этой личности, в ее новой инкарнации. Эта личность должна стать богатой различными познаниями, но выступить она могла лишь с понятиями, высказываемыми ею не серьезно, а с легкомысленностью и словно шутя. И, кроме того: как же теперь изменилась политическая карта Европы, которой прежде она распоряжалась. Неизвестно — как этой личности найти свое отношение к новой карте Европы? Что ей делать с этой картой? — И эта личность вовсе не знает, как ей начать что-либо делать.

Да, мои дорогие друзья, надо проделать наблюдения над всеми этими вещами, происходящими во время жизни между смертью и новым рождением, чтобы не впасть в заблуждения и прийти к действительно точному знанию. Эта личность, о которой идет речь, опять родилась такая, которая в своей физической жизни явила — с наступлением времени Михаила — примечательный в своей двойственности облик. Эта личность не смогла стать ни настоящим государственным деятелем, ни настоящим клириком, хотя она интенсивно старалась быть и тем, и другим. Это — **ГЕРТЛИНГ**, который в старости успел стать немецким рейхсканцлером и таким образом кармически реализовать остатки бывшего у него тогда «мазаринизма», а все те своеобразные особенности, с которыми Гертлинг подходил к христианству, он обнаружил в своем христианском профессорстве.

Вот пример, из которого вы можете усмотреть, какими своеобразными путями люди современности пришли в своих земных жизнях к их современным индивидуальностям. Тот, кто сам не исследует это, но то или иное измышляет себе, естественно, приходит к чему-то совершенно другому. Но только тогда понимают карму, когда исходят из рассмотрения таких ее крайних проявлений, которые в мире внешних чувств выглядят почти что парадоксами, но которые суть факты в духовном мире. Как раз о подобном факте мне уже часто доводилось упоминать, а именно, что столь яростно выступавший против церкви **ЭРНСТ ГЕККЕЛЬ** был

перевоплощением монаха **ГИЛЬДЕНБРАНДТА**, то есть великого папы **ГРИГОРИЯ VII**; им был Эрнст Геккель в своей прошлой инкарнации.

Отсюда вы видите, насколько малозначим является внешнее содержание тех верований, которые имел человек в своей земной жизни, ибо это суть его мысли. Но подвергните изучению личность Геккеля, изучению именно в связи с тем, чем был аббат Гильдебрандт, ставший папой Григорием VII (я думаю, что он тоже есть среди фигур Шартра), и тогда вы усмотрите, что в действительности тут есть динамическое продолжение одного в другом.

Я привел этот пример для того, чтобы вы могли усмотреть, как выдающиеся личности современности вносят прошлое в эту современность. Я хотел бы выбрать еще один — другой — пример, который может быть очень ценным для вас, но я чуть ли не готов отказаться от этого, чтобы не сказать об этом с легкостью; однако, это так глубоко вводит во весь духовный склад современности, что я не мог обойтись без того, чтобы не привести этот пример.

Если вы теперь присмотритесь к фигуре монаха Гильдебрандта, ставшего папой Григорием VII, как вы знаете его из истории, то вы сможете усмотреть, как душевная конфигурация Геккеля удивительным образом содержится как раз в этой фигуре Гильдебрандта, позднее папы Григория VII.

НИКЕЙСКИЙ СОБОР. АРИАНСТВО И АФАНАСИАНСТВО

Итак, я хочу также упомянуть еще об одной личности; как говорится, я едва осмеливаюсь упомянуть о ней, но она чрезвычайно характерна в качестве показателя того, что из прошлого и как именно переносится в современность.

Я уже часто указывал, — да это известно вам также из внешней истории, — что в четвертом столетии происходил **ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР В НИКЕЕ**, на котором было принято решение относительно **АРИАНСТВА и АФАНАСИАНСТВА**, и арианство было для Западной Европы осуждено.

Это был собор, на котором была явлена вся высокая ученость, имеющаяся у руководящих личностей первых веков христианства, — собор, в котором велись дебаты с применением действительно глубоких идей, когда человеческая душа имела в сущности еще совсем иной строй, чем ныне; когда человеческая душа считала еще само собой разумеющимся то, что она живет непосредственно внутри духовного мира; тогда велся спор о том, **единосущен ли Христос, Бог-Сын, с Богом-Отцом или же Он только подобен Ему**. Последнее утверждали ариане. Мы не станем сегодня вдаваться в догматические различия между этими двумя понятиями, но отметим сейчас только то, что здесь была обнаружена при споре необычайная острота и тонкость понятий, проникнутых, впрочем, интеллектуализмом тогдашнего времени.

Если мы сегодня имеем острый ум, то такие уж мы сегодня люди. Сегодня почти все люди имеют острый ум. Я уже часто говорил: люди сейчас ужасно ловкие (*geschickt*); они умеют думать. Это не так уж много, но нынешние люди могут это. Можно быть очень глупым, но думать-то

уметь. Да, люди могут сегодня думать. Но в те времена было иначе: люди не умели думать, а они получали мысли как инспирации. А тот, кто обладал острым умом, тот ощущал себя как бы овеванным Божьей милостью, и мышление было, некоторым образом, ясновидением. Так было еще в четвертом послехристианском столетии. И те, кто внимали подобному мыслителю, также ощущали нечто от такого развития его мышления.

На этом соборе присутствовала также некая личность, принимавшая участие в дискуссиях; она затем была в высшей степени опечалена их исходом и принятым на соборе решением. Эта личность больше всего старалась найти аргументы как в пользу одной стороны, так и в пользу другой. Эта личность приводила самые существенные аргументы как в защиту арианства, так и в защиту афанасианства; и если бы на соборе пошли за этой личностью, то, несомненно, все дело приняло бы совершенно другой оборот. Это не было бы заключением какого-либо гнилого компромисса между арианством и афанасианством, а это было бы неким синтезом, который был бы, вероятно, чем-то очень значительным. Не следует, конечно, конструировать возможный исход истории, но можно все же сказать для пояснения значения этого, что это было бы чем-то очень значительным, что это привело бы к гораздо более интимной взаимной связи между Божественным внутри человека и Божественным во Вселенной. Ибо то, как в дальнейшем повело дело победившее афанасианство, привело к тому, что человеческая душа была так решительно отделена от Божественного Первоисточника, что стали даже считать еретическим говорить о Боге внутри человека.

А если бы только победило арианство, то, конечно, много говорилось бы о Боге внутри человека, но это никогда не делалось бы с необходимым для этого внутренним благоговением, а именно, надлежаще сообразуясь с внутренним достоинством того или иного человека. Арианин рассматривал бы человека на каждой ступени его развития как воплощение сущего в нем Бога. Но ведь это являет и каждое животное. Также и весь мир — каждый камень, каждое растение. Свою ценность это воззрение получает только в том случае, если оно в то же время содержит в себе побуждение к все большему и большему восхождению в ходе эволюции для того, чтобы смочь найти этого Бога. Утверждать, что на какой-либо ступени жизни имеют в себе Божественное, имеет лишь тогда смысл, если постигают это Божественное в непрестанном стремлении вперед — ввысь, к «себе самому» того человека, в котором оно еще пребывает. Синтез этих обоих воззрений несомненно совершился бы, если бы эта личность, о которой я сейчас говорю, смогла бы достичь тогда на соборе сколько-нибудь достаточного влияния.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Эта личность удалилась затем, глубоко опечаленная, в египетское отшельничество и вела необычайно аскетический образ жизни; она была основательно знакома со всем тем, что тогда — в четвертом столетии — было действительно духовной субстанцией христианства; она была,

пожалуй, одним из наиболее эрудированных (*bestunterrichtet*) христиан того времени, но она не была борцом.

Уже то, как эта личность выступала на соборе, показало человека всесторонне взвешивающего все, спокойного, но в то же время необычайно воодушевленного, но его воодушевление не распространялось на мелочи и на односторонности прочих людей, впадавших в воодушевление.

Это был человек, которому было не то чтобы тошно (*angeeckeltwar*) — это было бы неправильным выражением, — но которому было необычайно горько, что ему ничего не удалось добиться; ибо он был глубоко убежден, что благо для христианства могло бы произойти лишь тогда, если бы проникло в жизнь это его воззрение.

Итак, он удалился в пустыню и стал отшельником. Он стал отшельником до конца своей жизни, но при этом он, следуя глубокому стремлению своей души, посвятил свой жизненный путь постижению происхождения инспирации мышления. Мистическое углубление его было направлено на то, чтобы установить, откуда же мышление получает свою инспирацию. Это сконцентрировалось в едином великом устремлении — найти первоисточник мышления в духовном мире. И под конец эта личность была совершенно преисполнена этим страстным устремлением. Так она и умерла с этим устремлением, не найдя тогда в этой своей земной жизни конкретного результата, не получив ответа. Его не было. Время для этого было неблагоприятное.

И вот эта личность пережила при переходе через врата смерти нечто своеобразное. В течение десятков лет после смерти могла она взирать обратно на земную жизнь в свете того, к чему она пришла в конце своей жизни. Эта личность могла при обратном рассмотрении минувшей жизни лицезреть в том, что примыкает непосредственно к смерти, то, как думает человек.

Но при этом еще не получилось полного ответа на вставший вопрос. И это важно. И без того, чтобы получить ответ на этот вопрос в виде понятия, эта личность взирала после смерти в «**РАЗУМ ВСЕЛЕННОЙ**» (*Intelligenz des Weltalls*), воспринимая его в чудесных светлых имагинациях. Она видела не мысли Вселенной — их она увидела бы, если бы ей удалось достигнуть завершения того, к чему она так стремилась, — не самые мысли Вселенной видела она, но она видела в образах как бы картину мышления Вселенной.

И так жила здесь, между смертью и новым рождением, эта индивидуальность, которая находилась в некотором роде состояния равновесия между мистически-имагинативным созерцанием и проницательным мышлением ранних времен, когда оно находилось еще в текучем состоянии и еще не пришло к своему завершению.

В том, что так сложилось кармически, победило вначале предрасположение к мистицизму. Эта индивидуальность воплотилась в Средние века как женщина — как визионерка, достигшая удивительных прозрений в духовный мир. Предрасположенность же к мышлению отступила пока на совсем задний план, а вперед выступила способность созерцания. Удивительные видения с одновременной мистической

отдачей себя Христу, необычайно глубокое пронизание души видениями визионерского образа Христианства — видениями, в которых Христос выступал как вождь воинства кротких, а не вооруженных и нападающих отрядов, воинства, которое хотело бы распространять христианство с помощью кротости, чего еще никогда в реальности не было на Земле; но так было в видениях этой монахини: особенно интенсивное христианство, которое совершенно не подходило к тому, что развивалось тогда на Земле как новая форма христианства.

В течение своей жизни эта монахиня, эта визионерка не вступала в конфликт с позитивным³ христианством, но она выросла из позитивного христианства и вросла в совсем личное прежде всего христианство, какого потом на Земле вовсе и не существовало. Так что можно сказать, Вселенная поставила перед этой личностью вопрос, как возможно осуществить такое христианство при новой инкарнации в физическом теле.

А вместе с тем после того, как эта визионерка прошла через врата смерти, опять выступили отзвуки древнего интеллектуализма, того инспирированного интеллектуализма. И последствия визионерства были, можно сказать, пронизаны идеями. И эта индивидуальность в поисках человеческого тела для новой инкарнации стала Соловьевым, **ВЛАДИМИРОМ СОЛОВЬЕВЫМ 3).**

Почитайте произведения Соловьева. Я уже неоднократно говорил о том, какое впечатление они производят на современного человека; я высказал это также в предисловии к изданным произведениям Соловьева. Попробуйте почувствовать, что находится там, между строк; та, находящаяся между строк мистика, часто кажущаяся нам удушливо жаркой (*sehr schwuhl*); то христианство, носящее индивидуальный характер, которое ясно показывает нам, что оно должно было искать такое гибкое тело, такое податливое тело, какое можно получить только у русского народа.

Я думаю, мои дорогие друзья, что если рассматривать эти примеры, то можно сохранить тот священный трепет перед истинами кармы, которые надлежат целомудренному хранению лишь в самых глубинах души; ибо тот, кто обладает пониманием особенностей наблюдений, проводимых в духовном мире, у того возникает чувство, что истина содержит в себе нечто святое, нечто заветное, с чего не следует недостойным образом снимать покровы.

Антропософию все снова и снова попрекали, особенно со стороны теологов, что она срывает покров святости, мистической таинственности с истин, преисполненных тайн, и тем профанирует их. Но как раз, если вникнуть в более глубокие, более эзотерические части антропософского мировоззрения, то ощутят то, что, поистине, не может быть и речи о таком профанировании, но что мир наполняет нас священным трепетом, когда мы взираем на жизни человека, следующие одна за другой, и на чудесное воздействие прежних жизней человека на его последующие жизни. Надо только самому-то не быть внутренне профанированным или не применять

---

³ в немецком словоупотреблении «позитивная религия» означает религию, основывающуюся на Откровении. Прим. переводчика.

своего мышления в целях профанации, и тогда не будут делать таких упреков.

Мы можем сказать: кто читает произведения Вл. Соловьева и видит на этом фоне набожную монахиню-визионерку с ее изумительными видениями, с ее бесконечной отдачей себя Существо Христу, и кто видит затем эту личность, покидающую с горьким чувством собор, на котором он выступал с такими замечательными мыслями, — кто видит таким образом христианство, выступающим дважды: в его рационалистической форме — но в инспирированно-рационалистической форме — и затем в форме визионерской, кто находит его дважды в душе и в сердце этой индивидуальности как ее фон, для того, при снятии покрыва с этой тайны, ничего не будет профанированным.

Один немецкий романтик имел однажды как-то мужество подумать иначе, чем другие, об известном изречении Изиды. Это знаменитое изречение гласит: **«Я то, что было, что есть и что будет; покрывала с меня не снимал еще никто из смертных»**. На что этот немецкий романтик ответил: **«Тогда мы должны сделаться бессмертными, чтобы снять его!»** — Другие же принимали это изречение пассивно. Если мы откроем в себе действительно бессмертное, духовно-божественное, тогда мы получим право приблизиться, не профанируя их, ко многим тайнам, к которым мы не смеем приступать, не имея достаточного доверия к божественности нашей собственной сущности.

Вот в общих чертах то настроение, которое должно все более и более распространяться под влиянием таких наблюдений, как сделанные прежде, а также и сегодня; они должны оказывать влияние на поступки и жизнь тех, кто, как это было описано, присоединяет свою карму к Антропософскому Обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) **СКЕПТИЦИЗМ** (от греческого *skeptikos* — разглядывающий, расследующий), философская позиция, характеризующаяся сомнением в существовании какого-либо надежного критерия истины. Крайняя форма скептицизма — агностицизм. Направление древнегреческой философии: ранний скептицизм (Пиррон), скептицизм платоновской Академии (Аркесилай, Карнеад), поздний скептицизм (Энесидем, Секст Эмпирик и др.). В новое время (16-18 вв.) синоним свободомыслия, критики религиозных и философских догм (Мишель Монтень, П. Бейль и др.).

2) **МАЗАРИНИ** (итал. *Mazarini*, франц. *Mazarin*) Джулио (1602-1661), кардинал с 1641, первый министр Франции с 1643. Итальянец по происхождению. Вел борьбу с Фрондой в детские годы короля Людовика XIV. Добился политической гегемонии Франции в Европе.

3) **СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич** (1853-1900), русский религиозный философ, поэт, публицист. В учении Соловьева об универсуме как «всеединстве» христианский платонизм переплетается с идеями новоевропейского идеализма, особенно Ф.В. Шеллинга, естественнонаучным эволюционизмом и неортодоксальной мистикой

(учение о *мировой душе* и др.). Проповедовал утопический идеал всемирной теократии, крах которого привел к усилению эсхатологических настроений Соловьева. Оказал большое влияние на русский идеализм и символизм.

Девятая лекция

21 сентября 1924 г., Дорнах

Лекции, которые я теперь читаю под тем впечатлением, что здесь присутствует так много друзей, прибывших со всех сторон, — они в основном имеют своей целью дать, исходя из кармы, изложение, которое по меньшей мере в некоторых отношениях должно привести к пониманию современной духовной жизни в спиритуальном смысле. И я хотел бы тем, что в известном смысле образует некий вид единства, завершить изложение в последней из этих лекций в ближайший четверг.

Сегодня я хотел бы на одном примере показать, как трудно бывает внести в современность то, что действительно есть подходящая для этой современности духовная наука. Я хотел бы сегодня дать ответ на этот вопрос, исходя не из внешних отношений, но на одном кармическом примере. Этот пример касается, правда, одной индивидуальности, которая является вовсе не типичной, но особенной. Однако посредством этого можно показать, насколько трудно в современную земную жизнь внести то, что ведь каждый человек естественно приносит с собой из прошлых земных жизней, — приносит с собой таким образом, что он (за исключением, может быть, самой последней инкарнации) сохранял непосредственно или же, по меньшей мере, по традиции первоначальное отношение к духовному миру. Это может нам показать, насколько трудно внести более раннее спиритуальное, на спиритуальный лад воспринятое, в современную телесность человека при современных условиях воспитания и цивилизации.

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА — ОТТО ВЕЙНИНГЕР

Для этого я хотел бы развернуть здесь перед вами ряд последовательных земных жизней одной индивидуальности, которые должны показать вам все возможные препятствия, какие могут оказаться против такого внесения спиритуального в теперешнее время и которые могут также помочь обнаружить, как эти затруднения были уже подготовлены в прошлых земных жизнях данного человека.

Рассмотрим сперва, мои дорогие друзья, одну человеческую индивидуальность в ее инкарнации в шестом дохристианском столетии, — собственно в то время и несколько позднее, когда имел место увод иудеев

в вавилонский плен. Тогда при наблюдении этого времени мы наталкиваемся на женскую инкарнацию. Она принадлежала к иудейскому племени, но при уводе иудеев в вавилонский плен, а собственно, прежде чем иудеи были приведены в Вавилон, сумела убежать и затем в Передней Азии восприняла учения, которые тогда там были (эта женщина дожила до довольно старого возраста). Восприняла она именно то, что с великой интенсивностью и сильной проникновенностью еще жило тогда в Передней Азии и что самым различным образом разрабатывало то мировоззрение, которое можно назвать заратустровым мировоззрением — с его резким дуализмом, описанным в одной из глав моего «Тайноведения». Этот дуализм с одной стороны признавал, почитал Аура Маздао, Великого Духа Света, Который ниспосылает свои импульсы в развитие человечества, чтобы быть Источником Добра, Величия, Красоты; Он имеет своих Духов-служителей (Амшаспандов) вокруг Себя подобно тому, как Солнце в сиянии откровения Лица Неба окружено двенадцатью созвездиями Зодиака. Тут мы имеем светлую сторону этого, восходящего в древней Персии, дуализма, а затем мы имеем ариманического Супостата, который вносит в мировое развитие человечества мрак, но также и зло, — препятствия повсюду, дисгармонические образования.

Это учение было связано с проникновенным познанием конstellации небесных светил — в смысле астрософии или астрологии древних времен. Та индивидуальность, в своей тогдашней женской инкарнации, могла все это воспринять благодаря тому, что она имела своего рода учителя и друга в одной мужской личности, которая была посвящена во многие из этих переднеазиатских учений, в частности, в халдейскую астрологию (*sternkunde*).

Итак, имел место живой обмен мыслями между этими двумя личностями во время, последовавшее за уводом иудеев в вавилонский плен. И мы наблюдаем то замечательное явление, что женская личность благодаря власти впечатлений, которые она получила, — благодаря всему тому, что она восприняла чрезвычайно чувствительным, интересным образом, — она стала внутренне ясновидящей и могла обозревать Вселенную в видениях, передававших космический распорядок.

Мы тут действительно имеем дело с замечательной индивидуальностью, в которой, так сказать, ожило все то, что было обсуждено, что было проработано сообща с подружившимся с нею упомянутым полупосвященным из Передней Азии. И этой женской личностью овладело настроение, которое можно передать так: «Ах, чем, в конце концов, были все идеи, которые я восприняла во время учения, по сравнению с мощной панорамой имагинаций, которые стоят теперь перед моей душой!» — Это отметила женская личность в отношении ее визионерских имагинаций.

И как раз это ее настроение вызвало определенное разногласие между обеими упомянутыми личностями. Мужская личность придавала больше значения мыслительному прослеживанию мировоззрения, тогда как женская личность все больше и больше отдавала предпочтение образному. И можно сказать, что обе эти личности почти одновременно прошли через врата смерти, но с некоторым недовольством друг другом.

И вот, результаты этих земных жизней, сказал бы я, своеобразно сплелись вместе, так что после смерти имело место чрезвычайная интенсивность обеих индивидуальностей при переживании их земных жизней в обратном направлении, а также при выработке кармы между смертью и новым рождением. Интенсивная совместная жизнь была результатом этого особенного земного существования сообщества. Мы находим это в особенности у женской личности, у которой после смерти в конце концов больше не осталось в столь сильной степени предпочтение, отдававшееся ею визионерским имажинациям. Более того, мы находим у этой женской личности после ее смерти появление затем своего рода жажды — в ближайшей земной жизни постигать вещи в мыслительной форме; тогда как в ее земной жизни, только что описанной мною, она постигала вещи более в словесной форме, так что они потом из переживания их в словах переходили в переживания визионерского имажинирования.

И вот эти обе личности, столь сильно кармически связанные друг с другом, обе снова родились во время первых христианских столетий, когда духовная субстанция христианства, как мнилось, выражалась в некоторой научной работе. Я здесь уже упоминал прежде о том, что как раз многие из тех душ, которые теперь честным образом пришли к антропософии, сопереживали христианство в эти первые христианские столетия, но сопереживали его в гораздо более жизненной форме, чем это совершалось позднее. И мы видим тут весьма замечательное явление.

Мы видим выступление одного человека, который в отношении его кармы не имеет никакого дела с теми двумя индивидуальностями, о которых я говорю, но который теперь оказался связан с ними исторически как их современник. Мы видим в лице **МАРЦИАНА КАПЕЛЛЫ 1)** (первая половина V века) выступление руководящей, задававшей тон личности того времени. Это есть та самая личность, которая прежде всего написала авторитетную, основополагающую книгу о «Семи свободных искусствах», какие потом играли большую роль во всяком воспитании и обучении на протяжении всего Средневековья. Эти «Семь свободных искусств» (умений) — **ГРАММАТИКА, РИТОРИКА, ДИАЛЕКТИКА, АРИФМЕТИКА, ГЕОМЕТРИЯ, АСТРОНОМИЯ И МУЗЫКА** — давали в своей совокупности то, что тогда называли познанием природы и Вселенной.

Книга Марциана Капеллы сперва кажется несколько сухой, бесцветной. Однако, мои дорогие друзья, надо знать, что такие книги именно в первые времена Средневековья вели свое происхождение из спиритуальных глубин; подобным же образом и позднейшие изложения, вышедшие из школы Шартра, также еще имеют бесцветный, каталогизирующий характер. И то, что в сухом, бесцветном изложении находится у Марциана Капеллы о семи свободных искусствах и о действующей за ними Природе, надо суметь разглядеть как излияние некоторых инстинктивных, высших прозрений. Ибо то самое, чем были эти семь свободных искусств (и о чем мною уже было сказано в этих лекциях), — это в действительности представлялось тогда как нечто сущностное, как сама Природа в целом. И когда такие личности, как Марциан Капелла и другие, описывали эти

вещи сухо, то они тем не менее были вполне осведомлены в том обстоятельстве, что все это можно узреть ясновидчески, — что диалектика, риторика и т.д. суть живые существа, являющиеся инспираторами человеческих умений и человеческой духовной деятельности; и что богиню Природу надо представлять себе совершенно подобно древней Прозерпине (как я это уже разьяснял здесь). В этом течении — в том, что тогда стало у человечества под влиянием того, что было заложено в семи свободных искусствах и в прозрении царящей над ними Природы, — в этом течении полностью находилась, перевоплотившись, та женская личность, о которой я говорил, но теперь — в **мужской инкарнации**. В мужской инкарнации она с самого начала внесла в мужское тело, в мужской рассудок предрасположение к тому, чтобы не прямо выражать в мыслях познаваемые вещи, но сначала пережить, выразить их в визионерских прозрениях.

Можно сказать: пожалуй, у немногих личностей тогдашнего времени — в конце пятого столетия, в начале шестого столетия — у немногих таких личностей, которых можно обозначить в качестве учеников Марциана Капеллы, жило совершенно зримым, живым образом то, что было духовным содержанием эпохи. Та же личность, которая теперь жила в мужской инкарнации, могла прямо говорить о своем общении с инспирирующими властями (*Machten*) диалектики, риторики и т.д.; она была преисполнена лицезрением духовных действий.

И она снова встретилась с той другой личностью, что была мужской, с мужским умом в своей предыдущей инкарнации, а теперь перевоплотилась в женщину. И большой умственной культурой (*Intelligenz*) была наделена эта личность в теперешней женской инкарнации. И опять (мы видим, как тут действует Карма — как это обусловлено кармически) опять между ними возникает интенсивный духовный обмен, не скажешь — идеями, но прозрениями, — возникает совсем живая, духовная, интенсивная совместная работа.

Нечто примечательное образуется у той личности, которая в предыдущем дохристианском воплощении была женщиной, а теперь родилась мужчиной. Примечательным у этой личности было то, что ее могучие познания проистекали из столь живых визионерских прозрений, которые бывают связаны с женской натурой вообще, склонной к визионерской жизни. Эта, теперь мужская личность, обладала всем основным характером визионерской жизни, как перешедшим к ней из ее предыдущей женской инкарнации. И благодаря этому ей открылись бесчисленные тайны, относящиеся к взаимодействию Земли и Луны, — бесчисленные тайны касающиеся, например, половой жизни, воспроизведению людьми себе подобных. Как раз в этих областях эта, теперь мужская, личность особенно преуспела в познании.

И вот обе эти личности опять прошли через врата смерти, чтобы снова проделать жизнь между смертью и новым рождением и еще в сверхчувственном мире пережить наступление эпохи души сознательной, — продвинуться там навстречу эпохе души сознательной. Потом та личность, которая была описана мною сперва в ее женской инкарнации, а затем в ее следующей мужской инкарнации, родилась

опять в **мужской инкарнации**. Очень интересно то, что обе рассматриваемые личности опять родились в одно время. Но другая личность, которая в своей предыдущей инкарнации (значит, второй из рассматриваемых) была женщиной, теперь родилась мужчиной. Таким образом обе рассматриваемые личности теперь одновременно родились в мужских инкарнациях. Одна из них должна преимущественно интересовать нас — именно та, которая в древнее время была женщиной чисто иудейского племени, а затем в раннехристианское время родилась мужчиной, который по своему физическому происхождению был чрезвычайно смешанной крови. Эта личность потом родилась в шестнадцатом столетии как итальянский утопист **ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА 2)** (1568-1639). Поистине примечательная личность!

Рассмотрим поточнее жизнь Томмазо Кампанеллы, поскольку это необходимо для понимания кармы. Он родился с чрезвычайно сильной восприимчивостью к получаемому им христианскому воспитанию, так что уже в своей ранней молодости штудировал «Сумму» **ФОМЫ АКВИНСКОГО**. Исходя из тех настроений, которые он усвоил себе благодаря своей прежней визионерской жизни, но которые все больше постепенно превращались в противоположное настроение, которые теперь побуждали его изучать вещи мыслительным путем, живет он в том сильном мыслительном элементе, который находится в «Сумме» Фомы Аквинского, ревностно им штудируемой; и в шестнадцатилетнем возрасте он становится доминиканцем.

Однако в его мышление, которое он хотел строжайшим образом вести в том направлении, какого придерживалась мысль в «Сумме» Фомы, стало непрестанно проникать какое-то беспокойство, проистекавшее из той спиритуальной, атаквистически-визионерской жизни, которая прежде в нем наличествовала.

Примечательно, что Кампанелла ищет опорных пунктов для того, чтобы внутренне упорядочить то, что некогда было его достоянием как космические прозрения визионера. И в то время, как он, с одной стороны, становится со всем душевным рвением доминиканцем, а именно в монастыре в Козенце, с другой стороны — и это примечательно — Кампанелла заводит знакомство с одним очень почитаемым евреем-кабалистом; он связывает изучение еврейской кабалистики с тем, что всплывает в нем как последующее действие его древней визионерской жизни, а также связывает это с тем, чем стало учение Фомы Аквинского в доминиканском ордене. Все это живет в нем вместе со страстной тоской по визионерству. Он хотел бы сделать нечто такое, что могло бы эту его столь светлую, внутреннюю духовную жизнь как-то явить во внешнем мире. Ибо в его душе (этого не найти в имеющихся биографиях Томмазо Кампанеллы, но обнаруживается для духовного, ясновидческого наблюдения) нечто как бы гласило: «Да, все же есть духовное позади всех вещей; также и внутри человеческой жизни должен быть тот же Дух, что есть во Вселенной».

Все это оказывало свое действие также на эмоциональную сферу Томмазо Кампанеллы. Он живет в Южной Италии. Южная Италия была порабощена Испанией. Он принимает участие в одном заговоре с целью

освобождения Южной Италии и, будучи схвачен испанцами, подвергается тюремному заключению, в котором он томится с 1599 года до 1626 года; иначе говоря, он живет в эти годы, будучи отрезан от окружающего мира, — его земное существование было, собственно, погашено на эти двадцать семь лет.

Томмазо Кампанелла, когда он подвергся заточению в темницу, был в самом начале тридцатилетнего возраста. Последующие долгие годы он проводит в тюрьме.

Но что он вообще за дух? Что он за личность? Он выдвигает идею государства Солнца. Из его прошлых инкарнаций в душе Томмазо Кампанеллы просвечивает всякое астрологическое, связанное с лицезрением духовного мира. Он измышляет социальную утопию и описывает в своих сочинениях некое государство Солнца, в котором, как он верит, благодаря разумному социальному устройству смогут стать счастливыми все души. То, что он описывает как город Солнца, как государство Солнца, несет черты монастырской строгости — нечто из того, что Кампанелла воспринял из монашеского ордена доминиканцев. В том роде и способе, как он мыслит себе государственное устройство, наряду с некоторой монастырской строгостью есть, с другой стороны, чрезвычайно много от древней духовности.

Во главе этого государства, которое должно быть идеальным государством, должен стоять верховный правитель — своего рода верховный метафизик и так далее, который должен, исходя из духа, находить руководящие линии для конфигурации государства, для управления государством. Ему подчинялись другие чиновники во главе с первым министром, которые должны были осуществлять во всех частностях правила государства Солнца. Эти правила возникли, всплывая из души Томмазо Кампанеллы благодаря его карме как реминисценции его прозрений, достигнутых в прошлых земных жизнях. Таким образом он хотел, чтобы это государство Солнца управлялось, исходя из знания астрологических принципов. Конstellляции небесных светил должны будут тщательно наблюдаться. Браки должны будут заключаться сообразно этим конstellляциям; зачатия должны происходить тогда и так, чтобы роды падали на определенные конstellляции, заранее вычисляемые, — иначе говоря, чтобы люди рождались на Земле, так сказать, с уже известной своей судьбой. Конечно, человек девятнадцатого или двадцатого столетия, невропатолог или психиатр девятнадцатого или двадцатого столетия, если бы ему попало в руки такое сочинение, сказал бы, что ему место в библиотеке больницы для сумасшедших. Вскоре вы увидите, что психиатр двадцатого столетия высказал подобное суждение.

Сопоставьте эти две вещи. Есть личность, которая имеет эти жизненные условия как последствия ее прошлых земных жизней, ее прежних поступков. Есть человек, который хочет из силы Солнца и других небесных светил почерпнуть руководящие линии для управления государством на Земле, — человек, который хочет, так сказать, внести Солнце в земную жизнь и который больше двадцати лет томится в темнице и может видеть солнечное сияние в природе только через узкий

проем в своей тюремной камере; в его душе в мучительных чувствованиях, ощущениях изживалось все возможное из того, что прежде, в прошлых земных жизнях, вступило в его душу.

Потом благодаря папе **УРБАНУ VIII** Томмазо Кампанелла был освобожден из тюрьмы, уехал в Париж, обрел там благосклонность **РИШЕЛЬЕ**, стал получать пенсию и провел остаток своей жизни в Париже.

А вот важная особенность. Тот еврей-раввин, с которым Томмазо Кампанелла завел знакомство в Козенце и от которого он воспринял каббалистическую настроенность своего мышления, благодаря чему в нем смогло ожить из прошлого гораздо больше, чем в ином случае, — тот еврей-каббалист был третьим перевоплощением той личности, что была (в описанных мною инкарнациях) мужчиной в первой своей инкарнации и женщиной во второй.

Итак, мы видим взаимодействие их обоих; когда они оба снова прошли через врата смерти — Томмазо Кампанелла и его друг, еврейский раввин, то мы видим, как в той индивидуальности, которая в своем последнем воплощении была Томмазо Кампанеллой, образовалась примечательная оппозиция против того, что она восприняла в своих прошлых земных жизнях. И она ощущает это таким образом, что говорит себе: «Что могло бы стать из всех тех годов, которые я провел, томясь в темнице, где я мог только через узкий проем видеть солнечный свет в природе!» — Эта индивидуальность постепенно приходит к своего рода отрицанию, к антипатии по отношению к тому, что она в прошлом, в дохристианские времена и в первые века христианства, имела как духовные видения, прозрения. И тут мы наблюдаем то примечательное явление, что с наступлением эпохи души сознательной одна индивидуальность развивается дальше в сверхчувственном мире таким образом, что она, собственно, становится враждебной по отношению к тому, что было древней спиритуальностью.

Видите ли, мои дорогие друзья, такой путь прошли, собственно, многие души. Уже перед их земной жизнью вследствие того, что они провели в потустороннем мире свою сверхчувственную жизнь в эпоху души сознательной, становятся они враждебными по отношению к прежним спиритуальным переживаниям. Ибо действительно трудно то, что раньше переживалось спиритуально, внести в современное тело человека. Современное земное тело и современное земное восприятие приводят человека к рационализму и к интеллектуальности.

И вот эта индивидуальность, которая в своем последнем воплощении была Томмазо Кампанеллой, усмотрела, в той ее земной жизни, которая последовала за жизнью Кампанеллы, единственную возможность создать некий противовес, выравнивающий прошлое, — и сделать в новой, сравнительно преждевременно наступившей, земной жизни. Но это давалось ей нелегко в силу тех условий, которые тогда были. Ибо с одной стороны эта личность еще в сверхчувственном мире чрезвычайно сильно выросла в элемент сознательности первого времени эпохи души сознательной, а именно в рационализм и интеллектуализм. А с другой стороны при переживании в обратном направлении времени заключения

Кампанеллы в темницу все опять и опять прорывались в душу ее прежнее визионерство, спиритуальное прозрение.

Эта индивидуальность, так сказать, загрузила душу всяческой склонностью к интеллигентной смышлености; она отклоняла прошлое, прежнее, и у нее это отклонение прошлого примечательным образом постепенно приняло совершенно личный характер, совершенно индивидуальный характер. Развилась антипатия против той ее женской инкарнации в дохристианское время и вместе с этим — антипатия против самих женщин вообще. Тут вступило в действие отрицательное отношение к женщинам как личное, индивидуальное. И так как это совершается в карме, возникает не что-то теоретическое, но личное свойство, личный темперамент, личная симпатия или антипатия — в данном случае антипатия.

Так образовалась для этой личности возможность на сей раз прожить земную жизнь в свободном общении с окружающим миром, тогда как в своем последнем воплощении — в жизни Кампанеллы — она долго провела в тюремном заключении.

Прошу вас, поймите это правильно. Теперь та другая личность не появляется вместе с этой, ибо для той не было этого побуждения. Итак, эта индивидуальность, прошедшая через три, описанные мною, земные жизни, в которых та другая личность всегда была для нее чем-то, что поддерживало ее и вело в жизни, — теперь эта индивидуальность пришла к возможности пережить в земной жизни то, что было упущено ею во время двадцатисемилетнего тюремного заключения Кампанеллы. То, чего она была лишена во время этого заточения в темницу, давала ей возможность пережить новая земная жизнь.

Что же было последствием всего другого, бывшего в прошлом? Подумайте о следующем. Когда Кампанелле было около тридцати лет, его постигло долгое тюремное заключение. Представьте себе степень зрелости человека эпохи Ренессанса, когда ему исполнилось около тридцати лет. Теперь действует то, что было тогда упущено, но теперь все стало другим: спиритуальное и рационалистическое притекают, проникают, излучаясь извне. Повсюду в окружающем мире есть свет, и только годы, проведенные в темнице, погружены во тьму. Все это, излучаясь, пронизывает друг друга: ясновидение, женоненавистничество, о происхождении которого я уже сказал, но также и очень сильная смышленость. Все это переплетается, взаимодействует таким образом, как это может выступать при той степени зрелости, какая была у тридцатилетнего человека эпохи Ренессанса.

Теперь опять имеет место мужская инкарнация. Он родился около предпоследнего десятилетия девятнадцатого столетия. В детское тело было включено то, что стало, собственно, определяющим в его более позднем возрасте. Нисколько не удивительно, что подросток оказался чрезвычайно рано созревающим. Само собой разумеется, тут действовали детские силы роста, но совместно с тем, что было упущено в годы тюремного заключения, — со зрелостью тридцатилетнего человека. Отсюда — скороспелость, преждевременное созревание. Так играет Карма.

Одна примечательная склонность выступает у него при этом, сказал бы я, в намерстывании того, что было упущено в прошлой земной жизни. В нем опять брезжат древние астрологические воззрения, древние прозрения, касающиеся спиритуального во всем мире природы, какие в столь большой мере были у этой индивидуальности в ее воплощении в первые христианские века. Это выступает, впрочем, по-детски, но тем не менее так сильно живет в нем, что он поэтому питает антипатию к математически разработанному естествознанию. И когда он затем в девятых годах девятнадцатого столетия поступает в гимназию, то блестяще учится по словесности, иностранным языкам и всему тому, что не естествознание, не математика. Но любопытно (для того, кто в состоянии судить о кармических взаимоотношениях, которые при ясновидческом постижении действительно повергают, сказал бы я, в состояние счастливого смущения), любопытно то, что он одним мигмом овладел, кроме французского и итальянского языков, также и испанским, чтобы в свою ментальность, если я смею так выразиться, внести то, что раньше побуждало его восставать против испанского господства, — чтобы снова возобновить переживание.

Вы видите, как действует Карма, — как она вторгается в эту индивидуальность! Это ведь поразительно, что этот мальчик независимо от школы стремительно изучил такой далекий язык, как испанский, — изучил только потому, что его отец «случайно» питал пристрастие к этому языку (это опять-таки проистекает из Кармы). Это означает собой полное осуществление влияния его душевного склада. Так что этот основной тон переживаний заключенного в темницу, когда его преисполняло возмущение против Испании, снова всплыло в его душе таким образом, что испанский язык стал в нем живым и пронизал его идеи, его мысли. Именно то, что было самым горьким переживанием во время этого заключения в темницу, пронизывает ту область подсознания, где как раз правит воспринятый язык. Когда он поступает в Университет, то приступает к занятиям естествознанием, ибо этого требует наступившая эпоха. Если в наше время хочешь стать образованным человеком, надо в той или иной мере изучить естествознание.

Теперь я могу сказать вам — кто же этот он, ибо я буду рассказывать о нем дальше: это — злополучный **ОТТО ВЕЙНИНГЕР З** (1880-1903).

И вот после того, как Отто Вейнингер получил в Университете естественнонаучное образование, он все то, что кипит, клопочет в нем так, как это может быть только в той земной жизни, которая является намерстыванием большого пробела в его прошлой земной жизни, — все это он вносит в свою докторскую диссертацию, за которую ему присвоена Венским Университетом ученая степень доктора философии и которую Вейнингер после доработки выпустил в виде толстой книги **«ПОЛ И ХАРАКТЕР»**.

В этой книге «Пол и характер» клопочет все то, что пережито прежде. Можно заметить, как порой вспыхивает утопизм Кампанеллы вместе с древним воззрением, которые получают удивительное выражение. Что такое есть нравственность? На этот вопрос Вейнингер дает такой ответ: сияющий в мире природы свет есть выражение нравственности. Кто знает

свет, тот знает нравственность. Поэтому в глубоководной фауне и флоре, которая живет без света, надо искать источник безнравственного на Земле.

И чудесные интуитивные прозрения находятся у Вейнингера, как, например следующее: Как надо рассматривать собаку с ее примечательным выражением морды? Что обнаруживает оно? — То, что собаке чего-то не хватает, — что она что-то утратила, а именно, утратила свободу.

Так вы можете найти у Вейнингера кое-что от сновидения, спаренное с крайним рационализмом. И можете также найти ненависть к тому, чем ему довелось быть в одном из прошлых воплощений, но она изживается не в ненависти к тому, что он действительно сознавал бы, но в бессознательной ненависти к своей женской инкарнации, которая выражается в его книге «Пол и характер» в женоненавистничестве, доходящем до глупости (*zur Albernheit*). Все это показывает, как много может быть в человеческой душе спиритуальности, то, как это многое при переживании в сверхчувственном мире с наступлением эпохи души сознательной может соединиться с интеллектуализмом; как оно не может найти своего выражения в современную эпоху, хотя хочет этого, — даже тогда, когда нынешняя земная жизнь есть всего лишь наверстывание периода жизни, утраченного в прошлом воплощении.

Примечательные наклонности выступают у Вейнингера, опять-таки чрезвычайно многозначительные для того, кто может постигать кармические взаимозависимости. Его биограф описывает, что Вейнингер к концу своей жизни усвоил привычку смотреть из темного помещения через совсем маленькое отверстие на освещенную поверхность, и что это доставляло ему особенную радость. Тут перед нами в этой самой непосредственно жизненной привычке вспыхивает целая жизнь, проведенная в темнице.

Надо еще упомянуть об одной детали, которая опять-таки является чрезвычайно важной для наблюдения Кармы. Естественно то, что Вейнингер принадлежал к читателям сочинений Ницше. И помыслите себе все то настроение, которое жило в душе Вейнингера при чтении «По ту сторону добра и зла» Ницше! Подобно взрыву бомбы поразило душу Вейнингера утверждение в изложении Ницше, что истина, мол, это — женщина. Это его переживание полностью окрашено женоненавистничеством Вейнингера, уже мною описанным.

Вот ему исполнилось двадцать два года, пошел двадцать третий год, Все оказывало на него сильное действие. В его душе образуются примечательные привычки. Его болезненно затрагивает солнечный закат, так как наступающая вечером темнота вызывает скрытое воспоминание о заключении в темнице в прошлой земной жизни. Поэтому Вейнингер всегда ощущает солнечный закат как нечто, для него непереносимое. Но он обладает в своем юношеском теле зрелостью тридцатилетнего мужчины. Конечно, когда малоодаренный человек задирает нос, самодоволен, это — некрасиво, но здесь, исходя из всей кармы Вейнингера, можно понять, почему он считал себя за какого-то особенного человека.

У него, естественно, обнаруживаются также самые различные ненормальности, ибо эта его жизнь была наверстыванием прошлой жизни в темнице. Тут не всегда поступают самым обычным, нормальным образом. Будучи осуществлением Кармы, эти ненормальности могут вызвать у одного психиатра впечатление проявлений эпилепсии. Такое впечатление производил также Вейнингер. Однако эта эпилепсия была последствием прошлой жизни в темнице, и ее проявления были тогда защитными действиями, которые теперь не имели никакого смысла при жизни на свободе, но были кармическим повторением прошлого. Вейнингер не был на самом деле больным эпилептиком. И нас не удивляет то, что он по достижении двадцатилетнего возраста неожиданно испытал смутное побуждение поспешно предпринять совсем одному путешествие в Италию. Во время этого путешествия Вейнингер пишет весьма удивительную маленькую книгу «О последних вещах», где находятся описания элементарного мира природы, которые производят впечатление, как если бы кто-то захотел дать карикатурные, хотя и величественные описания Атлантиды, какие с психиатрической точки зрения являются вполне безумными. Однако это надо рассматривать кармически. Вейнингер совершает поспешное путешествие в Италию и, вернувшись обратно, проводит некоторое время вблизи Вены, в Брунне — в гористой местности. Вернувшись из Италии, он записывает еще некоторые мысли, пришедшие ему в голову во время его итальянского путешествия; это — величественные (*grossartige*) идеи о созвучии морального с природным. Затем Вейнингер поселяется в том доме, в котором умер Бетховен, проживает несколько дней в той комнате, где скончался Бетховен, и кончает самоубийством, застрелившись. Его Карма исполнилась. Застрелился Вейнингер в силу внутреннего побуждения, ибо у него создалось представление, что он стал бы совсем плохим человеком, если бы продолжал жить дальше. Ему не открывалась возможность жить дальше.

Рассмотрите, мои дорогие друзья, с этой точки зрения сочинения Отто Вейнингера. Взгляните на все те препятствия, какие встречает душа, которая таким, отклоняющимся от кармы, образом переходит из эпохи Ренессанса в теперешнюю современность; взгляните на те препятствия, которые встают перед ней при поиске спиритуального вопреки тому, что она сама имеет столь много спиритуального в своих подсознательных глубинах; и выведите отсюда заключение обо всех тех препятствиях, которые существуют в эпоху Михаила на пути к верному осуществлению требований этой эпохи Михаила.

Ибо естественно помыслить о том, что если бы душа Вейнингера смогла воспринять спиритуальное мировоззрение, то она, несмотря на все препятствия, смогла бы продолжать свое развитие, а не просто покончить самоубийством эту свою земную жизнь.

Однако — и это уже имеет свое значение — проследить таким образом, как древняя спиритуальность развивается в человеческих душах вплоть до нового времени и потом застопоривается, — и это уже имеет значение, — усмотреть именно на таких интересных примерах, каким образом она застопоривается.

Я думаю, что можно было все же глубоко заглянуть в кармические взаимозависимости, которые проливают свет и на некоторые кармические взаимозависимости духовной жизни современности, описав эти четыре последовательные инкарнации одной как-никак чрезвычайно интересной индивидуальности, охватывающие ее жизнь, начиная с шестого века до Мистерии Голгофы и доходя до современности. Мы имеем здесь тот промежуток времени, в который включено все то, что нам надлежит понаблюдать, если хотим понять жизнь нашей современности.

Я гораздо больше предпочитаю описывать такие вещи на примерах конкретных переживаний человеческой души, чем абстрактно обсуждать их.

Поэтому я привел этот эпизод, а во вторник вечером я закончу этот цикл лекций для членов Общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

1) **КАПЕЛЛА Марциан** (5 в.), позднеантичный писатель и педагог. Автор энциклопедического труда «Сатирикон», в котором развил систему «семи свободных искусств», ставшую основой европейского образования в эпоху Средневековья и Возрождения.

2) **КАМПАНЕЛЛА** (Campanella) Томмазо (1568-1639), итальянский философ, поэт, политический деятель; создатель коммунистической утопии; монах-доминиканец. В «Философии, доказанной ощущениями» защищал натурфилософию. Неоднократно обвинялся в ереси. В 1598-99 возглавил в Калабрии заговор против испанского владычества, был схвачен, ок. 27 лет провел в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в т.ч. «Город Солнца» — произведение в форме рассказа мореплавателя об идеальной общине (в рамках всемирной теократии), руководимой учено-жреческой кастой и характеризующейся отсутствием частной собственности, семьи, государственным воспитанием детей, общеобязательным трудом при 4-часовом рабочем дне, развитием науки и просвещения. Автор канцон, мадригалов, сонетов.

3) **ВЕЙНИНГЕР** (Weininger) Отто (1880-1903), австрийский философ, автор книги «Пол и характер» (1903), пользовавшейся сенсационным успехом в Австрии и Германии в первые десятилетия 20 в. Демонстративно покончил жизнь самоубийством в доме, где скончался Бетховен.

Десятая лекция

23 сентября 1924 г., Дорнах.

Из рассмотрений, проведенных в минувшее воскресенье, вы могли во

всяком случае усмотреть то, что человеку, каким он является теперь телесно и вследствие получаемого воспитания, нелегко внести в современную инкарнацию (даже если она столь примечательна как та, о которой мною было сказано в минувшее воскресенье) то, что он имеет внести, как спиритуальное содержание, из своих прошлых инкарнаций. Ибо мы живем теперь в эпоху развития души сознательной, — в эпоху такого душевного развития, при котором особенно вырабатывается интеллект, который теперь господствует над всей жизнью, хотя люди еще часто поступают, следуя своим чувствованиям и особенностям характера. Интеллект есть та самая душевная способность, которая в наибольшей мере эмансипировалась от элементарно-человеческого, — от того, что человек несет в себе, как свое более глубокое душевное существо.

Сознание об этой эмансипации интеллектуального приходит тогда, когда говорят о холодном рассудке, в котором люди выражают свой эгоизм, в котором люди выражают свое безучастие, свое отсутствие сочувствия к другим людям, зачастую даже к близким. Холодным рассудком обозначается преследование всех тех целей, которые не восходят к идеалам души, но проистекают из оснований полезности и тем самым предписывают людям их жизненные пути.

В этих фактах выражается ощущение того, что рассудочное, интеллектуальное, рационалистическое эмансипировалось от человеческого в человеке. И кто вполне прозревает, в какой высокой степени интеллектуализированы нынешние души, тот понимает также, каким образом в каждом конкретном случае Карма будет вносить в нынешние души то, что было испытано этими душами в прошлые времена также и от высокой спиритуальности.

ПЛАТОН — ГРОСВИТА — ШРЕЕР

Подумайте только о следующем. В прошлый раз я показал вам один специальный пример, но возьмем теперь такую душу, которая в столетиях, предшествовавших Мистерии Голгофы, и в столетиях, последовавших за Мистерией Голгофы, жила таким образом, что духовный мир был для нее само собой разумеющейся реальностью, что она на основании ее собственных опытов могла говорить о духовном мире, как о мире, столь же наличном, как цвета, тепло или холод мира внешних чувств.

Все это заложено внутри души. Все это во время между смертью и новым рождением, или также при его повторениях, находится во взаимоотношениях с духовными мирами высших Иерархий. Многообразное вырабатывается тогда в этой душе.

Но вот, скажем, такая душа, в силу других кармических взаимосвязей, должна снова воплотиться в теле, полностью предназначенном для интеллектуализма, которое в условиях современной цивилизации способно воспринимать одни только ходячие понятия, относящиеся лишь к миру внешних чувств. Тогда возможно только одно, а именно: для этой инкарнации то, что восходит к спиритуальности, оттягивается назад в подсознание, и в интеллекте, который развивает такая личность, может быть обнаружен известный идеализм, склонность к всевозможным идеям

красоты, добра, истины; однако дело не доходит до того, чтобы те вещи, которые заложены в душе, поднимались из подсознания в обыкновенное сознание. Ныне существует много таких душ. И для того человека, который в состоянии ясновидчески воспринимать мир оком, обученным верно видеть спиритуальное, — для этого человека некоторые человеческие лица ныне вступают в противоречие с тем, что выступает в жизни у данных людей. Лицо гласит: «Тут, в глубине души, есть много спиритуальности». Но коль скоро данный человек начинает говорить — в его речи нет совсем ничего от спиритуальности. Поэтому, собственно, никогда еще не было такого времени, когда в столь высокой степени, как именно теперь, лица людей противоречили бы тому, что человек говорит.

Кто хочет, тот должен понять, что необходимы сила и энергия, упорство и священное воодушевление для того, чтобы то, что уже принадлежит к нынешней эпохе, а именно интеллектуализм, преобразовать в спиритуальность, — чтобы мысли возносились в духовный мир, и чтобы при помощи идей можно было найти путь, как к вышнему Духу, так и к духовному в природе. Тот, кто хочет это понять, должен уяснить себе, что прежде всего **интеллектуализм составляет самое сильное, какое только можно помыслить, препятствие для раскрытия спиритуального, находящегося в человеческой душе.** И только тогда, когда это будет достаточно принято во внимание, человек, являющийся антропософом, обретает глубокий энтузиазм к тому, чтобы воспринять идеи антропософии, которые ведь должны считаться с интеллектуализмом эпохи и которые должны, так сказать, принять облачение современного интеллектуализма. Но такой человек пусть сумеет проникнуться тем, что им ведь избраны те относящиеся к миру внешних чувств идеи антропософии для того, чтобы постигнуть то, к чему эти идеи собственно относятся, а именно Духовное. Само погружение в идеи антропософии есть то, что может самым надежным образом вести нынешнего человека, если только он этого хочет, ввысь — в Спиритуальное.

То, что я теперь высказал, как свой последний тезис (Satz), мои дорогие друзья, — это, собственно, могло быть впервые сказано, пожалуй, только в последние два-три десятилетия. Прежде это было еще невозможно. Ибо прежде, несмотря на то, что власти Михаила было положено начало уже в конце семидесятих годов девятнадцатого столетия, дело обстояло так, что идеи, которые тем временем приносились людям — даже идеалистам, — были так сильно ориентированы на мир внешних чувств, что в семидесятих, восьмидесятих и девяностых годах подняться от интеллектуализма к спиритуальности было возможно только в исключительных случаях.

Какое действие оказывал этот факт, я хотел бы сегодня показать вам на одном примере. Я хотел бы показать, что в эту эпоху, когда по тем основаниям, которые я изложил именно в этом цикле лекций для членов Общества, должна была выступить антропософия, как воззрение, проистекающее от спиритуального, чрезвычайно сильно действовало то, что прежнее спиритуальное, которое раньше вступило в человеческие души, было оттеснено назад и должно быть оттеснено назад, запружено.

Да, в конце прошлого столетия оно, чтобы смочь вообще как-либо проявиться, должно было отступить назад перед интеллектуализмом.

Поймите правильно, что я подразумеваю под этим. Возьмем, к примеру, какую-либо личность, которая жила во второй половине девятнадцатого столетия и которая имела в себе сильную спиритуальность, вынесенную из более ранней инкарнации: она вживается в современное образование — в тогдашнее современное образование, — которое оказывается интеллектуалистическим, насквозь интеллектуалистическим. Однако в той личности, которую я имею в виду, последующее действие былой спиритуальности является еще настолько сильным, что она хочет это выразить, верно выразить. Но интеллектуализм этого не допускает. Эта личность получила интеллектуальное воспитание; эта личность живет в определенной общественной среде, у нее есть определенная профессия, — и повсюду интеллектуализм; в этот интеллектуализм не может вступить то, что она несет в своей душе. Это могла бы быть личность, о которой можно сказать: она словно призвана к антропософии. Но такой человек не может стать антропософом, хотя если бы он смог внести в интеллект именно то, что обретено из спиритуальности более ранней инкарнации, так это стало бы антропософией. Но это у него не может стать антропософией; оно отступает назад вследствие своего рода шока, полученного от интеллектуализма. Что же иного может сделать подобная личность, как самое большее обходиться повсюду с интеллектуализмом как с чем-то таким, к чему она не хочет приблизиться, чтобы то, что есть в ее душе, могло выступить в какой-либо последующей инкарнации. Теперь же это не может достаточно выступить, ибо не соответствует наступившей эпохе. Это может быть даже словно неким косноязычием такой личности; но в отношении ее надо принять в соображение, что она повсюду судорожно отступает, даже слишком далеко заходя назад, перед интеллектуализмом эпохи, чтобы не оказаться им затронутой.

Для пояснения этого я хотел бы привести пример. Я хотел бы, прежде всего, напомнить об одной личности древности, которая здесь часто и все снова упоминалась в связи с самыми разными вещами. Это — **ПЛАТОН 1)**, философ пятого и четвертого дохристианских веков; он жил, собственно, как душа, которая предвосхитила многое из того, о чем затем на протяжении столетий размышляет человечество. Ведь и я, когда указывал на великое духовное содержание школы **ШАРТРА**, указал на то, что дух Платона недавно жил в развитии христианства и что он определенным образом нашел свое выражение в этих великих учениях школы Шартра как раз так, как это могло быть именно тогда.

В отношении этого надо уяснить себе следующее: дух Платона был обращен, прежде всего, к миру идей. Однако, мои дорогие друзья, нельзя представлять себе, что идея Платона была тем самым абстрактным чудищем, что и наши нынешние идеи, какие мы имеем, будучи привержены обыкновенному сознанию. Для Платона идея была почти чем-то вроде того, чем являлись персидские Боги Амшаспанды, которые состояли при Аура Маздао как действующие Гении; действующими гениями, постижимыми только для имагинативного ясновидения, были

для Платона идеи, то есть они были сущностными. Но только он описывал их уже больше не с той жизненностью, с какой изображались такие вещи в более ранние времена. Он описывал их, можно было бы сказать, как тени духовных существ. И вследствие этого потом ведь возникают абстрактные мысли, так что идеи воспринимаются людьми все более и более тенеподобными. Но Платон, в дальнейшем ходе своей жизни, углубляет свое учение таким образом, что можно было бы сказать: в его мир идей изливается почти вся мудрость тогдашнего времени. Нужно просто взять его более поздние диалоги, и тогда у Платона найдешь астрологическое-астрономическое, космологическое, достойное изумления психологическое, этнографически-историческое, и все это в некоем виде (*in einer Art*) спиритуальности, какая, сказал бы я, утончена до степени тенеподобной идеи.

Но все это у Платона исполнено жизни. И прежде всего у Платона живым является ясновидческое прозрение: идеи суть основы появления всего того, что существует в мире внешних чувств. Повсюду: куда мы ни взглянем в мире внешних чувств и что мы ни увидим — все суть внешнее выражение, внешнее проявление идей.

При этом в мировоззрение Платона вступает еще другой элемент, который стал известен также и окружающему миру в виде ходячего выражения (*Schlagwort*), которое стало предметом большого непонимания, а также и злоупотребления, — под наименованием «**платонической любви**». Одухотворенная любовь, которая максимально много сбросила с себя из того, что зачастую еще примешивается к любви от эгоизма, — одухотворенная самоотверженная преданность миру, жизни, человеку, Богу, идее — это и есть ведь то, что пронизывает жизневоззрение Платона. И это есть то, что в определенные эпохи отступает назад, но что потом всегда снова источает свет. Ибо **ПЛАТОНИЗМ** 2) все снова становится воспринимаемым и опять образует тут ли, там ли возвышенное, к чему стремятся люди; платонизм образовал также основу того, чему учили в школе Шартра.

Уже часто в Платоне усматривали своего рода предшественника христианства. Однако, думать, что Платон был, мол, предшественником христианства, — это значит не понимать христианства. Ибо христианство есть не учение, — но жизненное течение, связанное с Мистерией Голгофы; и о действительном христианстве можно говорить только после Мистерии Голгофы. Но можно говорить, что и прежде были христиане в том смысле, что они до Мистерии Голгофы то Существо, которое потом внутри земной жизни человечества было познано как Христос, почитали как Солнечное Существо, — прозревали Его в этом Солнечном Существо. Если хотят говорить о предшественниках христианства в этом смысле, тогда надо говорить и о многих учениках Мистерий, как о таких предшественниках; тогда также о Платоне можно говорить, как об одном из предшественников христианства. Но, конечно, это надо только верно понимать.

Некоторое время тому назад я здесь ведь уже говорил, что когда Платон еще жил, то под влиянием Платона подрастал (я уже упоминал об этом даже более десятилетия тому назад) один художник, который хотя и не

состоял в философской школе Платона, но исходил, если не из философии Платона, то из ее духа; после того, как он прошел через другие инкарнации, он снова родился уже как **ГЕТЕ**, и кармически то, что пришло к нему из прошлых инкарнаций и в особенности из Платонова течения, будучи переработано в сфере Юпитера, могло стать тем видом мудрости, которая пронизывала у Гете все. Итак, мы можем уже направить свой взор на возвышенное (*edies*) отношение Платона к этому, правда, не его непосредственному ученику, но его последователю; ибо он был, как сказано, не философом, а художником в греческую эпоху. Но взор Платона упал на него, заметил то великое, многообещающее, что было в этом юноше.

Так вот, Платону было, собственно, тяжело в последующие времена пронести через сверхчувственный мир то, что он носил в своей душе во время своей инкарнации как Платон. Это давалось ему очень тяжело. Ибо хотя платонизм и вспыхивал то тут, то там на Земле, когда Платон из высшего мира взирал на то, что развивалось дальше как платонизм, тем не менее это неоднократно означало собой страшное препятствие для сверхчувственной душевной и духовной жизни Платона.

Дело обстоит не так, как если бы поэтому хотелось осуждать или безоговорочно критиковать то, что жило дальше как платонизм. Само собой разумеется, душа Платона в последующую эпоху все более и более отчужденно переживала кусок за куском (*Stuck fur Stuck*) то, что как раз в ней самой лежало. Но именно Платону, который был ведь еще связан со старыми Мистериями древности, и о котором я мог сказать, что его учение об идеях имело в себе своего рода персидский вклад, — именно Платону, когда он закончил проходить в сверхчувственном мире время, положенное до вступления в новую инкарнацию (а у него это было даже изрядно долгое время), было тяжело вступить в христианскую культуру, в которую он, однако, должен был вступить. Так что можно сказать: несмотря на то, что в том смысле, о каком я сейчас сказал, Платон все же может быть обозначен, как один из предшественников христианства, вся душевная установка Платона была такой, что ему стало чрезвычайно трудно, когда он созрел для нового нисхождения на Землю, найти подходящее тело и так внести в него свое, обретенное в прошлом, достояние, чтобы теперь оно могло появиться с христианским оттенком, с христианской нюансировкой. И, кроме того, Платон был насквозь греком и греком со всем тем восточным вкладом, который вообще имели греки и которого вовсе не имели римляне. Платон в известном смысле был такой душой, которая поднимала философию в царство высокой поэзии, а потому философские диалоги Платона являются художественными произведениями. В них повсюду присутствует душа и повсюду же они проникнуты «платонической любовью», которую надо понимать в ее истинном смысле и которая вместе с тем явственно выдает свое восточное происхождение.

Платон является греком. Цивилизация же, в среде которой он мог единственно воплотиться, когда он созрел для новой инкарнации и, так сказать, состарился для сверхчувственного мира, — эта цивилизация была римской и христианской. Я хотел бы сказать, если смею употребить

тривиальное выражение: «Тут он вынужден был туда влезть». Тут он должен был собрать все свои силы, чтобы преодолеть свое же сопротивление. Ибо в существе Платона было заложено отвращение к римской прозаической трезвости, к римскому праву, — собственно, ко всему римскому.

В самом существе Платона заключалась также определенная трудность к принятию христианства, ибо сам он ведь являл собой в известном смысле вершину дохристианского мировоззрения; также и во внешних обстоятельствах обнаруживалось, что собственное существо Платона не могло с легкостью нырнуть в христианство. Ибо что тогда в мире внешних чувств проникало вглубь христианства? — **НЕОПЛАТОНИЗМ 3**). Однако, это было нечто совсем иное, чем настоящий платонизм. Хотя и образовался, не правда ли, некий вид платонизирующего гнозиса и так далее, тем не менее возможности перевести непосредственное существо Платона в христианство не существовало. Трудность для Платона была в том, — как же ему теперь как-либо вступить в мир внешних чувств, обладая всей той активностью, какую несло в себе существо Платона, и какая должна была бы опять выступить в плодах его деятельности? И он должен был отеснить назад свою активность.

И вот таким образом он воплотился в десятом столетии Средневековья как монахиня **ГРОСВИТА** (*Hroswitha*, ок. 935-ок. 1000), — та позабытая, но грандиозная личность десятого столетия, которая восприняла христианство в действительно платоновом смысле и которая, в сущности, внесла поразительно много от платонизма в средневековое бытие. Принадлежа к монахиням монастыря Гандерсгейм в Брауншвейгской области, она внесла поразительно много от платонизма в средневековое бытие. Это могла сделать тогда только женщина. Существо Платона не могло бы принять в то время христианство, если бы оно не появилось с женским колоритом. Но им тогда должно было быть воспринято — я хотел бы сказать: по принуждению воспринято — также и римское латинство, так как все тогдашнее образование велось на латинском языке. Мы видим, что эта монахиня развивается в ту замечательную личность, которая пишет латинские драмы в стиле римского поэта **ТЕРЕНЦИЯ 4**), — драмы, которые действительно имеют чрезвычайно большое значение.

Да, видите ли, можно было бы сказать, что почти страшно близкой является возможность не узнать Платона, как-либо встретившись с ним (в его новом воплощении). Я часто упоминал о том, что **ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ 5**) (1813-1863) сделал набросок одной драмы, (есть только набросок ее плана); там Геббель хотел юмористически изобразить, как перевоплотившийся Платон сидит учеником в одном из классов гимназии. Конечно, это поэтическая фантазия, но Геббель хотел изобразить, как перевоплотившийся Платон в гимназическом классе занимается изложением и истолкованием диалогов Платона, получая от преподавателя гимназии наихудшие отметки за свою интерпретацию диалогов Платона. Вот это и записал себе Геббель как материал для задуманной им драмы, которая, впрочем, осталась им неразработанной. Но это было у него, так сказать, предчувствием того, как вообще легко может быть не признан, не признан перевоплотившийся Платон.

Действительно, он легко может быть не узнан. Это есть та черта, сказал бы я, которая особенно интересовала меня при прослеживании Платонова течения; ибо это неузнавание, непризнание, собственно, чрезвычайно важно для отыскания верных путей при прослеживании дальнейшего прохождения индивидуальности Платона через земные жизни. Это ведь уже в высшей степени интересно, что нашелся один немецкий физиолог, (я не помню теперь его фамилии, — то ли какой-то Шмидт, то ли Мюллер), который приводил «научные» доказательства, «неопровержимые» доказательства того, что монахиня Гросвита не написала ни одной драмы и что вообще не написала ничего, все это, мол, сфальсифицировал некий советник императора **МАКСИМИЛИАНА**. Все это мнение, конечно, — бессмыслица. Но с Платоном как раз связано его непризнание.

Итак, вы в действительности видите эту интенсивную христиански-платоническую духовную субстанциональность связанной со средневропейским германским духом в этой индивидуальности монахини Гросвиты из десятого века. Она — действительно достойная удивления женщина. Именно эта женщина принимает потом участие в тех процессах сверхчувственного развития, о которых я говорил: переход учителей Шартра в духовный мир; нисхождение на Землю тех, кто затем выступили как аристотелики; Михаилова школа (*Michael-Schulung*). Однако совсем особенным образом участвует она в этом. Можно было бы сказать, что здесь борются между собой мужской дух Платона и женский дух монахини Гросвиты, которые оба внесли свои плоды в эту духовную индивидуальность. Если бы вторая инкарнация была малозначащей, что ведь бывает в громадном большинстве случаев, то такая внутренняя борьба не имела бы места. Но здесь, у этой индивидуальности, эта внутренняя борьба продолжалась, собственно, все время.

Таким образом, когда эта индивидуальность созрела для того, чтобы снова прийти на Землю в девятнадцатом столетии, то мы видим, что эта индивидуальность оформилась в такую, какую я гипотетически уже описал вам прежде: Вся спиритуальность Платона стала запруженной, отступившей перед интеллектуальностью девятнадцатого века и не желающей к ней приблизиться. И это осуществлялось тем легче, что в этой душе есть женское дарование монахини Гросвиты. Значит, эта душа выступает таким образом, что все, обретенное ею в ее столь значительной, блистательной женской инкарнации, позволяет ей с легкостью отвергнуть интеллектуализм там, где ей это будет угодно.

И вот так заново возникает на Земле в девятнадцатом столетии эта индивидуальность, которая вырастает в интеллектуальность девятнадцатого столетия, но тем не менее она всегда позволяет приблизиться к себе этой интеллектуальности только как чему-то внешнему, а внутреннее, собственно, судорожно отшатывается от нее. Но зато платонизм вторгается в сознание этой души не интеллектуалистическим образом, и повсюду, где только она может это сделать, она говорит, что во всем живут идеи. Эта жизнь в идеях стала для этой личности чем-то само собой разумеющимся. Но ее тело было таким, что всегда можно было иметь ощущение: голова, собственно, не может выразить все то, что там хочет проистечь из платонизма. С другой же стороны, эта личность могла дать

прекрасным блистательным образом ожить тому, что сокрыто за платонической любовью.

Но есть еще дальнейшее. В своей юности эта личность имела нечто вроде сновидений о том, что Средняя Европа (где она ведь жила прежде как монахиня Гросвита) не должна была быть по-настоящему римской, она представляла себе эту Среднюю Европу словно некую новую Грецию — тут пробивался платонизм; а та более глубокая страна, именно Македония, которая противостояла Греции, представлялась ей в виде европейского Востока. Примечательными были сновидения, которые жили в этой душе; из них, собственно, можно усмотреть, что она хотела современный мир, в котором она сама жила, представлять себе словно Грецию и Македонию. Как раз в юные годы этой личности все снова всплывало в ней стремление представлять себе современную Европу в общем, как увеличенные Грецию и Македонию.

Так вот, этой личностью, о которой я сейчас говорю, является **КАРЛ ЮЛИЙ ШРЕЕР** (1825-1900). И вам надо для сравнения с тем, что мною было сказано, лишь посмотреть сочинения Карла Юлиуса Шреера: с самого начала он говорит, собственно, вполне в духе Платона. Однако, крайне знаменательно, что он оберегает себя — я хотел бы сказать: с манерностью девушки-недотроги — от интеллектуализма, когда и где он не может его использовать.

Говоря о **НОВАЛИСЕ 6)**, он всегда охотно говорил: «Да, Новалис, — это дух, которого не понять при помощи современного интеллектуализма, не знающего ведь ничего другого, кроме того, что дважды два суть четыре».

Карл Юлий Шреер написал историю немецкой художественной литературы девятнадцатого века. Посмотрите: всюду, там, куда можно подойти с душевным ощущением платонизма, эта история литературы очень хороша; а там, где касается интеллектуализма, внезапно обнаруживается, что ее строки иссыкают. Шреер пишет совсем не по-профессорски; кое о ком, о ком остальные историки литературы умалчивают, у него написаны многие страницы; о тех же, кто является знаменитостями, он пишет порою только пару строк. Он пишет также и о **СОКРАТЕ**, новое воплощение которого осталось совсем незаметным во внешнем мире⁴...

Когда эта история литературы появилась, — о, тогда все литературные слухи всплеснули руками над головой! Вполне известным слухом был в это время Эмиль Ку. Он говорил: «Эта история литературы вообще написана без участия головы и проистекла лишь из движений кистей рук Шреера».

Карл Юлий Шреер предпринял также издание «Фауста» Гете под своей редакцией. Один профессор Университета в Граце, который, впрочем, отличался в иных случаях своей точностью, написал столь отвратительную рецензию на это издание, что, мне думается, произошел десяток дуэлей среди студентов Граца — за и против Шреера. Это явилось уже тяжким непризнанием. Это зашло настолько далеко, что мне

⁴ Здесь в стенограмме пропуск. По свидетельству присутствовавших на этой лекции, Рудольф Штайнер назвал Христиана Шреера, отца Карла Юлиуса Шреера, как перевоплощение Сократа в XIX веке. Примечание немецкого издательства.

однажды пришлось встретиться с этой отрицательной оценкой Шреера в Веймаре при своеобразных обстоятельствах. Там в присутствии **ЭРИХА ШМИДТА**, который был высоко почитаемой личностью и доминировал над всеми, когда бывал в обществе, как-то зашла речь о том, — кто из Веймарских принцесс и принцев умен, а кто — глуп? И Эрих Шмидт сказал: «Вот, принцесса Ройс (это была одна из дочерей великой герцогини Веймарской) вовсе не умная женщина, так как она почитает Шреера за большого ученого». Таково было его доказательство.

Ну, проследите все это вплоть до чудесно-прекрасной книжечки Шреера «Гете и любовь»: там вы действительно найдете то, что без какого-либо интеллектуализма можно сказать о платонической любви в непосредственной жизни. То, что там, в этой книжечке, дано нечто необычайное в отношении стиля и установки, — это однажды прекрасно выступило передо мной, когда я говорил об этой книжечке с сестрой Шреера. Она назвала ее стиль «вполне сладостным при недозрелости». Таким он также и является. Это — прекрасное выражение: «вполне сладостный при недозрелости». В этом случае не годилось говорить сгущая краски, и у Шреера там все изображено с тонким благородством. Благородство, вообще, было ему особенно свойственно.

Но эта платоническая спиритуальность вместе с отталкиванием от себя интеллектуализма—эта платоническая спиритуальность, которая хотела вступить в это тело Шреера, — она производила совсем особенное, примечательное впечатление. Шреер выглядел так, что совершенно отчетливо воспринималось: эта душа не может полностью вступить в данное тело. И когда затем он стал стареть, тогда можно было заметить, как эта душа, которая, собственно, не хотела по-настоящему вступать в тело, данное ей тогдашним временем, — как она стала постепенно выходить обратно из этого тела. Сперва распухли и стали нечувствительными пальцы, потом душевное существо все больше и больше выходило обратно из тела — Шреер заканчивал свою жизнь в состоянии старческого слабоумия.

Не вся индивидуальность, но как раз некоторые особенности Шреера были перенесены мною на фигуру профессора Капезиуса в моих драмах-мистериях. Уже можно сказать: тут мы имеем блестящий пример того факта, что только при известных условиях спиритуальные течения могут быть внесены в современность. И хотелось бы уже сказать: в Шреере обнаруживается ужас перед интеллектуализмом. Если бы он достиг интеллектуальности и смог бы соединить ее со спиритуальностью Платона, — то пришла бы антропософия.

Мы усматриваем в его Карме, как его, сказал бы я, отеческая любовь к будущему Гете (она ведь пришла таким образом, как я вам об этом сказал, и Платон тогда питал к нему отеческую любовь) преобразовалась и стала у Шреера горячим почитанием Гете. Она снова выступает в этой форме. Почитание Гете у Шреера было чем-то чрезвычайно личным.

На старости он хотел написать биографию Гете. Он рассказывал мне об этом прежде, чем я в конце восьмидесятых годов уехал из Вены. Потом он сказал мне об этом. Но никогда он не писал мне об этой биографии Гете, которую он хотел написать, иначе, чем так, что говорил: «Гете постоянно

посещает меня в моей комнате». Это несло в себе столь личное, что было ведь именно в этом виде кармически predetermined (как я об этом уже упомянул).

Эта биография не появилась, ибо как раз тогда Шреер начал впадать в старческое слабоумие. Однако, для всего направления и изложения (*Duktus*) его сочинений находишь вполне ясную интерпретацию, когда знаешь эти прошлые его жизни, которые я сейчас описал.

Итак, мы видим, как в личности ныне, собственно, совсем позабытого Шреера гетеанство остановилось перед воротами преобразованного в спиритуализм интеллектуализма. Что же, собственно, иное можно было делать, хотел бы я сказать, как, получив побуждение от Шреера, не продолжать гетеанство дальше вплоть до антропософии! Кому-то, так сказать, не оставалось делать ничего иного. И часто перед моим душевным оком вставал захватывающий меня образ того, как Шреер преподносит древнюю спиритуальность, имеющуюся у Гете; как с нею можно проникнуть в интеллектуализм, и как Гете, чтобы стать, собственно, вполне понятным, должен быть снова постигнут при помощи современного интеллектуализма, поднятого в спиритуальное. Этот образ мне самому давался нелегко. Ибо все снова и снова к этому моему душевному устремлению примешивалось нечто вроде оппозиции по отношению к Шрееру, так как то, чем был Шреер, не могло стать непосредственно воспринятым.

Например, когда Шреер в Венском Высшем Техническом Училище вел занятия по устной речи и письменному изложению, то я однажды представил изрядно искаженную интерпретацию Мефистофеля, — просто для того, чтобы возразить Шрееру, как преподавателю (тогда у меня еще не было близких дружеских отношений с ним). И вот так он возбуждал против себя некоторую оппозицию. Но, как сказано, что можно было сделать иного, как не преодолеть наступивший застой и не внести на самом деле гетеанство в антропософию!

Итак, вы видите, как в действительности происходит ход всемирной истории. Он происходит уже так, что можно усмотреть следующее: то, что имеешь в современности, — оно приходит, встречаясь с задержками, с препятствиями, но вместе с тем приходит также довольно подготовленным. И, собственно, когда вы читаете у Карла Юлия Шреера его чудесное, подобное гимну, изображение женской сущности, — когда вы читаете его прекрасную статью «Гете и женщины», которую он написал в качестве приложения к своей «Немецкой художественной литературе девятнадцатого века», и когда вы все это воспринимаете, то затем вы ведь скажете себе: В этом действительно живет нечто от ощущения женской ценности и женского существа, что является отзвуком пережитого монахиней Гросвитой, как ее собственного существа. Эти две предшествующие инкарнации так удивительно вибрируют совместно у Шреера, что кое-кому их обрыв покажется довольно трагическим. Но, с другой стороны, как раз в личности Шреера выступает фактический духовный мир конца девятнадцатого века, который сильнейшим образом проливает свет на тот ответ, какой можно дать на вопрос: как же мы вносим спиритуальность в жизнь современности?

Это и есть то, чем я хотел завершить этот цикл лекций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) **ПЛАТОН** (428 или 427 до Р.Х. — 348 или 347), древнегреческий философ-идеалист. Ученик Сократа, ок. 387 основал в Афинах школу — Платоновскую Академию. Учение Платона — первая классическая форма объективного идеализма. Идеи (высшая среди них — идея блага) — вечные и неизменные умопостигаемые прообразы вещей, всего преходящего и изменчивого бытия; вещи — подобие и отражение идей. Познание есть **анамнесис** — воспоминание души об идеях, которые она созерцала до ее соединения с телом. Любовь к идее (Эрос) — побудительная причина духовного восхождения. Идеальное государство — иерархия трех сословий: правители-мудрецы, воины и чиновники, крестьяне и ремесленники. Платон интенсивно разрабатывал диалектику и наметил развитую неоплатонизмом схему основных ступеней бытия. Сочинения Платона — высокохудожественные диалоги; важнейшие из них: «Апология Сократа», «Федон», «Пир», «Федр» (учение об идеях), «Государство», «Теэтет» (теория познания), «Парменид» и «Софист» (диалектика категорий), «Тимей» (натурфилософия).

2) **ПЛАТОНИЗМ**, в широком смысле, — идеалистические течения в философии, находящиеся под влиянием Платона (прежде всего его учения об идеях); прямое или косвенное воздействие платонизма испытала вся европейская идеалистическая философия. В более узком смысле — направление в древнегреческой философии с 4 в. до Р.Х. С 3 в. после Р.Х. главной формой платонизма стал неоплатонизм.

3) **НЕОПЛАТОНИЗМ** — идеалистическое направление античной философии 3-6 вв., систематизировавшее учение Платона в соединении с идеями Аристотеля, неопифагореизма и др. В центре неоплатонизма — учение о сверхсущем едином и иерархичном строении бытия, разработанное **ПЛОТИНОМ** и завершенное **ПРОКЛОМ**. Основные школы: римская (3 в., Плотин, Порфирий), сирийская (4 в., Ямвлих), пергамская (4 в., император Юлиан), афинская (5-6 вв., Прокл), александрийская (5-нач. 7 вв.). Латинские неоплатоники — Марий Викторин, Марциан Капелла, Боэций. Оказал широкое влияние на европейскую и восточную философию.

4) **ТЕРЕНЦИЙ** (*Terentius*) Публий (ок. 195-159 до Р.Х.), римский комедиограф. Используя сюжеты и маски Новой аттической комедии, выходил за рамки традиционных комедийных схем, вводя этические и гуманистические мотивы и создавая психологически очерченные типы (комедии «Евнух», «Девушка с Андроса»). Оказал влияние на европейскую драматургию.

5) **ГЕББЕЛЬ** (Хеббель) (*Hebbel*) Кристиан Фридрих (1813 — 1863), немецкий драматург и теоретик драмы. Исходя из пессимистически-метафизического понимания истории, абсолютизировал в своих трагедиях противоречия буржуазной действительности, изображая «извечную» борьбу гуманистического героя с миром («Мария Магдалина», «Ирод и

Мириамна», «Нибелунги»).

6) **НОВАЛИС** (*Novalis*) (настоящее имя и фамилия Фридрих фон Харденберг, Hardenberg) (1772-1801), немецкий поэт и философ. Представитель йенского кружка романтиков. Высказал идеи интуитивистской диалектики, всеобщего символизма природы, полярности и взаимоперехода всех вещей («магический идеализм»). Философские фрагменты, лирический цикл «Гимны к ночи», «Духовные песни», незаконченный роман «Генрих фон Офтердинген».

Последняя речь

«Обращение в канун Дня Михаила»

28 сентября 1924 г., Дорнах.

Вчера и позавчера я не смог говорить с вами. Но сегодня, когда действует настроение святости наступающего Михайлова дня, которое должно завтра воссиять в наших сердцах, в наших душах, я все же не хотел бы допустить того, чтобы не сказать вам, мои дорогие друзья, хоть несколько слов.

То, что я могу это сделать, стало осуществимым только благодаря самоотверженному уходу нашего друга, врача **ИТЫ ВЕГМАН 1)**. И вот я надеюсь, что я сегодня все же буду в состоянии сказать то, что мне очень хотелось бы высказать вам в торжественном настроении этого праздника или в связи с ним.

В последнее время мы много говорили, мои дорогие друзья, о вступлении в ход жизни людей, в ход их душевной жизни, токов сил Михаила. И это будет, можно сказать, одним из прекраснейших достижений антропософского распознавания знамений времени, если мы будем в состоянии добавить к другим годичным праздникам еще и верные по своему настроению праздники Михаила. Но это станет возможным лишь тогда, когда то могущественное, что заключено в Михайловой Мысли, которое сегодня еще только чувствуют, только еще предчувствуют, когда это могущественное перейдет в души ряда людей, которые затем и смогут стать верным человеческим источником для создания такого праздничного настроения у людей.

В настоящее время мы можем создать такое, можно сказать, Михайлово настроение, отвечающее времени Михаила, если мы отдадимся мыслям, подготовляющим нас к грядущему для человечества будущему празднику времени Михаилу. И также, подготовляющие нас мысли возникают в нас особенно живо, если мы направим свой взор на то, что в течение этого столетия может быть осуществлено для развития человечества теми душами, которые в действительности с верным настроением чувствуют себя привлеченными к течению Михаила.

И то, что вы, мои дорогие друзья, поскольку вы **честно** склоняетесь к антропософскому движению, принадлежите к этим душам, — объяснить это вам и было как раз моим стремлением в течение последних недель, особенно в тех лекциях, в которых я говорил кое о чем из Кармы самого Антропософского Общества.

Мы можем указать еще на нечто и сделаем это как раз сегодня; мы можем указать на нечто такое, благодаря чему перед нашей душой предстанут существа, которые внутренне связаны и будут еще в дальнейшем всегда связаны с тем, что мы здесь описали как течение Михаила; мы можем направить свой взор на существ, оказавших большое влияние на значительную часть человечества, по крайней мере в течение своих двух следующих друг за другом инкарнаций, — на существ, которые для нас, только после того, как мы познали их, как следующие друг за другом инкарнации одного и того же существа, объединились уже в некое единство.

ИЛИЯ — ИОАНН — РАФАЭЛЬ — НОВАЛИС

Если мы направим свой духовный взор во времена древности, то мы увидим всплывающую перед нами в иудейском предании пророческую натуру **ЭЛИА** (в русской канонической передаче — **ИЛИЯ**). Мы знаем, какое значение имела эта целеустремленная сила пророка Элиа для народа Ветхого Завета, а тем самым для человечества вообще. И мы уже указывали, как в течение времени, в важнейшие моменты земного развития человечества, Это существо, которое некогда было в Элиа, появилось опять, появилось так, что то посвящение, которое оно должно было получить для блага развития человечества, могло быть дано ему самым Христом Иисусом, — как это существо Элиа опять появилось в **ЛАЗАРЕ-ИОАННЕ**, что это есть одна и та же фигура⁵ (*Gestalt*), как вы это можете усмотреть уже из моей книги «Христианство как мистический факт». В дальнейшем это существо опять появляется в том, имеющем мировое значение, художнике, который, благодаря Мистерии Голгофы, смог так необычайно выразительно и возвышенно развернуть свое художественное творчество. И затем мы видели, что то, что жило в глубоко христианских импульсах, как сущность самого христианства, жило в **РАФАЭЛЕ 2**), стремясь выразить себя в красках и формах, — как это опять воскресло в поэте **НОВАЛИСЕ**; и через Новалиса открывалось в чудесно прекрасных словах то, что Рафаэлем было явлено в прекрасных красках и формах. Мы видим следующее друг за другом появление таких существ, которые в свете идеи о перевоплощении объединяются в одно.

Мы знаем — ибо я уже часто обращал здесь на это внимание, — как человек, когда он прошел через врата смерти, вступает в миры небесных светил; как то, что мы обозначаем внешне, в физическом смысле, как небесные светила, есть внешний знак для неких духовных миров, взирающих с небесной высоты на нас, но которые вместе с тем всегда и всюду принимают участие в развитии человечества.

⁵ См. по этому поводу «Послесловие от издательства» и «Дополнительные замечания к последнему обращению».

Мы знаем, что человек проходит через сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна с тем, чтобы после того, как он выработал свою карму совместно с Существами этих сфер и с теми человеческими душами, которые также находятся там, как отошедшие от земной жизни, опять возвратиться к земному существованию.

Бросим свой взгляд, исходя из этой точки зрения, на Рафаэля, как он, пройдя через врата смерти, вступает в сферу мира небесных светил, в сферу духовного развития, как он вступает со своим, уже на Земле по-небесному сияющим, художественным дарованием, и тогда мы увидим следующее: мы увидим, как Рафаэль, вступая в лунную сферу, вступает также во взаимоотношение с теми духами, которые обитают на Луне и которые являются духовными индивидуальностями, бывшими некогда великими учителями человечества, мудростью которых Рафаэль был глубоко инспирирован еще как Элиа; мы видим, как он совместно с этими существами Луны, а также со всеми теми душами, совместно с которыми он прошел и пережил более ранние ступени земного бытия, достигает духовного единения со всем тем, что суть духовные первоисточники Земли, со всем тем сущностным, что вообще только и сделало возможным бытие человечества и пронизание земного Божественным; мы видим Рафаэля, так сказать, в кругу «своих», — связанного с теми, с кем он в бытии Элиа охотнее всего общался, ибо это были те, кто в начале существования Земли определили цель этой жизни Земли.

Затем мы видим его странствие через сферу Меркурия. Там он, находясь с великими космическими Целителями, преобразует для своей духовности все то, что уже делало его способным создавать в красках и линиях столь здоровое, столь бесконечно целительное. Все то, что он написал красками как картины или фрески, все то, что он написал к великому утешению и бесконечному восторгу людей понимающих, все, что было исполнено таким сиянием, излучением света, — все это предстало теперь перед ним во всем его космическом значении, которое он мог постигнуть благодаря прохождению через сферу Меркурия.

И вот он, развивший на Земле такую любовь к искусству, совершенно отдавшийся любви к краске и к линии, перешел потом в сферу Венеры, которая, в свою очередь, любовно перенесла его далее к тому солнечному бытию, которое жило в его, известных нам доселе, прежних инкарнациях, — к тому солнечному бытию, благодаря которому он, как пророк Элиа, принес человечеству через свой народ великие целеустремленные истины.

Мы видим, как он может опять жить в солнечной сфере, но теперь иным образом, чем когда он был на Земле соучастником Христа Иисуса и пережил то, что он стал из Лазаря Иоанном благодаря Посвящению, совершенному Христом Иисусом.

И мы видим, как он лицезреет словно воссияние Вселенского света, проникающего своими лучами в его, испытывающее космическое преобразование, человеческое сердце, то, что он написал некогда красками в таком сияющем свете для верующих Христа Иисуса.

И мы видим далее, как он в сфере Юпитера пронизывает мудростью то, что таким образом обрел на основе своей жизни; мы видим, как он в

состоянии мудро достичь единения с такими духами, как **ГЕТЕ**, позднейший Гете, но также и с такими духами, которые шли более или менее окольными путями, однако, обращаясь к тому, что есть Сущность мира, что есть мировой Разум, и переводя это в магическое. Мы видим, как он заложил там основы своего магического идеализма, в сопереживании эволюции того, кто стал позднее **ЭЛИФАСОМ ЛЕВИ**. Мы видим, как он участвует во всем том, что тогда там жило в **СВЕДЕНБОРГЕ**. И вот что замечательно, мои дорогие друзья, что глубоко значительно: такой, исполненный совершенной преданности к Рафаэлю, человек, как **ГЕРМАН ГРИММ**, пытался четыре раза написать жизнеописание Рафаэля. И никогда ему не удавалось обрисовать земную жизнь Рафаэля действительно так, чтобы он сам был бы этим удовлетворен. Между тем, он прекрасно закончил жизнеописание **МИКЕЛАНДЖЕЛО**. Он, этот Герман Гримм, снова и снова пишет жизнеописание Рафаэля, все оказывающееся никак неудовлетворяющим самого автора.

Появляется его первая книга о Рафаэле, которая должна была бы стать его биографией. Но что же это такое? Он дает перепечатку старых анекдотов **ВАЗАРИ 3)** о Рафаэле. И он не дает биографии Рафаэля, он дает нечто совершенно другое: он дает картину того, чем стал Рафаэль здесь, на Земле, после своей смерти в глазах людей, в их почитании, в их признании, в их понимании. Герман Гримм рассказывает о том, что люди думали о Рафаэле, как думали о нем в смене столетий итальянцы, французы, немцы. Он дает биографию мыслей о Рафаэле людей, живших здесь, на Земле, после смерти Рафаэля. Он находит доступ к тому, что осталось от Рафаэля в людских воспоминаниях, в людском почитании, в понимании его людьми; но он не находит возможности изобразить земную жизнь Рафаэля.

И после того, как он принимался за это четыре раза, он сказал: в сущности, лично для Рафаэля можно сделать только то, что напишешь, как за одной его картиной следует другая так, словно они были написаны неким сверхчувственным существом, которое при своей земной жизни, собственно, совсем и не соприкасалось действительно с Землей. Картины существуют, и можно вообще совсем не принимать во внимание личность Рафаэля, написавшего эти картины, когда рассматриваешь последовательность того, что выражает себя во внутреннем содержании этих картин.

И Герман Гримм, когда он незадолго до своей смерти взялся за перо, еще раз попытался сказать о Рафаэле, он, собственно, так и сказал только о картинах Рафаэля, а не о земной личности Рафаэля.

Эта земная личность Рафаэля была ведь совсем в стороне, мои дорогие друзья, и вообще была тогда тут лишь благодаря тому, что было дано этой душе Лазарем-Иоанном, чтобы она излила в красках и линиях для людей.

И так жило это существо! Оно жило так, что оно смогло эту жизнь Рафаэля в некотором смысле еще раз оправдать и завершить опять-таки во всего лишь тридцатилетней жизни Новалиса. И вот мы видим, что Рафаэль умирает молодым, что Новалис умирает молодым; существо, происходящее от Элиа-Иоанна, является человечеству в двух различных

формах, подготовляя таким образом через искусство и поэзию Михайлово настроение, будучи ниспослано людям на Землю как посланник Михайлова течения.

И вот мы видим, как великая художественная одаренность Рафаэля всплывает в чарующей, столь глубоко затрагивающей сердце поэзии Новалиса. Все то, что глаза людей могли узреть благодаря Рафаэлю, — всем этим могли исполниться сердца людей, когда это опять воскресло в Новалисе. И вот, если мы обратимся к Новалису: как продолжает звучать в Новалисе эта, так чутко воспринятая и прочувственная Германом Гриммом, жизнь Рафаэля! В молодые годы умирает та, которую Новалис любил. Сам он тоже еще молод. Какую же жизнь хочет он вести после ее смерти? Он сам выражает это, говоря, что его земная жизнь должна исходить из стремления умереть вслед за ней. Он хочет перейти в сверхчувственное, он хочет опять вести жизнь Рафаэля, не соприкасаясь с собственно земным; он хотел бы изживать в поэзии свой магический идеализм, избегая соприкосновения с земной жизнью.

И если мы посмотрим, как действует на нас то, что он выразил в своих «Фрагментах», то мы увидим, что оно действует на нас так глубоко потому, что все то, что мы имеем перед собой в непосредственно данной действительности внешних чувств, все то, что мы можем видеть глазами, что глаза воспринимают на Земле как прекрасное, — все это в поэзии Новалиса благодаря тому, что живет в его душе как магический идеализм, появляется почти что в небесном поэтическом сиянии. Даже самое незначительное в материальном мире умеет он, благодаря своему магическому идеализму, представить восстановленным, воскресшим в его духовном сиянии.

Итак, мы видим, как раз в Новалисе, того блистательного провозвестника течения Михаила, которое должно, мои дорогие друзья, вести нас ввысь, — теперь, пока вы живете, и затем, после того как вы пройдете через врата смерти. И вы найдете в духовно-сверхчувственном мире то существо, о котором я говорил сегодня, вы найдете там также всех тех, с которыми вы должны будете готовить то деяние, которое должно свершиться в конце этого столетия и которое должно вывести человечество из этого глубокого кризиса, в который оно ввергнуто.

И тогда, когда это деяние, это великое, это могучее пронизание силой Михаила, волей Михаила, которая есть не что иное, как то, что предваряет волю Христа, силу Христа, чтобы дать возможность силе Христа правильным образом укорениться в жизни Земли, — только тогда, когда эта сила Михаила сможет действительно победить то демонически-драконовское, которое вы также хорошо знаете, и когда вы все воспримете в себе свет Михайловой мысли, когда вы воспримете с верным сердцем и внутренней любовью эту Михайлову мысль и сохраните ее, если вы попытаетесь сделать Михайлово священное настроение этого года источником того, что не только явит вашей душе эту Михайлову Мысль во всей ее силе и могуществе, но сможет сделать ее живой, живущей во всех ваших поступках, — тогда вы станете верными служителями этой Мысли Михаила, тогда вы сможете стать благородным помощником в осуществлении того, что в смысле Михаила должно действовать в земном

развитии через антропософию.

Если Михайлова Мысль в ближайшее время станет вполне живой, по меньшей мере в 4*12 людях, но таких, которые не сами себя сочтут таковыми, но которые будут признаны таковыми со стороны Руководства Гетеанума в Дорнахе, — если в таких четырех дюжинах людей восстанут вожди-носители Михайлова праздничного настроения, тогда мы сможем узреть тот Свет, который в будущем распространится среди человечества благодаря Михайлову течению и Михайловой Мысли.

Да, это так, мои дорогие друзья, и я сегодня собрался с силами и поднялся ради того, чтобы сказать вам это хотя бы в немногих словах. На что-то большее сил у меня сегодня не хватило бы. Но вот что могло бы прозвучать сегодня из моих слов вашим душам: да воспримете вы Михайлову Мысль в смысле того, что может ощутить сердце, верное Михаилу, когда ему является Михаил, облеченный в сияющее одеяние самого Солнца; и он прежде всего указывает на то и истолковывает то, что должно свершиться для того, чтобы это Михайлово облачение, это одеяние из света, могло стать Космическим словом, которые суть Христовы слова, — те Космические слова, которые могут превратить Космический Логос в Логос человечества.

Поэтому сегодня да будут обращены к вам следующие мои слова:

Вы, происходящие от Солнечных Сил,
Светозарные, благие для мира
Духовные силы; Вам по замыслу Богов
Предназначено стать сияющим облачением Михаила.
Он, Христов Посланец, вносит в вас
Святую Вселенскую Волю, поднимающую человека;
Вы, светлые существа эфирных миров,
Несите Христово Слово человеку.
Так является Провозвестник Христа
Чающим, жаждущим душам;
В них излучается ваше светоносное слово
В мировую эпоху Духочеловека.
Вы, ученики Духопознания,
Примите в себя премудрую мысль Михаила;
В возвышенные цели ваших душ действительно
Внесите Слово Любви Вселенской Воли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) **ВЕГМАН Ита** (1876-1943), врач, член Правления (основания) Всеобщего Антропософского Общества с 1923 года, когда во время Рождественского Собрания тогдашнее Антропософское Общество было основано заново. Руководитель Свободной Высшей Школы духовной науки. Совместно с Р. Штайнером автор книги «Основания расширения искусства врачевания из духовно- научных познаний» (Grundlegendes für eine Erweiterung der Heilkunst nach geisteswissenschaftlichen Erkenntnissen, GA №27). Конфликты с Марией Штайнер-фон Сиверс привели к тому, что Ита

Вегман вместе с большей частью членов Общества была в 1935 году из Антропософского Общества исключена.

2) **РАФАЭЛЬ САНТИ** (*Raffaello Santi*) (1483-1520), итальянский живописец и архитектор. Представитель Высокого Возрождения. С классической ясностью и возвышенной одухотворенностью воплотил жизнеутверждающие идеалы Возрождения. Ранние произведения («Мадонна Конестабиле», ок. 1500-02) проникнуты изяществом, мягким лиризмом. Земное бытие человека, гармонию духовных и физических сил прославил в росписях станц (комнат) Ватикана (1509-17), достигнув безупречного чувства меры, ритма, пропорций, благозвучия колорита, единства фигур и величественных архитектурных фонов. Многочисленные изображения Богоматери («Сикстинская Мадонна», 1515-19), художественные ансамбли в росписях виллы Фарнезина (1514-18) и лоджиях Ватикана (1519, с учениками). В портретах создал идеальный образ человека Возрождения («Б. Кастильоне», 1515). Проектировал собор Св. Петра, строил капеллу Киджи, церковь Санта-Мария дель Пополо (1512-20) в Риме.

3) **ВАЗАРИ** (*Vasari*) Джорджо (1511-74), итальянский живописец, архитектор, историк искусства. Работал главным образом во Флоренции. Представитель маньеризма (фрески в Палаццо Веккьо, 1555-71); архитектурный ансамбль Уффици. Написал «Жизнеописания наиболее значительных живописцев, ваятелей и зодчих».

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Согласно заслуживающим доверия сообщениям, Рудольф Штайнер дал врачу Людвигу Ноллю следующее устное пояснение касательно этой его последней речи. — При пробуждении Лазаря от смертного сна духовное существо **ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ**, ставшее после его смерти Духом, осенившим учеников Христа Иисуса, проникло свыше в прежнего Лазаря вплоть до его души сознательной, а снизу оно прониклось существом Лазаря так, что обе они пронизали друг друга. Это и есть — после пробуждения Лазаря от смертного сна — **ИОАНН**, ученик, «который был любезен Господу».

Вспомним еще, что в цикле лекций о «Евангелии от Марка» Рудольф Штайнер в шестой лекции дал образ **ЭЛИА (ИЛИИ)**, как групповой души Апостолов.

Данный текст этой «Последней речи» основывается на заново проведенном сравнении со стенографической записью.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПОСЛЕДНЕМУ ОБРАЩЕНИЮ

Необходимо учитывать, что изложение 28 сентября 1924 г. Рудольф Штайнер не смог довести до конца. В воспоминаниях об этом Мария Штайнер писала в своей статье «В канун дня Михаила» в «Извещениях Антропософского Общества» в сентябре 1925 г:

«Он не довел лекции столь далеко, как он этого первоначально хотел. Он дал нам первую часть мистерии Лазаря; тогда он не только сказал мне, но позднее и написал также на обороте первой записи: «не распространять, пока я не добавлю к этому второй части». Тем не менее, как и многое, это было отнято затем от него. Теперь он уже не даст нам этой второй части. Правильное различие таинств инкарнации и инкорпорации, скрещений линий индивидуальностей предоставлено нашим познавательным силам. Он закончил тем, что подобно красной нити прошло через откровения его мудрости, — на мистерии Новалиса, Рафаэля, Иоанна... Мы все снова приводились к ней под различными аспектами. Последний, труднейший аспект, — ибо известная линия пересекается линией другой индивидуальности, — он дал нам в канун того Михайлова дня и — прервал...» То, на что Мария Штайнер лишь намекает, как на еще изустно данное Рудольфом Штайнером разъяснение, было достоверно передано доктором Людвигом Ноллем, лечащим врачом Рудольфа Штайнера наряду с доктором Итой Вегман:

При воскрешении Лазаря духовное существо Иоанна Крестителя, который с момента своей смерти был охраняющим (*uberschutzen*) духом сонма учеников, проникло сверху в прежнего Лазаря вплоть до души сознательной, а снизу его пронизало существо Лазаря, так что оба они пронизали друг друга. Тогда, после воскрешения Лазаря, это был уже Иоанн, «ученик, которого любил Господь». (Сравните также с 6-й лекцией «Евангелия от Марка», где Илия изображен как групповая душа Апостолов).

Согласно г-же доктору Кирхнер-Бокхольт, Рудольф Штайнер дал — вероятно г-же Ите Вегман — в дополнение к этому еще следующее разъяснение: «Исходя из земных сил, Лазарь мог развиваться в это время полностью лишь до души рассудочной или души характера; Мистерия Голгофы имела место в четвертом послеатлантическом периоде, а в это время была развита душа рассудочная или душа характера. Поэтому, начиная от души сознательной вверх, Манас, Будхи и Атма должны были быть приданы ему другой космической сущностью. Тем самым, перед Христом стоял человек, простиравшийся от земных глубин до высочайших небесных высей, в совершенстве несший в себе физическое тело благодаря всем членам вплоть до духовных членов, Манаса, Будхи, Атма, которые могут быть развиты всеми людьми лишь в далеком будущем». («Извещения» № 48 от 1 декабря 1963 г.).